



ПЕРМСКИЙ  
УНИВЕРСИТЕТ  
Классика будущего

ISSN 2076-0590

# НОВЫЕ ИДЕИ В ФИЛОСОФИИ

Выпуск 14(35)  
2024





ISSN 2076–0590

**Научный журнал**

Издается с 2014 г.

Выходит 2 раза в год

---

**НОВЫЕ ИДЕИ В ФИЛОСОФИИ**

**2024**

**NEW IDEAS IN PHILOSOPHY**

**Выпуск 14 (35)**

---

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (ПГНИУ)

Founder: Perm State University

***Редакционная коллегия***

Гл. редактор – Вячеслав Владимирович Корякин (к. филос. н., доц. каф. философии ПГНИУ). Олег Александрович Барг (д. филос. н., доц., Пермь), Елена Михайловна Березина (к. филос. н., доц. каф. культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ), Наталья Ириковна Береснева (д. филос. н., проф. каф. культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ), Александр Юрьевич Внутских (д. филос. н., проф. каф. философии ПГНИУ), Сергей Владимирович Комаров (д. филос. н., проф. каф. философии, декан философско-социологического ф-та ПГНИУ), Рудольф Львович Лившиц (д. филос. н., проф., Гатчина), Лева Асканазович Мусаелян (д. филос. н., зав. каф. философии ПГНИУ), Сергей Владимирович Пороженков (д. филос. н., проф. каф. философии ПГНИУ), Юрий Викторович Лоскутов (к. филос. н., доц. каф. философии ПГНИУ)

***Editorial board***

Editor-in-Chief – Vyacheslav V. Koryakin (Candidate of Philosophy, Associate Professor). Oleg A. Barg (Doctor of Philosophy, Professor), Elena M. Berezina (Candidate of Philosophy, Associate Professor), Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Professor), Alexandr Y. Vnutskikh (Doctor of Philosophy, Professor), Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Professor), Rudolf L. Livshits (Doctor of Philosophy, Professor), Lyudmila A. Myasnikova (Doctor of Philosophy, Professor), Leva A. Musayelyan (Doctor of Philosophy, Professor), Sergey V. Porosenkov (Doctor of Philosophy, Professor) Yuri V. Loskutov (Candidate of Philosophy, Associate Professor)

***Редакционный совет***

Надежда Васильевна Бряник (д. филос. н., проф., УрФУ, Екатеринбург), Лев Абрамович Закс (д. филос. н., проф., УрФУ, Екатеринбург), Эдуард Арменакович Коркотян (PhD, ст. науч. сотр., отд. нейробиологии Института им. Вейцмана, Израиль), Сергей Владимирович Орлов (д. филос. н., проф. каф. истории и философии, ГУАП, Санкт-Петербург), Александр Алексеевич Строканов (PhD, проф., руководитель департ. социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, госуд. колледж в Линдоне, США)

***Editorial council***

Nadezhda V. Brianik (Doctor of Philosophy, Prof., Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia), Lev A. Zaks (Doctor of Philosophy, Prof., Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia), Eduard A. Korkotian (PhD, senior scientific Researcher, Department of Neurobiology, Weizmann Institute, Israel), Sergei V. Orlov (Doctor of philosophy, Prof., Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia), Aleksandr A. Strokanov (Prof., Head of the Department of Social Sciences, Director of the Institute of Russian Language, History and Culture, PhD, Lyndon State College, USA)

*Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему  
«Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)*

© Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2024

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сулейменов И.Э., Габриелян О.А.</i> Сущность текущей трансформации миропорядка с точки зрения нейросетевой теории ноосферы .....	4
<i>Чупров А.С.</i> Инвариантность принципов философствования и уникальность философских воззрений .....	18
<i>Лоскутов Ю.В.</i> К вопросу о крахе советского проекта: социально-онтологический аспект .....	33
<i>Лившиц Р.Л.</i> Система образования как ключевой фактор обеспечения самодостаточности России .....	46
<i>Розов Н. С.</i> Социально-эволюционное объяснение эмпирических обобщений военной истории .....	56
<i>Грехов А.В.</i> Законы истории в интерпретации нижегородских философов.....	69
<i>Бакеева Е.В.</i> «Преодоление человеческого» и философия Иммануила Канта...	77
<i>Думинская М.В., Миллер В. И.</i> Гуманистические идеалы И. Канта и область современного права.....	87
<i>Ованнисян О.О.</i> Ограниченности классической логики и возможности неклассических систем с точки зрения развития искусственного интеллекта...	97
<i>Корякин В.В.</i> Труд, игра и симуляция. К вопросу об их объективном отношении.....	111
<i>Кадочников К.В.</i> Симуляция деятельности как реакция на усложнение труда.....	128
<i>Буйневич В.С.</i> Новый ключ к психофизиологической проблеме: феномен социального материального отражения.....	138

## CONTENTS

<i>Suleimenov I.E., Gabrielyan O.A.</i> The essence of the current transformation of the world order from the point of view of the neural network theory of the noosphere ...	4
<i>Chuprov A.S.</i> Invariance of principles of philosophy and uniqueness of philosophical views.....	18
<i>Loskutov Y. V.</i> To the question of the collapse of the soviet project: socio-ontological aspect.....	33
<i>Livshits R. L.</i> The education system as a key factor ensuring Russia's self-sufficiency .....	46
<i>Rozov N. S.</i> Socio-evolutionary explanation of military history empirical generalizations.....	56
<i>Grekhov A/V.</i> Laws of history in the interpretation of Nizhny Novgorod philosophers.....	69
<i>Bakeeva E. V.</i> “Overcoming the Human” and the philosophy of Immanuel Kant....	77
<i>Duminskaya M.V., Miller B. I.</i> Humanistic ideals of I. Kant and the field of modern law .....	87
<i>Hovhannisyan H. O.</i> Limitations of Classical Logic and Capabilities of Non-Classical Systems from the Point of View of Artificial Intelligence Development.....	97
<i>Koryakin V. V.</i> Labor, play and simulation. To the question of their objective attitude.....	111
<i>Kadochnikov K. K.</i> Simulation of activity as a response of increasing complexity of labor.....	128
<i>Buynevich V. S.</i> A new key to the psychophysiological problem: the phenomenon of social material reflection.....	138

## СУЩНОСТЬ ТЕКУЩЕЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОПОРЯДКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НЕЙРОСЕТЕВОЙ ТЕОРИИ НООСФЕРЫ

***И.Э. Сулейменов***

Доктор химических наук, кандидат физико-математических наук, профессор,  
главный научный сотрудник

Национальная инженерная академия Республики Казахстан

050000, Казахстан, Алматы, Тулебаева 82-21

[esenych@yandex.ru](mailto:esenych@yandex.ru)

***О.А. Габриелян***

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Крымского  
федерального университета имени В.И. Вернадского

Россия, 295007, г. Симферополь, ул. Ялтинская, 20

[gabroleg@mail.ru](mailto:gabroleg@mail.ru)

Современный мир, его развитие и обустройство является сложным планетарным феноменом и процессом. Рассматривать их в рамках только естественных наук или социально-гуманитарных наук явно недостаточно. Сложность мира предполагает иной интегральный способ его осмысления и освоения. В этом нам могут помочь концепции Дж. Лавлокка и В.И. Вернадского, которые снимают отмеченную разьединенность. Формирующаяся глобальная информационно-коммуникативная среда является ноосферной реальностью, которая представляет собой сущность, обладающую двойственной природой. В этой реальности объективным образом формируются надличностные структуры. Нейтросетевой подход и моделирование позволяют объяснить целый ряд феноменов и их эволюцию, таких как геополитическое обустройство мира (новый мировой порядок), государство, социокультурный код цивилизации или Дух народа.

Ключевые слова: трансформация миропорядка, геополитика, ноосфера, информационно-коммуникативная среда, нейронная сеть, социокультурный код, эволюция интеллекта.

### **Введение**

Вопрос о том, насколько социальная эволюция, находящаяся, в том числе, свое отражение в трансформациях политических институтов, связана с факторами иной природы (точнее, с факторами, по традиции находящимися в «ведении» естественных и технических наук) становится все более актуальным.

Наиболее наглядно это можно проследить на примерах, связанных с развитием информационных технологий. Они уже во многом трансформировали общество и есть все основания полагать, что такие процессы далее пойдут по нарастающей. Выбор сценария, по которому пойдет развитие искусственного интеллекта, способен оказать влияние на эволюцию общества [1].

Указанный выше вопрос в полной мере также отвечает тезису о конвергенции естественнонаучного и гуманитарного знания, который в настоящее время приобретает все большее и большее число сторонников. В частности, не вызывает сомнений, что в современном мире инструментами политического влияния так или иначе становятся концепции, рожденные естественными науками. Наглядным примером в данном отношении выступает концепция «Геи» Дж. Лавлока [2], в соответствии с которой Земля выступает – если говорить упрощенно – как некий суперорганизм, развитие которого подчиняется вполне определенным закономерностям. Дж. Лавлок представил целый ряд аргументов, отвечающих классическим представлениям геофизики, в соответствии с которыми биота оказывает непосредственное влияние на процессы планетарного масштаба. В этом смысле концепция Дж. Лавлока самым тесным образом перекликается с воззрениями В.И. Вернадского. Наиболее ярким примером является появление зеленых растений, выделяющих в атмосферу кислород в процессе своей жизнедеятельности. Присутствие кислорода в атмосфере Земли кардинальным образом поменяло строение ее атмосферы, возник слой атмосферного озона, такой специфический слой как термосфера и т.д.

Примеров такого рода в современной геофизике существует достаточно много. Все они говорят об адекватности исходной посылки Лавлока. Биота не есть нечто, просто «населяющее» планету. Имеет место выраженная коэволюция живой и неживой материи, проявляются общие закономерности, присущие сложным системам [3; 4].

Возникает, однако, немаловажный вопрос. Биологическая эволюция суть не вызывающий сомнений факт. По Лавлоку, ее следует рассматривать в контексте представлений о коэволюции. В то же время – и это возвращает к концепции В.И. Вернадского – биота породила разумную жизнь. Разум человека привел к преобразованиям природы, сопоставимым с геологическими трансформациями, что и подчёркивал Вернадский в своих трудах. Но такого рода деятельность стала возможной исключительно благодаря появлению определенных организационных структур. Например, использование разливов Нила в Древнем Египте для повышения плодородия земель стало возможным только благодаря тому, что общество того времени

приняло деспотические формы правления. Следовательно, если продолжать логику Лавлока, то нельзя не прийти к выводу о том, *что политические формы существования нашего биологического вида также должны быть включены в общую картину развития*, т.е. есть все основания для того, чтобы выдвигаемые им тезисы были модернизированы. Как минимум, речь идет не просто о коэволюции живой и неживой материи, но о коэволюции всех форм организации материи – от косной до социальной. Обоснование этого тезиса составляет основную цель данной работы. Данный тезис приводит также к более чем значимым практическим выводам. Он позволяет раскрыть сущность текущей трансформации миропорядка, демонстрируя, что в первой половине XXI века происходит переход к *новой структуре ноосферы*. Формируется информационно-коммуникативная среда как новая форма существования объективной реальности.

В ней существенно усиливается роль надличностных информационных структур, отвечающих различным социокультурным кодам. В частности, «столкновение цивилизаций», понимаемое по С. Хантингтону [5], допускает интерпретацию с точки зрения столкновения социокультурных кодов и комплементарных им надличностных информационных объектов. Понимание механизмов такого столкновения, в свою очередь, является основой для осознанного предотвращения наиболее опасных последствий трансформации миропорядка.

### **Базовая методология**

Основой используемой методологии является вывод о дуальной сущности сознания человека [6; 7; 8], подтвержденный на уровне математических моделей [7]. В сознании, равно как и в интеллекте человека, одновременно присутствует и индивидуальное, и коллективное начало. На качественном уровне данный вывод может быть пояснен следующим образом. Любые межличностные коммуникации в действительности представляют собой обмен сигналами между нейронами, входящими в состав головного мозга индивидов. Следовательно, в результате образуется общая нейронная сеть (точнее, система взаимопроникающих сетей). В предельном случае, когда рассматривается население планеты в целом, речь идет о глобальной нейронной сети, которую допустимо отождествить с ноосферой.

Сознание человека есть продукт обмена информацией между нейронами, локализованными в пределах головного мозга только одного человека, который можно трактовать как объект, порождающий относительно самостоятельный фрагмент ноосферы. Очевидно, что сознание, открытый к социальным коммуникациям «объект», собственно, именно посредством этих коммуникаций он формируется и развивается. Сходным образом на

надличностном уровне переработки информации формируются иные информационные объекты. Примером надличностного информационного объекта является любой из естественных языков. С этих же позиций допустимо трактовать формирование коллективного бессознательного, существование архетипов и т.д.

Надличностный уровень переработки информации ответственен также за формирование социокультурного кода. Понятие «социокультурного кода» во многом перекликается с понятием «менталитет», но является более точным [8]. Смысл данного понятия допустимо раскрыть, отталкиваясь от следующей аналогии. Любой человек обладает тем или иным жизненным опытом, который диктует ему соответствующие стереотипы поведения, он обладает привычками, устоявшимся набором мнений и т. д. Эти информационные формы, порождающие, в том числе, определённую инерцию мышления, заведомо относятся к личностному уровню переработки информации.

Есть все основания полагать, что объекты, зафиксированные на надличностном уровне информации, обладают еще большей инерцией. Социокультурный код, соответственно, это некое отражение памяти предшествующих поколений, побуждающая человека придерживаться определённой линии поведения (часто неосознанно), а также оказывающее воздействие на его воззрения, образ и стиль мышления и т. д. В предельном случае, т.е. в обществах, где влияние традиций является максимально выраженным, социокультурный код конвертируется в некую программу, которая заставляет его носителей выполнять предписываемые действия даже тогда, когда они идут в разрез с его текущими интересами [9].

В данной работе теория надличностных информационных объектов и теория социокультурного кода применяется для описания процессов коэволюции социально-экономического уклада, социально-политической организации и строения ноосферы.

### **Результаты и обсуждение**

#### ***Дух народа как объективная информационная реальность***

Относительно самостоятельные фрагменты ноосферы формируют, в том числе, вполне определенную иерархию, которая во многом совпадает с иерархией строения этносферы по Л.Н. Гумилеву [10]. В соответствии с нейросетевой теорией ноосферы, ее относительно самостоятельный фрагмент формируется тогда, когда плотность коммуникационных связей между элементами, находящимися внутри данного фрагмента, существенно превышает этот показатель для связей с окружением. В частности,



относительно самостоятельный фрагмент ноосферы формирует любой из этносов за счет языка, общего для всех его представителей.

Тот факт, что любой относительно самостоятельный фрагмент ноосферы порождает вполне определенные надличностные информационные объекты, позволяет дать рациональную интерпретацию того феномена, который поэты и литераторы издавна именовали Духом народа. Корректно следует говорить о том, что коллективная составляющая сознания представителей конкретного этноса неразрывно связана с теми надличностными информационными объектами, которые они формируют совместно. Под объективной реальностью мы имеем в виду мир, существующий независимо от человека. Именно в этом смысле мы считаем, что *дух народа* объективен по отношению к сознанию конкретного человека.

Механизмы формирования информационных объектов обоих этих разновидностей весьма близки. В первую очередь, данный вывод позволяет существенно пересмотреть концепции, лежащие в основе геополитики. Напомним, что основатели геополитики рассматривали государство как развивающуюся системную целостность [11]. При этом термин «организм» здесь метафоричен только отчасти. Р. Челлен, который и ввел в научное обращение термин «геополитика», понимал ее как «доктрину, рассматривающую государство как географический организм или пространственный феномен» [12, с. 5].

Разночтения – причем весьма значительные – в трактовке термина «геополитика» отражают тот факт, что она продолжает оставаться протонаукой. Еще не до конца оформилось ее предметное поле, не сложился соответствующий методологический инструментарий, понятийный аппарат и т.д. Подчеркнем, что трактовка геополитики как протонауки де-факто отражена в известных учебниках по данному предмету. Например, Н.А. Нартов пишет: «До сих пор в научной литературе нет четкой и полной формулировки понятия «геополитика». Это – характерная черта всех формирующихся наук. Споры об объекте и предмете геополитики идут около сотни лет» [12, с.12].

Очевидно, что обоснование существования Духа народа действительно позволяет существенно пересмотреть базовые концепции геополитики. Государства, говоря метафорически, перестают быть сугубо неодушевленными организмами или структурами, они действительно приобретают нечто, что заставляет, как минимум, рассматривать их сквозь призму категории «поведение». Разумеется, в настоящее время нет достаточных оснований для того, чтобы говорить о некоем целеполагании государства, но уже на данном этапе исследований допустимо утверждать, что государства

порождают вполне определенные надличностные информационные объекты, которые способны оказывать более чем заметное воздействие на поведение граждан, в том числе, на подсознательном уровне.

Возникает вопрос – какие именно факторы определяют характер *духа* каждого конкретного народа? Это заставляет вспомнить о том, что многие положения геополитики первоначально были сформированы в рамках политической географии, которой нередко был свойственен географический детерминизм. Эти воззрения были подвергнуты критике, детали которой, впрочем, для целей настоящей работы не представляют интереса. Важно, что процессы формирования относительно самостоятельных фрагментов ноосферы нельзя рассматривать изолированно от материального окружения (применительно к этносам – от вмещающего ландшафта). Наиболее просто за подобным влиянием можно проследить на уровне такого относительно самостоятельного фрагмента ноосферы как город, обладающий значимой историей.

### ***Genius Loci как информационная реальность***

Обмен информацией между индивидами, порождающий относительно самостоятельные фрагменты ноосферы, зависит от ассоциаций и многих других факторов. Например, конкретный человек может неожиданно для себя вспомнить тот или иной момент из своей биографии под влиянием того или иного предмета материальной культуры. Следовательно, существует зависимость характера информационного обмена от, условно говоря, внешних раздражителей, активирующих или дезактивирующих те или иные пласты памяти индивида, включая и те их сегменты, которые можно отнести к бессознательному.

Приведем пример. Пребывание в мечетях или церквях, особенно древних, в той или иной степени оказывает влияние на человека, особенно верующего. С рассматриваемой точки зрения, это – совокупность предметов материальной культуры, которая способна, в том числе, активировать глубинные слои структуры личности, почти до уровня архетипов. Активация такого рода кардинально меняет характер общения между индивидами, особенно верующими. Более того, в мечети или в церкви человек, независимо от степени осознанности, так или иначе будет вести себя не так, как на вокзале или на рынке. Изменение характера общения, в соответствии со сказанным выше, влияет и на поведение надличностных информационных структур. Иначе говоря, наличие сложно структурированной памяти индивидов заставляет включить в рассмотрение и объекты материальной культуры, оказывающие воздействие на нейронную сеть, комплементарную социуму.

Структура личности является достаточно сложной, что признается практически всеми психологическими школами [13; 14]. В структуру личности, согласно К.Г. Юнгу, входит и бессознательное, которое тесно связано с коллективным бессознательным [15]. Его существование также может быть последовательно обосновано в рамках нейросетевой теории социума [8; 16]. Как отмечалось выше, это – одна из надличностных информационных структур. Следовательно, материальную культуру допустимо рассматривать как один из факторов, непосредственно взаимодействующих, в том числе, с коллективным бессознательным, а через него – и с конкретными людьми.

Вербальная форма общения представляет собой только один из видов межличностных коммуникаций. Наряду с нею существует и «язык тела» и особый, насыщенный нетривиальной символикой, язык материальной культуры. Этот язык человек чаще всего использует неосознанно, в частности, демонстрируя свой социальный статус через приобретение товаров определенной категории. Этот язык был последовательно рассмотрен Ж. Бодрийяром [17], показавшим, что любой товар обладает двумя составляющими. Одна из них отвечает за удовлетворение реальных потребностей, а вторая является знаковой (например, маркирует положение владельца в обществе).

Выводы, связанные с влиянием объектов материальной культуры на коллективное бессознательное и иные структурные компоненты личности, позволяют утверждать, что формирование ноосферы (а равно и ее относительно самостоятельных фрагментов) не сводится только к межличностному обмену информацией. Ноосфера оказывается самым тесным образом интегрированной с объектами материальной культуры, которые в совокупности также формируют некую целостность.

Применительно к мегаполису как относительно самостоятельному фрагменту ноосферы это придает новый и весьма неожиданный смысл латинскому изречению *Nullus enim locus sine genio est* (не существует места, которое бы не имело своего гения). Следовательно, понятие «город» не исчерпывается сугубо материальной стороной дела. Город, во всяком случае тот, который обладает значимой историей, имеет и выраженную информационную составляющую. Поэты и писатели ощущали это от века, говоря о «духе» города, к которому, впрочем, древние римляне относились достаточно прагматически (*Genius Loci*). Корректно следует говорить именно об информационной составляющей мегаполиса как системной целостности, которая порождается специфическими надличностными информационными структурами, характерными именно для этого города.

Отметим, что предлагаемый подход, в том числе, позволяет выявить рациональную составляющую в древнекитайской геомантии и практиках Фэн Шуй [18]. Не исключено, что талантливые архитекторы, использующие Фэн Шуй в своей профессиональной деятельности [19; 20], понимали важность учета такого рода соображений на интуитивном уровне. Впрочем, для целей настоящей работы эти соображения представляют собой не более чем иллюстрацию.

Надличностные информационные структуры, непосредственно воздействующие на поведение людей, органически связаны с историей того или иного народа, равно как и его составляющих (например, субэтносов), причем здесь более чем существенную роль играли условия обитания. Именно эти структуры и порождают то, что в литературе ранее именовалось менталитетом (более корректный термин – социокультурный код [8].

### ***Столкновение социокультурных кодов***

Формирование социокультурного кода (как народа, так и цивилизации) определяется, прежде всего, характером межличностных коммуникаций, а точнее – архитектурой связей, которые и формируют соответствующий фрагмент ноосферы. Следовательно, социокультурный код формируется и эволюционирует [21] под влиянием тесно связанных между собой (а точнее – коэволюционирующих) факторов.

Далеко не последним из них являются формы политической организации. Подчеркиваем, что здесь следует говорить именно о коэволюции: политическая организация общества непосредственно влияет на формирование надличностных информационных структур, составляющих «дух» конкретного народа, но имеет место и обратное влияние. Политическая организация общества не может не отвечать этому духу.

До недавнего времени возможности целенаправленного воздействия на коэволюционные процессы такого типа оставались, мягко говоря, ограниченными. Однако по мере того, как все более значимая часть межличностных коммуникаций перемещается в телекоммуникационное пространство, такие возможности постепенно трансформируются в инструменты реальной политики. Более того, такие инструменты оказываются самым тесным образом связанными с трансформациями базовых структурных единиц общества (в первую очередь, разумеется, речь идет о семье), которые эволюционируют в силу объективных причин.

Воздействуя (в том числе, при помощи информационных технологий) на характер семейно-брачных отношений, можно кардинально изменить коммуникационную структуру общества, государства или этноса, а, следовательно, и комплементарные им надличностные информационные

структуры, т.е. направленно модифицировать социокультурный код. Упрощая, сочетание тех возможностей, которые предоставляет современное развитие медицины, гигиены, рекреационных технологий (даже если не принимать во внимание существование перспективных разработок) с информационными технологиями делает возможным переформатирование народа или государства. Фактически это означает, что конкуренция между государствами приобретает еще одно измерение. То, что именуется гибридной войной, де-факто переходит, в том числе, и на уровень надличностных информационных структур. Есть все основания утверждать, что такой переход также носит объективный характер. Управление социумом через надличностные информационные структуры – это наиболее эффективный вариант из всех известных. В порядке иллюстрации отметим, что традициям и обычаям многие люди «подчиняются» совершенно добровольно, и контролировать их выполнение нет необходимости. Аналогичным образом функционируют и другие механизмы «диктата среды».

При этом социум, равно как и экономика, приобретает все более сложную структуру, в частности потому, что непрерывно увеличивается перечень различных форматов деятельности. Вследствие этого традиционные схемы управления, основанные на иерархической пирамиде, быстро теряют эффективность. Традиционные схемы администрирования оказываются неспособными обеспечить адекватное управление процессами, протекающими в обществе, причем этот вывод следует только лишь из соображений, основанных на теории информации [22]. Именно поэтому использование ресурсов надличностного уровня переработки информации становится все более актуальным.

За эти ресурсы в обозримом будущем начнется весьма острая конкуренция, причем степень ее жесткости будет определяться и теми факторами, о которых говорилось выше. Они не могут не привести к тому, что конкурировать между собой станут надличностные информационные объекты, комплементарные различным социокультурным кодам. Столкновение цивилизаций, о котором писал Хантингтон приобретает иное звучание.

Вернемся к вопросу о конкретных инструментах целенаправленного изменения социокультурного кода. Наиболее очевидные из них так или иначе связаны с информационными технологиями [23]. Но с точки зрения коэволюционного развития общества имеет смысл подробно рассмотреть также влияние факторов, связанных с медициной и гигиеной.

### ***Развитие медицины и гигиены: влияние на эволюцию ноосферы***

Вопрос о трансформации семейно-брачных отношений в настоящее время стал одним из факторов геополитического противоборства, что не

требует развернутых доказательств. Повышенное внимание им уделяется в странах геополитического Запада, что имеет объяснение. Отрабатываются инструменты воздействия на социокультурный код. Выражаясь метафорически, «боевые действия» переходят на надличностный уровень переработки информации. Возникает вопрос о том, является ли данная проблематика надуманной или же инициаторы использования рассматриваемых инструментов ориентировались на те или иные объективные тенденции, которыми и воспользовались в своих целях.

Некоторые объективные тенденции, которые не могут не повлиять на характер семейных отношений, можно указать даже без детального анализа. В первую очередь, это – увеличение продолжительности жизни, а также трансформации характера возрастной пирамиды, которые имели место в наиболее развитых государствах на протяжении последних ста лет.

Помимо прочего, эти трансформации привели к росту разрыва между возрастом социальной и биологической зрелости. Репродуктивный возраст представителей нашего биологического вида – около 15-ти лет, социальное взросление часто не наступает и к 30-ти годам. Имеют место выраженные изменения гендерных ролей в семье и т. д. Существуют многочисленные возможности для планирования деторождения. Все эти объективные факторы привели к появлению вполне определенного феномена – социальных ожиданий.

Общество устойчиво ассимилировало идеи эмансипации и прогресса, в том числе, и в рассматриваемой сфере (например, кесарево сечение многими уже рассматривается как нечто гораздо более удобное и приемлемое, нежели обычные роды). Следовательно, не может вызывать удивления, что такого рода тенденции могут быть использованы для обоснования различного рода доктрин, в том числе, отвечающих идеям трансгуманизма. Для их внедрения в массовое сознание существуют вполне определенные предпосылки.

Эти соображения во многом очевидны, но нейросетевая теория ноосферы демонстрирует их весьма нетривиальную грань. Речь идет не просто о примитивной агитации, речь идет о направленном «синтезе» вполне определенных надличностных информационных объектов, которые могут далее перейти в режим самостоятельного существования. Они смогут подчинять себе людей тем эффективнее, чем более широко будут использоваться информационные технологии в социальной сфере. Прогнозы в различных областях человеческой деятельности становятся инструментом реальной политики. Более того, именно привлекательность прогноза во многом и определяет вектор развития общества. Возникновение определенного

«мейнстрима» в науке и технике де-факто подавляет все остальные варианты [24].

Исходя из этого, можно утверждать, что формирование образа будущего с точки зрения биолого-медицинских факторов также становится инструментом геополитической конкуренции. В известной мере, какой из формируемых образов окажется более привлекательным, такой и станет доминирующим на практике (с различного рода вариациями, разумеется).

### ***Заключение***

Не вызывает сомнений, что мир находится в точке бифуркации, причем такое положение дел в значительной степени связано с исчерпанием потенциала развития основы западноевропейской цивилизации – той парадигмы науки, которая сформировалась на заре Нового времени [4]. Предыдущие научно-технические революции (НТР) реализовывались в рамках одной и той же парадигмы. Во всяком случае, они имели место в условиях, когда интеллект человека оставался неизменным. Природа следующей НТР пока остается более чем неопределенной. В первую очередь, это связано с тем, что интеллект человека в обозримой перспективе будет эволюционировать, и это – объективный процесс. Развитие телекоммуникационных технологий не может не усиливать его коллективную составляющую, как это подчеркивалось выше.

Примем также во внимание фактор конвергенции информационных и телекоммуникационных технологий, выражающийся в том, что системы искусственного интеллекта становятся неотделимыми от средств связи и оповещения населения [1]. В данной работе подчеркивалось, что характер дальнейшего развития искусственного интеллекта может варьироваться в очень широких пределах. Негативный сценарий предполагает практически полное подавление индивидуальной свободы, вплоть до управления устремлениями и помыслами человека, позитивный – избавление человека от рутинного интеллектуального труда, многократное усиление его творческих способностей и т. д. Искусственный интеллект, интегрированный с телекоммуникационными сетями, например, может стать инструментом непосредственного воздействия на надличностные информационные структуры. Характер такого воздействия также может быть самым разным.

Таким образом, целый ряд соображений заставляет сделать вывод, что в настоящее время человечество находится в точке бифуркации. Более того, вывод одной из многих линий развития, прежде всего, будет связан с тем какие именно концепции, формирующие образ будущего, будут ассимилированы обществом и политическими элитами (или контрэлитами).

Наиболее серьезной ошибкой в данном отношении были бы попытки целиком и полностью ориентироваться на сохранение status quo. Образ будущего, помимо прочего, задает также мейнстрим развития науки и техники. Любые попытки законсервировать status quo неизбежно выльются в существенное торможение или даже блокировку развития науки, а следовательно, и техники.

Человечество так или иначе перейдет на следующий этап своего развития, связанный, в том числе, с трансформациями интеллекта, которые уже протекают, и это – объективный факт. Эти трансформации не могут протекать изолированно, они в той или иной степени будут иметь и медико-биологическую составляющую (на которой сторонники концепции трансгуманизма делают основной акцент).

Именно поэтому требуется адекватное понимание механизмов текущих и прогнозируемых трансформаций. Его, в свою очередь, можно реализовать только на основе синтеза наук, изучающих природу, технику и общество. Это делает еще более актуальным тезис о конвергенции естественнонаучного, социально-гуманитарного и технического знания.

### Список литературы

1. *Kalimoldayev M. N., Pak I. T., Baipakbayeva S. T., Mun G. A., Shaltykova D. B., and Suleimenov I. E.* Methodological basis for the development strategy of artificial intelligence systems in the Republic of Kazakhstan.//News of the National Academy of Sciences of the Republic of the Kazakhstan.Series of geology and technical sciences. 2018. №6, P. 47–54.
2. *da Silva J. A. T., Tsigaris P.* The relevance of James Lovelock’s research and philosophy to environmental science and academia.//Frontiers of Environmental Science & Engineering. 2023. №17(3), P. 1–2.
3. *Vitulyova Y. S., Bakirov A. S., Baipakbayeva S. T., and Suleimenov I. E.* (2020, October). Interpretation of the category of “complex” in terms of dialectical positivism // In IOP Conference Series: Materials Science and Engineering (Vol. 946, No. 1, P. 012004). IOP Publishing.
4. *Габриелян О. А., Сулейменов И. Э.* Теория сложных систем: ноосферный контекст. Симферополь: изд-во: КФУ им. В.И. Вернадского, 2023. – 168 с.
5. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016. – 640 с.
6. *Габриелян, О. А.* Архетип: возможность операционализации понятия и истолкование феномена с позиций теории нейронных сетей / О. А. Габриелян, И. Э. Сулейменов // Миф в истории, политике, культуре: сб. тр. V Международной научной междисциплинарной конференции, Севастополь, 22–25 июня 2021 года / под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. С. 17–23.
7. *Сулейменов И. Э., Витулёва Е. С., Шалтыкова Д. Б.* Концепция ноосферного университета с точки зрения дуальной сущности интеллекта человека // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. №. 1. С. 141–151.
8. *Ibragim Suleimenov, Oleg Gabrielyan. and Yelizaveta Vitulyova.* 2024. Problems of Many-Valued Logic from the Point of View of the Theory of Socio-Cultural Code // Journal of Ecohumanism. 3, 4 (Jul. 2024), P. 236 – 248. DOI: <https://doi.org/10.62754/joe.v3i4.3548>.



9. *Suleimenov I. E., Matrassulova D. K., Moldakhan I., Vitulyova Y. S., Kabdushev S. B., and Bakirov A. S.* Distributed memory of neural networks and the problem of the intelligence's essence.//Bulletin of Electrical Engineering and Informatics. 2022. №11 (1). P. 510–520.
10. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. 1989. – 526 с.
11. *Мухаев Р.Т.* Геополитика. М.: Юнити-Дана, 2017. – 623 с.
12. *Геополитика: учебник для студентов вузов / Нартов Н.А., Нартов В.Н.; под ред. В.И. Староверова.* 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2017. – 527 с.
13. *Guntrip H. Y.* Personality structure and human interaction: The developing synthesis of psychodynamic theory. Routledge. 2018.
14. *Siegfried, W.* The Formation and structure of the Human Psyche.//Athene Noctua: Undergraduate Philosophy Journal. 2014. №2(2). P. 2–4.
15. *Hobson R. F.* (2018), The archetypes of the collective unconscious.// Analytical psychology: a modern science. Routledge.: P. 66–75.
16. *Bakirov A. S., Vitulyova Y. S., Zotkin A. A., and Suleimenov I. E.*: Internet users' behavior from the standpoint of the neural network theory of society: prerequisites for the meta-education concept formation.// Int. Arch. Photogramm. Remote Sens. Spatial Inf. Sci., XLVI-4/W5-2021, 83–90,/<https://doi.org/10.5194/isprs-archives-XLVI-4-W5-2021-83-2021>, 2021.
17. *Baudrillard Jean.* For a Critique of the Political Economy of the Sign. Verso Books. 2019. – 352 p.
18. *Ibragim E. Suleimenov, Oleg A. Gabrielyan and Akhat S. Bakirov* NEURAL NETWORK APPROACH TO THE INTERPRETATION OF ANCIENT CHINESE GEOMANCY FENG SHUI PRACTICES.// European Journal of Science and Theology. April 2023. Vol.19, №.2. P. 39–51.
19. *Madeddu Manuela and Xiaoqing Zhang.* Harmonious spaces: the influence of Feng Shui on urban form and design.//Journal of Urban Design. 2017. № 22(6). P. 709–725.
20. *Mak Michael Y and Ng Thomas S.* The art and science of Feng Shui—a study on architects' perception.//Building and Environment. 2005. № 40(3). P. 427–434.
21. *Massalimova A, Suleimenov I., Gabrielyan O., Vitulyova Y.* The evolution of consciousness from the point of view of modern theory of information and telecommunications // Adam Alemi. 2024. №100(2). P. 40 – 51. <https://doi.org/10.48010/aa.v100i2.551>.
22. *Suleimenov I. E., Gabrielyan O. A., Malenko S. A., Vitulyova Y. S., and Nekita A. G.* Algorithmic Basis Of Battle Neural Networks And Crisis Phenomena In Modern Society. In D. Y. Krapchunov, S. A. Malenko, V. O. Shipulin, E. F. Zhukova, A. G. Nekita, & O. A. Fikhtner (Eds.), Perishable And Eternal: Mythologies and Social Technologies of Digital Civilization, vol 120. European Proceedings of Social and Behavioural. Sciences European Publisher. 2021. P. 247–255.
23. *Сулейменов И. Э.* Книготренинг: актуализация идеи и возможности практического использования / И. Э. Сулейменов, О. А. Габриелян. // МедиаВектор. 2022. № 6. С. 178–182.
24. *Suleimenov I., Gabrielyan O. and Vitulyova Y.* Dialectics of Scientific Revolutions from the Point of View of Innovations Theory//WISDOM. 2022. № 4(24). P. 35.

# THE ESSENCE OF THE CURRENT TRANSFORMATION OF THE WORLD ORDER FROM THE POINT OF VIEW OF THE NEURAL NETWORK THEORY OF THE NOOSPHERE

***Ibragim E. Suleimenov***

Doctor of Chemical Sciences, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Professor,  
Chief Researcher

National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan  
050000, Kazakhstan, Almaty, Tulebaeva 82-21

[esenych@yandex.ru](mailto:esenych@yandex.ru)

***Oleg A. Gabrielyan***

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Crimean Federal University  
named after V.I. Vernadsky

Russia, 295007, Simferopol, Yaltinskaya St., 20

[gabroleg@mail.ru](mailto:gabroleg@mail.ru)

The modern world, its development and arrangement is a complex planetary phenomenon and process. It is clearly not enough to consider them within the framework of only natural sciences or social sciences and humanities. The complexity of the world implies a different integral way of understanding and mastering it. J.'s concepts can help us in this. Lovelock and V.I. Vernadsky, who remove the marked disconnection. We propose to consider the emerging global information and communication environment as a noospheric reality, which is an entity with a dual nature. Moreover, in this reality, transpersonal structures are objectively formed. The neural network approach and modeling we use allow us to explain a number of phenomena and their evolution, such as the geopolitical arrangement of the world (the new world order), the state, the socio-cultural code of civilization or the Spirit of the people.

Keywords: Transformation of the world order, geopolitics, noosphere, neural network, sociocultural code, evolution of intelligence.

## ИНВАРИАНТНОСТЬ ПРИНЦИПОВ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ И УНИКАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ

**А.С. Чупров**

доктор философских наук, профессор,  
профессор Благовещенского государственного педагогического университета,  
675000 г. Благовещенск Амурской области, ул. Ленина, 104.

[alex.chupr@yandex.ru](mailto:alex.chupr@yandex.ru)

Проблематика статьи и актуальность ее темы обусловлены тем, что на рубеже XX-XXI столетий в самом существовании человечества появились две новые проблемы: 1) человек, способный уничтожить мир и всё человечество; 2) развитие цифровых технологий и искусственного интеллекта, которые уже привели к тому, что для человека действительность стала опосредована виртуальной реальностью, угрожающей сделать нынешнего человека «лишним звеном» в таком виртуализированном мире. Еще столетие назад будущее мировой философии многие видели в развитии позитивизма, эмпиризма, энергетизма, эмпириокритицизма и других «-измов», связанных с научным познанием и социологией. Однако этим будущим оказалось не столько философия науки, сколько сама наука и связанные с ней техника и технологии, кардинально меняющих облик нашего мира и человека в этом мире. По этой причине философия, не отказываясь от научной эпистемологии, пошла другим путем – феноменологии, философской антропологии (онтологии человека), экзистенциализма, а позднее постмодернизма, сделавших проблему духовной и телесной природы человека центральной. В условиях радикальной трансформации мира, казалось бы, навсегда ушедшая в прошлое онтологическая проблематика, стала вновь актуальной. Сам предмет философии стал пониматься не сциентистски как «познание наиболее общих законов развития природы, общества и мышления», а онтологически как отношение «Человек – Мир», однако это требует ясного понимания того, что есть отношение, которое обуславливает как инвариантность принципов философствования, так и уникальность философских воззрений.

Ключевые слова: философия, философствование, сциентизм, онтология, бытие, существование, отношение, человек, мир

В прошлом году друзья подарили мне книгу «Лекции по современной философии» профессора Владислава Козловского [1], поляка по национальности и духу, родившегося и выросшего в России. Название книги со-

вершенно тривиальное, но если учесть, что она была издана в Санкт-Петербурге более ста лет назад (в 1911 г.), то слово «современная» в данном случае звучит, как оксюморон: «антикварная современность». Не буду останавливаться на перипетиях политической судьбы автора, родившегося в 1832 г. в Житомире (в книге ошибочно указана дата рождения 1858 год и г. Киев) и умершего в 1899 году во Львове (тогда Австро-Венгрии), замечу только, что содержание его лекций может быть полезным при обсуждении особенностей современной *нам* философии. Пытаясь выявить главные тенденции ее трансформации в обозримом будущем, было бы полезно оглянуться назад, чтобы яснее видеть, от какого философского наследия мы отталкиваемся, ибо, как говорил Гегель, «сущность – в прошлом».

Но прежде об основных идеях лекций В. Козловского. Для него современная *ему* философия начинается с Анри Сен-Симона (1760–1825) как отца *социалистических* идей и предтечи *позитивизма*, которые определили «лицо» европейской философии второй половины XIX века, решавшей главную (с точки зрения Козловского) проблему XIX столетия – противоречие между «индивидуальностью» и «социальностью» на основе науки и... религии, в т.ч. «аристократического атеизма» как разновидности последней.

Что же касается *немецкой классики*, то «диагноз» ей поставлен весьма неутешительный: «... системы Фихте, Шеллинга и Гегеля, такие гордые и самоуверенные, вскоре разваливаются, бесследно исчезая, словно туман, задолго до жаркого полдня столетия. <...> Научная система теперь должна стать на место неудачных философских учений; индукция из фактов – на место пошатнувшейся дедукции из принципов.» [1, с. 7 – 8] Исключение Козловский делает, пожалуй, только для Канта как одного из создателей теории научного познания, однако его роль в этом видится автору весьма скромной на фоне Дж. С. Милля, развивавшего идеи Д. Юма, некогда ставшие толчком и для написания «Критики чистого разума» И. Кантом.

Таким образом, для В. Козловского подлинная и притом современная, а главное *научная* философия – это позитивизм Огюста Конта, эмпиризм Дж. С. Милля, энергетизм В. Освальда и другие родственные им учения, так или иначе связанные с научным познанием. Именно за ними В. Козловский видит будущее философии. Сегодня многие, особенно политики, охотно согласились бы с его оценками, но хорошо бы при этом помнить, что *такие приоритеты* были «предчувствием», если не сказать «подготовкой» к мировым и гражданским войнам XX столетия, не потухшие очаги которых тлеют и вновь разгораются по сей день, грозя третьей мировой войной, которая может уничтожить *всё* человечество.

Правда, «вселенский замах» позитивизма заменить наукой и философскую метафизику, и даже религию «в сухом остатке» свелся в XX столетии к разработке вполне респектабельной научной эпистемологии (Б. Рассел, К. Поппер), а также языка науки (Л. Витгенштейн). Социология же, которая, по замыслу ее создателя Огюста Конта, должна была решить все проблемы человечества, стала (наряду с демографией и статистикой) преимущественно *эмпирической* наукой, ориентированной на нужды текущей политики и экономики. В сущности, если в XIII в. Фома Аквинский хотел превратить философию в «служанку теологии», то в XIX в. позитивисты попытались превратить ее в «служаку науки». Но философия не может быть ни чьей служанкой. Напротив, она всегда была мировоззренческим и методологическим ядром, *идейной* основой мировых религий, искусства, науки, политики и даже экономики, ибо у всех форм человеческой жизнедеятельности и культуры есть *своя философия как осознание* принципов, предназначения и смысла этих форм существования человечества.

Очевидно, что тех, кого сегодня мы почитаем как знаковые и самые влиятельные по сей день фигуры в истории европейской философии XVIII – XIX веков (тех же немецких классиков), В. Козловский оценивает весьма критически, если не сказать «уничижительно», не говоря уже о постклассических философах. Так, А. Шопенгауэр – это всего лишь ставший популярным только на старости лет «пессимист», призывавший к состраданию человека, живущего в этом ужасном мире. Эдуард Гартман, пытавшийся синтезировать панлогизм Гегеля и волюнтаризм Шопенгауэра, – «хвастливый псевдо-философ». Карл Маркс – «агитатор», создавший своё, лишенное глубоких смыслов, к тому же, алогичное политэкономическое и социалистическое учение, построенное якобы на основе «метафизического материализма» Бюхнера, Фогта и Молешота, т.е. тех, кого Ленин с полным основанием называл «вульгарными материалистами» [2]. Ф. Ницше – это душевно больной «беллетрист», повторявший на свой лад аморальные идеи М. Штирнера.

А между тем, здесь (кроме, пожалуй, Э. Гартмана) названы самые издаваемые, читаемые и цитируемые за последние полтора столетия авторы в мире. Марксизм же в его бесчисленных вариантах вообще стал в XX веке едва ли не единственным – после неоплатонизма, послужившего философской основой христианства, – учением, которое по способу существования и числу адептов сопоставимо только с мировыми религиями. Вопрос лишь в том, как долго такая социально-политическая «религия без Бога», сможет просуществовать. Подозреваю, до тех пор, пока не наступит долгожданная эра *полной* социальной справедливости, но это произойдет явно не завтра.

Немецкие же классики, как и их великие предшественники с античных времен, всегда будут оставаться «высшей школой» для философов-профессионалов, которые в своей деятельности «отталкиваются» (во всех смыслах) именно от них, поскольку классики развивают саму *способность философского мироощущения и мышления* человека. Учиться этому и философии вообще исключительно на трудах О. Конта и Д.С. Милля вряд ли сможет даже самый «упёртый» позитивист в третьем или четвертом поколении. Недаром создатель феноменологического метода, ставшего основным для экзистенциализма, Э. Гуссерль, с которого можно отсчитывать *начало* европейской философии XX века, – в условиях засилья позитивизма – с горечью констатировал, что ему не с чем идти в университетскую аудиторию.

И действительно философия, в которой исключен дедуктивный метод из принципов, в которой нет понятий бытия и существования, истины и смыслов, декартовско-кантовское неизменного, как само бытие, «Я» и такого изменчивого «не-Я» (мира), нет диалектики их отношения, нет стремления к выработке целостной философской картины мироздания, в котором нашлось бы место меняющемуся человеку, попросту *перестает быть философией*. Такая «философия» способна быть лишь *прикладной дисциплиной* (вроде формальной логики), предназначенной удовлетворять *методологические* потребности естествознания, социологии, лингвистики, а также *идеологии* как комплекса основных целей, понятий, принципов и методов той или иной политической партии, класса, правящей элиты и т. п. по захвату и удержанию власти и собственности. В крайнем случае, быть своего рода гессевской «игрой в бисер» и оригинальничанием, но, как говорил Гегель, «сущность философии не имеет <...> никакой основы для оригинальности» [3, с. 156].

Утешает только то, что даже самый «правоверный» позитивист никогда не может отвлечься от *бытия*. Он просто «приватизирует» и прячет его от самого себя, как в рюкзаке за спиной, делая вид, что бытия нет, а есть лишь чувственный опыт субъекта познания и язык. Может быть, «чистое» бытие и непознаваемо (во всяком случае оно, точно, не может быть предметом *эмпирической науки*), но его нельзя не *полагать* как *интуитивно самоочевидную* реальность. Именно такое полагание и делал самый «хрестоматийный агностик» И. Кант. В сущности, на этом *научное* познание «чистого» бытия должно бы и заканчиваться, ибо науке познавать тут нечто-то большее либо невозможно, либо просто нечего. Дальше – только сфера *метафизики*, т.е. философии как способа *самоопределения* человека в *посюстороннем* мире и религии как приобщения его – *на основе веры* – к Абсолюту. Метафизика – это отнюдь не только «рассудочная антидиалектика»,

как принято считать со времен Гегеля и Маркса. Метафизика – это в первую очередь продукт самого отличительного свойства человека, не просто интеллекта (он есть и у насекомых), а именно *диалектического разума* как способности человека продуцировать *идеи*, предмет которых, как говорил И. Кант, не может быть дан в чувственном опыте. Это идеи о душе, мире как целом и Боге.

В. Козловский и предположить не мог, что «похороненная» позитивизмом *онтологическая* проблематика в XX веке, как птица Феникс, буквально через десятилетие возродится в философии Гуссерля и обретет новое дыхание у Хайдеггера и целой плеяды философов-экзистенциалистов, предшественниками которых стали современники автора «Лекций» С. Кьеркегор и Ф.М. Достоевский. И вряд ли В. Козловский мог ожидать, что в философии XX столетия на первый план выйдет философская антропология, в сущности, *онтология человека*, ставшего *для самого себя* главной проблемой. Да и кто бы мог на исходе XIX века предвидеть, что в следующем столетии и еще более в XXI веке главной проблемой станет не противоречие между «индивидуальностью» и «социальностью», как утверждал В. Козловский, а *человек*, способный поставить под угрозу существование как мира, так и свое собственное.

Конечно, войны всегда сопровождали историю человечества, и всегда все хотели мира, но, увы, именно поэтому готовились к победоносной войне. Об этом писали еще Кант и Фихте [4], но о глобальном *самоубийстве* человечества и гибели планеты речь не шла. Впрочем, Кант не исключал и такой вариант, заметив однажды в своих рукописях 1764 года: "Чрезвычайно важно для человека знать, как надлежащим образом занять свое место в мире, и правильно понять, каким надо быть, чтобы быть человеком. Но если он <...> выходит из человеческой сферы, он ничто, и созданный этим пробел распространяет его гибель на соседние с ним члены целого" [5, с. 204].

Если «отец философской антропологии» XX века М. Шелер еще 1927 году размышлял о человеческом *духе* как *устремленности к Богу* [6], то философы-постмодернисты (Ж. Делёз, Ф. Гваттари, Ж. Деррида, М. Фуко и др.), стали искать спасения не души, а тела, и не на том свете, а тут на земле [7; 8]. А поскольку люди, какими бы они ни были, прежде всего *хотят жить*, самый большой интерес постмодернистов с середины XX столетия будет вызывать уже не норма и тем более не идеал, а *человеческая органика* (тело, комфорт, еда и секс) со всевозможными физиологическими особенностями, в т.ч. психическими и социальными девиациями, и сексуальной самоидентификацией. Чтобы лишний раз убедиться в чрезвычайно

большом внимании к этим проблемам, достаточно проанализировать проблематику и содержание докладов на состоявшемся в августе 2024 года в Риме XXV Всемирном философском конгрессе [9]. Правда, сегодня многие задаются вопросом, станет ли такой «толерантный» подход к человеку «шагом вперед» в развитии человечества и расширением горизонтов его свободы или, напротив, постмодернистской *эсхатологией*?

В начале XX столетия мало кто мог даже вообразить, что через сотню лет система привычных общественных и межличностных коммуникаций будет *опосредована* конкурирующей с самой действительностью «*виртуальной реальностью*», созданной на основе цифровых технологий и искусственного интеллекта, которые кардинально изменяют мир и человека в мире. Сегодня уже сами цифровые технологии и системы (мобильная связь, электронная почта, ГИС-ориентирование, социальные сети и бесконечно разнообразные компьютерные игры) подчиняют и формируют человека, наверное, в большей степени, чем человек формирует их, а *естественная память* человека замещается памятью личного айфона, персонального компьютера и вообще Интернета. Да и останется ли в будущем место для действительного человека в *таком* виртуализированном мире или он будет приставкой к компьютеру и всего лишь анонимным информационным донором Интернета, когда уже будет не важно, какого он пола, национальности, вероисповедания и социального статуса!?

Философия как форма человеческой культуры – при всем ее рационально-теоретическом характере, доставшегося *по наследству* науке, – никогда не была наукой, а главное – *не должна* (!) быть ею<sup>1</sup>. Уже хотя бы потому, что это наука вырастает из философии, а никак не наоборот. Требовать от философии стать наукой также противоестественно и алогично, как требовать от родителей, чтобы они были детьми собственных детей. Кстати, Аристотель, впервые определивший предмет научного познания, основные правила научного мышления (формальную логику) и сформулировавший её главный принцип – принцип доказательности, никогда не отрицал *необходимость метафизики*, на смену которой якобы должна прийти наука, ибо «не существует доказательства *всего*» [10, с. 331–332].

При различении и даже противопоставлении философии и науки речь идет не об амбициях: мол, кто тут самый красивый и умный, полезный и важный? Дело в том, что у философии и науки *разные предметы* познания и *разное предназначение*. Предмет науки – мир *существования конечных*

<sup>1</sup> На мой взгляд, следует различать философию как особую форму человеческой культуры, философствование как процесс философского мышления, философские воззрения и философские науки (например, логику, эстетику, этику, историю философии, научную эпистемологию и др.).



вещей, т.е. вещей, качественно и количественно определенных во времени и пространстве, познание которых осуществляется преимущественно с целями сугубо *прагматическими*. Предмет и предназначение философии – *рефлексия* (осознание, осмысление) *бытия* как отношения «двух переменных» – Человека и Мира.

Как бы вариативно не определялся предмет философии и её назначение в разные эпохи истории человечества, *если нет рефлексии* этого отношения – нет и может быть и философии. Ни в античности, ни сегодня. Ни на Востоке, ни на Западе. Это первый и главный *инвариантный* предмет и одновременно *принцип* философствования вообще. Не суть важно, в какой именно *форме* – гимнах Упанишад, афоризмах Гераклита и Лао Цзы, диалогах Платона, в математизированной форме, как у Декарта и Спинозы, в виде тщательно «скроенных» систем Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, желчных сентенций Шопенгауэра или страстной антихристианской проповеди у Ницше.

Философия, ставшая наукой (равно как и идеологией), – это *умершая* философия. На мой взгляд, ничто так не тормозит развитие современной академической и университетской философии, как попытки загнать философствование в формы, выработанные в сфере науки. *Культ* информационной новизны и стандартизированное *оформление и оценка* результатов исследований, может быть, уместны в технической литературе, естествознании и математике, но в философии главное не «новизна» и «стандартизация» формы, а напротив, *инвариантность* идей, *глубина осмысления* тех или иных феноменов и *уникальность* стилистики и структуры изложения (разумеется, речь идет не о полиграфической унификации текстов в конкретном журнале или издательстве). Если в философии и может быть какая-то «новизна» (лично мне просто режет слух этот бюрократический неологизм), то обусловлена она отнюдь не личными талантами и стараниями профессиональных философов, а исключительно изменениями в объективных социальных и природных условиях жизни людей, трансформациями в технологиях, эстетике и в самой природе человека.

К тому же, большинство философов в мире продуцируют и развивают, по крупному счету, какую-то *одну* фундаментальную идею, разрабатывают одну тему и всю свою жизнь пишат, в сущности, одну единственную книгу, даже если она на сто с лишним томов. Лишь величайшие умы человечества уровня Лао Цзы и Конфуция, Платона и Аристотеля, Фомы Аквинского и Николая Кузанского, Декарта и Лейбница, Юма и Локка, Канта, Шеллинга и Гегеля могли бы «похвастаться» тем, что они выдвинули и развили *три-четыре* идеи. Как известно, Маркс ставил себе в заслугу только *три* идеи:

материалистическое понимание истории, идею прибавочной стоимости и проект диктатуры пролетариата [11]. И вообще, как шутил польский писатель Ежи Лец, человечество за всю историю родило только *две* гениальных идеи: «Бог есть» и «Бога нет».

В философском тексте, как и в художественной литературе, ценность имеет сама плоть, фактура текста, стиль и нюансы каждого предложения. Здесь важна не столько какая-то фундаментальная идея (их во всей мировой философии, как "кот наплакал"), сколько то, как она выражена. Классики нам интересны тем, что почти каждое их предложение по своей глубине, почти математической точности формулировки мысли и эмоционально-эстетической выразительности порой стоит целой статьи или даже книги посредственного автора.

Сегодня традиционно «советское», в сущности, *сциентистское* определение предмета и назначения философии как «познание наиболее общих законов развития природы, общества и мышления» за идеологической ненадобностью почти забыто. Едва ли не общепринятым стало другое определение предмета философии (лично мне наиболее близкое): отношение «Человек – Мир» (*почти* как у Фихте – Я и не-Я). Однако не все осознают, что вся соль этого определения состоит в понятии «*отношение*».

Еще в советское время мне встречалась статья, в которой автор (достаточно известный в стране философ) доказывал принципиальную *невозможность* дать дефиницию понятию «отношение» в силу крайней неопределенности его содержания. Что не удивительно, ведь для Маркса, как и для Платона, Аристотеля, Лейбница и Гегеля, *философское* понятие отношения как «*особого рода бытия*» [12, с. 66], в сущности, было *синонимом объективно существующей идеи*. Такая «расшифровка» понятия могла поставить под сомнение «материалистичность» и «научность» диалектического и исторического материализма как государственной идеологии.

К сожалению, вразумительного определения понятия отношения нет и сегодня. Как правило, в наших словарях и учебниках есть многочисленные примеры отношений (от логических и математических до общественных и эмоционально-психологических), и есть «бег по кругу», когда отношение определяют через понятие «связь», а понятие связи – через понятие «отношение» [13].

На мой взгляд, дать определение понятию «отношение» можно лишь в соотнесении с понятиями «*единое – отдельное – разрозненное*», «*целое – раздробленное – частное*», «*бесконечное – ограниченное – ничтожное*», а также «*вечное – временное – мгновенное*». Собственно, таким единым, целым, вечным и бесконечным может быть только *бытие*, которое – через

*бесконечно сложную систему отношений* между отдельным, частным, ничтожным и мгновенным, – бытие только и может быть единым, вечным и бесконечным *целым*. Вот почему Аристотель назвал отношение «*особым родом бытия*».

В чем эта особенность? В том, что *всякое отношение* (логическое, математическое, социально-экономическое, политическое, юридическое, морально-нравственное и эмоционально-психологическое) всегда *нематериально* (так сказать, «не вещественно»), а следовательно, *идеально*. Идеальное (как, впрочем, и законы мироздания, которые познаются наукой), хотя оно – наряду с материальным – существует *объективно*, не может быть дано посредством ощущений. Его можно только *помыслить*. Однако это совершенно не исключает, а напротив, *предполагает* «своё иное», а именно какой-то материально-вещественный носитель. Идеальное и материальное – это два *не существующих друг без друга* способа существования бытия вообще. Вопрос о первичности тут в принципе лишен всякого смысла. Например, отношение точки А к точкам В и С в треугольнике, математическое отношение «1:2» (один к двум), отношение прошлого к настоящему и будущему или экономические отношения собственности и морально-правовые отношения. Кто может сказать, из какой «материи» они скроены, какого они веса, цвета и запаха? И что тут является порождающим, а что порожденным: точки в треугольнике или отношения между этими точками?

Думаю, вполне корректным, т.е. «не оскорбляющим чувств» *материалиста*, было бы такое определение: отношение – это *соотнесенность состояния вещей* (т.е. *отдельного*). Иначе говоря, отношение – это всегда *корреляция*, т.е. *соотнесённость и зависимость, состояния* всякой «вещи» во времени и пространстве как *от себя самой*, так и *от иной* «вещи».

Боле того, такая соотнесенность, в сущности, и есть то, что принято называть *пространством и временем*. Именно поэтому Кант, изучая априорные формы чувственного познания, пришел к выводу о пространстве и времени как *объективно присущих субъекту* формах организации внутренних и внешних ощущений. В свете этого, априорные формы чувственного познания у Канта предстают не более чем принципиальной *возможностью репрезентации* в сознании познающего субъекта того, что может существовать объективно, т.е. *вне и не зависимо* от познающего Я как индивидуализированного способа существования бытия вообще.

Гегель не даром поставил концепцию априорности пространства и времени в заслугу Канту как проявление присущего человеку вообще стремления *идеализировать* реальность [14, с. 158]. С Гегелем вполне можно согласиться, если иметь в виду, что в данном случае и без этого стремления

речь идет об *объективных*, но при этом *идеальных* пространственных и временных формах *существования вещей*, или, говоря языком Аристотеля, «*особом роде бытия*» вещей и событий. Это то, что Демокрит простодушно назвал *пустотой*, Платон – *идеей*, а сам Аристотель – *формой* вещей, которая у него, по сути, заменила собой платоновское понятие идеи. В Средние века Фома Аквинский стал называть аристотелевскую форму *сущностью вещи*, а авторы Нового времени – *законом* существования явлений, которые призвана познавать наука. Но – не независимо от названия – речь всегда шла о том, что в принципе не может быть дано *в чувственном опыте* посредством зрения, слуха, осязания и т.д., а может быть постигнуто только *мышлением*. В том числе, заметим особо, научным мышлением.

Таким образом, само развитие европейской философии и позже науки вернуло нас к тезису Парменида о том, что подлинное бытие есть *всё то, что можно помыслить*. Однако по-детски наивный и самонадеянный позитивизм сделал из этого тезиса ложный вывод о том, что бытие – это лишь «философическая химера», субъективная «иллюзия второго плана» (Ницше), которой нет места в науке, призванной познавать объективную реальность, данную нам в ощущениях.

Всякое отношение начинается с отношения *к себе*. И это касается не только человека. Даже неодушевленным вещам (уже без кавычек) *присущи* какие-то свойства, которые *относятся* к ее качеству. Кант так это и называл – *отношение присущности*, которое философ отличал как от *причинно-следственного* типа отношений, так и отношений *координации* (общения) [14; 86].

Таким образом, говоря о предмете философии как *отношении* «Человек – Мир», мы всегда говорим о том, как человек и мир, т.е. нечто *отдельное в едином бытии*, *соотносятся друг с другом*, *зависят друг от друга* и через эту зависимость *взаимоопределяют себя* в своем качестве и свойствах.

В качестве *инвариантного* предмета философии отношение «Человек – Мир (не-Я)» всегда было и остается *четверояким*. Оно включает в себя онтологическую, гносеологическую, аксиологическую и праксиологическую составляющую. В сущности, речь идет о различных *типах философских идей*, характеризующих бытийственное, познавательное, ценностное и должно-практическое отношение как человека к миру, так и – подчеркну особо – *мира* к человеку. Мир не только определяет человека бытийственно, но и *познает* его, как бы экзаменует, испытывая человека на прочность, определяет его ценность (и просто цену), предъявляет к нему свои

требования – от физиологических до морально-правовых и эстетических, – в итоге принимая человека в себя или отторгая его.

В сущности, этот круг философских идей и составляет как *предмет* философии вообще, так и само *содержание* всякого *конкретного* философского учения (разумеется, с разной степенью систематизации, детализации и полноты изложения). Причем, определяет с момента *возникновения* философии в разных центрах человеческой цивилизации до сего дня и обозримого будущего. Ни миновать, ни выйти за пределы этого круга идей в философии невозможно в принципе, не выходя за рамки самой философии: либо ты производишь и развиваешь эти четыре типа идей (желательно в их полноте и единстве, ибо узкая специализация в философии – вещь губительная для философии), либо ты не философствуешь вообще.

Настоящая философия не может не быть *диалектической*. Тот, кто по примеру Карла Поппера сводит диалектику к «методу проб и ошибок» [16], просто перестает понимать суть и способ существования философии вообще. По большому счету, перестает быть философом. Никакого понимания диалектики в этом суждении Поппера, кроме «пробы» и «ошибки» *в мышлении*, нет. Остается разве что «метод», но такой метод – это «*ручное мышление*» обезьяны. В лучшем случае деятельность исследователя-эмпирика, у которого «опыт – сын ошибок трудных». Деятельность весьма полезная для науки, но, скорее, прагматическая и даже техническая, чем философская.

Диалектичность философии выражается не только в утверждении «единства и борьбы противоположностей», гераклитовского принципа *πάντα ῥεῖ* «всё течёт» или идущей от Канта триады Фихте-Гегеля «тезис – антитезис – синтез». Диалектичность философии выражается уже в *определении её предмета* как отношения «Человек – Мир», в платоновской идее *иного*, названного Платоном «пятым родом бытия», в гегелевской идее *становления* бытия посредством мира существования качественно определенных, или конечных, вещей. Наконец, диалектичность философии обусловлена лейбницевским принципом *единства тождества и различия*, по поводу которого Гегель заметил: это тот принцип, который «отличает от любой дурной философии ту единственную, которая только и заслуживает названия философии» [14, с. 271]. Согласно этому принципу, всякое различие (и, соответственно, всякое противоречие) возможно только в рамках тождества, обусловленного бытием; тогда как о тождестве можно говорить лишь относительно каких-то различающихся в своем существовании вещах.

Не могу не согласиться с утверждением В. Козловского о том, что «философия каждой эпохи есть произведение двух факторов: жизненных запросов своего времени и философии минувшей эпохи» [1, с. 11] Хочу, однако, заметить, что надо учитывать и два других, в сущности, противоположных фактора, а именно:

1) Почти насильственное философское «образовывание» человека или, напротив, откровенное препятствование изучению философии. Можно вспомнить нашу историю: в XIX веке преподавание философии в российских университетах запрещалось и восстанавливалось аж 23 раза [17]. У нас пока до этого дело не дошло, но тенденция, увы, наметилась: с нынешнего учебного года изучение общеобразовательного курса философии в российских вузах сокращено с двух семестров до одного, а экзамен заменен простым зачетом.

2) Сугубо индивидуальную потребность человека в философствовании как *способе самоопределения* в современном ему мире.

Последнее обстоятельство я бы вообще назвал *главным* из четырех факторов, определяющих характер философии той или иной эпохи. Человек как *индивидуализация всеобщего бытия* порождает философию и безо всякой влияния философских концепций прошлого. Создатель современной герменевтики (толкования текста), Х.-Г. Гадамер, был прав, утверждая, что сам мир для человека есть *текст*, и «читатель» этого текста не заимствует, не воспроизводит, а *заново творит смыслы* [18]. По этой причине всякий философствующий человек – не просто читатель и комментатор великих философов или их эпигон, жонглирующий философскими идеями прошлого. Он – творец идей и смыслов. И каждое новое поколение делает это как бы с нуля. М. Хайдеггер недаром называл философствование *душой философии*. Читая классические философские тексты, каждый не столько учится у их авторов, сколько *ищет подтверждение истинности собственных* интуиций и мыслей и их *вербальное* оформление. Как говорится, «книги читают нас».

Конечно, освоение философского наследия прошлого позволяет каждому человеку в короткие сроки пройти мыслительный путь с его озарениями и заблуждениями, равный тысячелетиям. Оно актуализирует изначально присущую каждому человеку *потребность в метафизическом* (т.е. в осознании своего бытия) и развивает саму *способность* философского мышления, обеспечивая достаточно высокую квалификацию (профессионализм) в постановке и решении философских проблем. Но даже если бы в одночасье исчезли все философские тексты прошлого, со временем человечество бы вновь мучительно воспроизвело *инвариантные* идеи, принципы

и понятия учений Гераклита и Лао Цзы, Сократа и Конфуция, Платона и Канта, Аристотеля и Гегеля, Августина и Ницше, Фомы Аквинского и Гуссерля.

Это было бы возможно благодаря неистребимой *потребности* человека в *метафизическом*, о которой сказано выше, а еще потому, что философские идеи имеют свойство *опредмечиваться* в языке и культуре, искусстве и науке, в характере общественных и межличностных отношений, и даже – пусть и очень опосредованно – в сугубо материальных условиях жизни людей. Поэтому не стоит абсолютизировать фактор преемственности идей в истории философии и преувеличивать степень влияния предшественников на того или иного мыслителя, а тем более подозревать подряд всех философов в заимствованиях и даже плагиате.

Разумеется, человечество философствует сообразно *эстетике* и *технологиям* своего времени, врожденным способностям философствующих индивидов, степени их образованности и конкретными условиями их деятельности на философском поприще. Гегель недаром называл философию «эпохой, схваченной в понятии». Философские идеи всегда как бы «витают в воздухе» и продуцируются одновременно всеми и никем в отдельности, хотя формулируются и закрепляются в устном или письменном тексте конкретными людьми. Вопрос лишь в том, кто именно сделает это раньше и лучше других, но для философии это не принципиально. Самое главное, кто и когда это услышит.

Таким образом, *инвариантность* принципов философствования обусловлена, во-первых, *предметом* философии (отношением Человек – Мир); во-вторых, основным *предназначением* философии, а именно рефлексией (осознанием и осмыслением) данного отношения; в-третьих, *диалектичностью* человеческого разума вообще и философского мышления, в частности. Вместе с тем философские воззрения как результат философской мыслительной работы (философствования) а priori всякий раз оказывается одновременно не только инвариантен, но и *уникален*, как уникальны отпечатки пальцев или радужка глаза. Уникальность философских воззрений обусловлена уже тем, что каждый человек философствует, *объективно* находясь в определенной *точке бытия*, и соответственно – в определенной системе координат во времени и пространстве; в точке, которую никто не занимал до него и никогда не займет в будущем. Парменид утверждал, что в бытии каждая точка есть его центр, а периферии нет вовсе. Именно с этой точки как *центра бытия* человек только и может *рефлексировать* своё отношение к миру и отношение мира к себе, и таким образом *самоопределяться* в этом мире посредством философствования.

## Список литературы

1. *Козловский В.* Лекции по современной философии. Авторизованный перевод Лидии Симсон – С.-Петербург, Издательство «Вестника знания» В.В. Битнера, 1911. – 164 с.
2. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм. – Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. – 526 с.
3. *Гегель Г.* Различия между системами философии Фихте и Шеллинга // Кантовский сборник. Вып. 13. – Калининград, 1988. С. 127 – 157.
4. *Румянцева Т.Г.* Проект вечного мира И. Канта и его трансформация в учении И.Г. Фихте. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2023, №2. С. 36–42.
5. *Кант И.* Рукописи 1764 года / Кант И. Соч.: В 6 томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1964. – 485 с.
6. *Шелер М.* Положение человека в космосе (Перевод Филиппов А.). // Проблема человека в западной философии. / Переводы / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова. Москва: Издательство «Прогресс», 1988. С. 31–95.
7. *Делёз Ж.* Различие и повторение. – СПб, 1998. – 384 с.
8. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения – Екатеринбург:
9. У-Фактория, 2007. – 672 с.
10. [Circulars - WCP 2024 \(wcprome2024.com\)](https://wcprome2024.com)
11. *Асмус В.Ф.* Античная философия. Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1976. – 544 с.
12. *Маркс К.* – И. Вейдемейеру 5 марта 1852 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Т. 38. С. 424–427.
13. *Аристотель.* Категории / Аристотель. Соч. Т. 2. – М., 1978. – 687 с.
14. *Шрейдер Ю.А., Бирюков Б.В.* Отношение / Новая философская энциклопедия: В 4 тт. Т. 4. – М.: Мысль. Под редакцией В.С. Стёпина. 2001. С. 175–177.
15. *Гегель Г.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. – М.: Мысль, 1975. – 452 с.
16. *Кант И.* Критика чистого разума – М.: Мысль, 1994. С. 86. – 591 с.
17. *Поппер К.* Что такое диалектика? – Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118–138.
18. *Емельянов Б.В.* Избранные страницы русской философии. – Екатеринбург: Издательство УрГУ, 2007. – 236 с.
19. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы филос. герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

## INVARIANCE OF PRINCIPLES OF PHILOSOPHY AND UNIQUENESS OF PHILOSOPHICAL VIEWS

***Alexandr S. Chuprov***

Doctor of Philosophy, Professor,

Professor of Blagoveshchensk State Pedagogical University,

675 000 Blagoveshchensk, Amur Region, Lenin St., 104.

[alex.chupr@yandex.ru](mailto:alex.chupr@yandex.ru)

The problems of the article and the relevance of its topic are determined by the fact that at the turn of the 20th - 21st centuries, two new problems appeared in the very existence of mankind: 1) a man capable of destroying the world and all of mankind; 2) the development of digital technologies and artificial intelligence, which have already led to the fact that for a person, reality has become mediated by virtual reality, capable of making today's man an «extra link» in such a virtualized world. A century ago, many saw the future of world philosophy in the development of positivism, empiricism, energyism, empiriocriticism and other «-isms»



associated with scientific knowledge and sociology. However, this future turned out to be not so much the philosophy of science, as science itself and the technology and technology associated with it, radically changing the appearance of our world and man in this world. For this reason, philosophy, without abandoning scientific epistemology, took a different path - phenomenology, philosophical anthropology (ontology of man), existentialism, and later postmodernism, which made the problem of the spiritual and physical nature of man central. In the conditions of radical transformation of the world, ontological problems, which seemed to have gone into the past forever, became relevant again. The subject of philosophy itself began to be understood not scientifically as «the most general laws of the development of nature, society and thinking», but ontologically as the relationship «Man - World» this requires a clear understanding of what is the relationship that determines both the invariance of the principles of philosophizing and the uniqueness of philosophical views.

Keywords: philosophy, philosophizing, scientism, ontology, being, existence, relationship, man, world

УДК 304.5

DOI: 10.17072/2076-0590-2024-14-33-45

## **К ВОПРОСУ О КРАХЕ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА: СОЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

***Ю.В. Лоскутов***

кандидат философских наук, доцент

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Пермь, ул. Букирева, 15

yuri-loskutov@mail.ru

Исследуются причины неудачи советского проекта как проекта межформационного перехода. Массовая производительная сила СССР закономерно проиграла западной ставке на производительную силу отдельной личности. Абстрактная возможность преодоления капитализма так и не стала в СССР действительностью – общество не овладело своими производительными силами. Кроме того, ошибка советского проекта состояла в том, что к сложной, саморазвивающейся общественной системе вместо подходящей для управления такими системами постнеклассической рациональности была применена рациональность классического типа. Советский проект стал всего лишь одним из примеров незавершенной всемирной социальной революции индустриального рабочего класса, породившей социально ориентированные перераспределительные бюрократические системы. Тем не менее, межформационный переход отнюдь не завершился вместе с крахом советского проекта.

Ключевые слова: межформационный переход, советский проект, производительные силы, личность, постнеклассическая рациональность

Историческая эпоха, в которой мы живем (капиталистическая общественно-экономическая формация) находится в стадии разложения, потенциально чреватой переходом в новую историческую эпоху – межформационным переходом, то есть социальной революцией. Советский проект оказался неудачной попыткой межформационного перехода, а дальнейшее осуществление удачного перехода между общественными формациями предполагает наличие у гуманитарных наук (включая социальную философию) знаний о причинах предшествовавшей неудачи. Эта небольшая статья не претендует на исчерпывающее решение вопроса о причинах краха советского проекта, однако в ней предмтавлены некоторые социально-онтологические соображения по указанной проблеме.

Популярные в просоветских кругах объяснения типа «СССР погиб в результате предательства» и «Сталин не оставил преемника – от этого всё рухнуло» выдают в объясняющих не марксистов, а людей, мыслящих на уровне дворянской историографии XVIII века. Любой марксист должен честно признать, что советская социалистическая система, возносившая предателей на вершины власти, оказалась просто неконкурентноспособной по сравнению с капиталистической, где предатели почему-то к власти не приходили. Да, советская система во многом была более гуманной и прогрессивной по сравнению с западным капитализмом, но, увы, она оказалась более слабой в имевшихся исторических условиях. Это трагедия? Несомненно. Но также – и урок на будущее.

Если советский проект рассматривать как попытку СССР и его ближайших союзников выйти за пределы капиталистической общественно-экономической формации, то этот проект, действительно, оказался неудачным. (Удача советского проекта состояла в другом – в выживании и развитии нашей страны). Любая общественная формация определяется не по характеру производственных отношений, а по особому конкретно-историческому способу производства (или по особому сочетанию способов производства). «В произведении "Наемный труд и капитал" (1849) Маркс действительно определяет ступени человеческой истории по совокупности производственных отношений. Однако в более зрелых работах основоположники марксизма выделяют исторические эпохи по способу производства. Периодизация исторического процесса по производственным отношениям была более характерна для В.И. Ленина, особенно в его ранних работах. Понятно, что точка зрения вождя революции не могла не сказаться на позициях советских ученых, для которых при определении формационной принадлежности обществ, еще не обладающих всеми необходимыми типологическими признаками, тип производственных отношений приобретал решающее значение. В результате социалистический Вьетнам оказывался на более высокой ступени развития, чем капиталистическая Япония. Подобные перегибы в теории пагубно сказались на практике социалистического строительства, что в немалой степени предрешило драматические события конца 80 – начала 90-х гг. прошлого века» [1, с. 337]. Способ производства, как система, в конечном счете, детерминируется особым уровнем развития производительных сил (содержанием способа производства), а не особыми производственными отношениями (формой способа производства), ведь в единстве формы и содержания последнее играет определяющую роль. Короче говоря, каковы производительные силы – таков и способ производства, а каков способ производства – такова и общественная формация.

При анализе краха советского проекта марксист должен посмотреть в корень этой проблемы – на ситуацию с развитием производительных сил. Производительные силы СССР находились примерно на том же уровне, что и производительные силы современного ему капиталистического мира – это просто и бесхитростно констатировала в 1964 г. даже откровенный апологет советского проекта Л.В. Николаева: «Уровень развития производительных сил социалистического производства существенно ещё не отличается от уровня высокоразвитого капиталистического производства. Однако, развиваясь в форме социалистических отношений, при которых отсутствуют мелкие частнособственнические предприятия, производительные силы социалистического производства представляют высшую степень их обобществления по сравнению с капиталистическим производством. Поэтому социалистическое производство имеет объективные условия для быстрого технического прогресса» [2, с. 141]. Вопреки официальной советской идеологии, но согласно марксистской социальной онтологии, примерно равный уровень развития производительных сил объективно свидетельствует об общей формационной принадлежности советского и западного проектов. Более того, в начальный период советской истории и производственные отношения принципиально не отличались от таковых на Западе. В.И. Ленин отмечал советскую специфику только в области общественной надстройки, но никак не в области базиса (совокупности производственных отношений): «Приведем прежде всего конкретнейший пример государственного капитализма. Всем известно, каков этот пример: Германия. Здесь мы имеем "последнее слово" современной крупнокапиталистической техники и планомерной организации, подчиненной юнкерски-буржуазному империализму. ... Поставьте на место государства военного, юнкерского, буржуазного, империалистского, тоже государство, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство советское, т. е. пролетарское, и вы получите всю ту сумму условий, которая дает социализм» [3, с. 300].

Да, в дальнейшем производственные отношения претерпели некоторую целенаправленную эволюцию в рамках советского проекта, но марксисты обычно сильно преувеличивают значимость изменений в производственных отношениях. На самом же деле, ограничиваясь только такими изменениями, невозможно поменять способ производства. Для того, чтобы одна общественная формация поменялась на другую, с более сложным способом производства, нужно коренным образом усложнить производительные силы. Несмотря на то, что те или иные производственные отношения между людьми оказывают обратное влияние на производительные силы,

ускоряя или замедляя их рост в конкретных исторических условиях, основным источником развития людей как главной производительной силы выступает их саморазвитие, их субстанциальность. Внутренние связи человеческих коллективов и социумов (в том числе – производственные связи), несомненно, влияют на характер развития этих систем, однако для отдельного живого человеческого индивида, для отдельной личности эти связи – внешние. Следует напомнить о том, что диалектика является теорией саморазвития, осуществляющегося путем разрешения внутренних противоречий развивающегося предмета, а не теорией развития, осуществляемого исключительно под влиянием внешних факторов, исключительно под влиянием внешних связей с другими предметами.

Но как тогда, при наличии формационной общности между советским и западным социальными проектами, можно объяснить существенное различие и даже конкуренцию между ними? Соотношение между США и СССР (лидерами конкурирующих проектов) можно уподобить соотношению между Древним Римом и Древним Египтом. Разумеется, американское общество – формационно более развитое по сравнению с Древним Римом (с которого американцы, тем не менее, открыто берут пример), а советское общество – по сравнению с Древним Египтом. Тем не менее, США и Древний Рим, а также СССР и Древний Египет, находясь на различных «витках» исторической «спирали», характеризуются её сходными «поворотами». Ещё в 1962 г. Ю.Н. Давыдов подметил весьма интересное обстоятельство: «Рабовладельческий Египет дал классический пример формы рабовладения, связанной с "отчуждением" прежде всего общественных результатов кооперированного в масштабах страны труда индивидов ... Собственно в этой способности вызвать к жизни и (более или менее сознательно, более или менее планомерно) контролировать новую – массовую – производительную силу и состояло историческое оправдание "египетского кастового строя"» [4, с. 59]. Применительно к СССР эту мысль можно переформулировать так: «Советский Союз дал классический пример формы капиталистической эксплуатации, связанной с "отчуждением" прежде всего общественных результатов кооперированного в масштабах страны труда индивидов. В этой способности вызвать к жизни и (более или менее сознательно, более или менее планомерно) контролировать массовую производительную силу и состояло историческое оправдание советского строя». (Кроме того, на порядки в птолемеевском Египте обратили внимание, в контексте исследования нашего отечественного социализма, советские авторы коллективного проекта «С. Платонов» [5, с. 230-235]). Примечательно то, что Ю.Н. Давыдов подчеркивает роль внешних условий (ежегодных разливов

Нила) в формировании египетской массовой эксплуатации [4, с. 59] – для СССР таким внешним условием стала отнюдь не иллюзорная угроза иностранной военной интервенции. Господствующей же формой эксплуатации в Древнем Риме и в США стала индивидуальная эксплуатация трудящихся – ставка была сделана не на «высшую степень обобществления», а на производительную силу индивида (личности). Разумеется, это не означает ни того, что в СССР или в Древнем Египте вообще не считались с производительной силой личности, ни того, что в США или в Древнем Риме не было масштабных коллективных проектов. Речь идет лишь о господствующих тенденциях.

Массовая производительная сила позволяет быстро аккумулировать общественные ресурсы – это дает не только тактический выигрыш (порой весьма важный!), но и стратегический проигрыш: «Централизованная плановая экономика, чрезвычайно расточительная, однако эффективная при мобилизации ресурсов на приоритетные цели, была также источником бесконечной жесткости и несбалансированности, которые снижали производительность по мере того, как экономика становилась более сложной, технологически развитой и организационно диверсифицированной» [6, с. 449].

Стратегический проигрыш массовой производительной силы был, в конечном счете, предопределен пренебрежением к производительной силе отдельного индивида, отдельной личности – пренебрежением, которое фактически означало отмену задачи преодоления капитализма. Д.А. Давыдов верно отмечает то, что «личность (как благо) нельзя купить или продать, она не товар. ... Иными словами, "обладание личностью" не тоже самое, что обладание капиталом или рабочей силой. Область производства личности располагается по большей части за пределами капитализма. Стало быть, развернувшаяся ещё в советские времена "борьба за личность" и была уже зачатком посткапитализма» [7, с. 220 – 221]. СССР во многом погубила неспособность КПСС направить устремления личности «в русло общественно востребованного творчества» [8, с. 180], неспособность работать с нестандартными, выдающимися деятелями. (Весьма показательным, но отнюдь не единственным, примером этой неспособности выступает судьба гениального поэта И.А. Бродского, который получил прижизненное признание в США после того, как в СССР его отправили в ссылку «за тунеядство»). Вызов для фордистского и тейлористского в своей основе способа производства в СССР «исходил прежде всего не от враждебных государств, а от новой субъективности рабочей силы и ее новой интеллектуальной и коммуникативной структуры. ... Система могла бы продолжать, и в течение некоторого времени продолжала, функционировать на базе модели

дисциплинарной модернизации, но она не могла совмещать модернизацию с новой мобильностью и созидательным потенциалом рабочей силы» [9, с. 260]. В итоге СССР так же закономерно проиграл США, как Древний Египет закономерно проиграл Древнему Риму.

Ф. Энгельс проницательно указывал в «Анти-Дюринге» на следующее обстоятельство: «Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки. Но на высшей точке происходит переворот. Государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения. Это разрешение может состоять лишь в том, что общественная природа современных производительных сил будет признана на деле и что, следовательно, способ производства, присвоения и обмена будет приведен в соответствие с общественным характером средств производства. А это может произойти только таким путем, что общество открыто и не прибегая ни к каким окольным путям возьмет в свое владение производительные силы, переросшие всякий другой способ управления ими, кроме общественного» [10, с. 290].

Абстрактная возможность преодоления капитализма так и не стала в СССР действительностью: общество не взяло в свое владение производительные силы – оно не овладело ни собой, ни средствами производства. Так, в СССР «идеологические репрессии и политика контроля над информацией были решающими препятствиями для инновации и распространения новых технологий, сосредоточенных как раз на обработке информации. ... Пишущие машинки были редкими и за ними тщательно следили. Доступ к машинам для фотокопирования всегда требовал допуска от служб безопасности – две заверенных подписи для русского текста и три заверенных подписи для нерусского текста. Использование междугородных телефонных линий и телекса контролировалось в каждой организации специальными процедурами» [6, с. 463]. В СССР, кроме того, происходило следующее: «Поскольку инновация всегда влечет за собой риск и непредсказуемость, предприятиям на всех уровнях систематически отбивали охоту заниматься такими рискованными делами» [6, с. 449]. Это нередко порождало весьма неблагоприятные последствия. Например, простое, избегающее риска, копирование

американских компьютеров при отсутствии международной или внутренней конкуренции привело советскую электронику в состояние застоя [6, с. 459]. В итоге, даже при наличии большого числа высококвалифицированных специалистов в области информатики, «Советский Союз пропустил революцию в информационных технологиях, которая сформировалась в мире в середине 1970-х годов» [6, с. 455].

Такая одержимость внешним контролем в ущерб развитию общества имела вполне «классический» характер. Исторические типы рациональности (классический, неклассический, постнеклассический) связаны с практическим отношением человека к различным типам систем [11]. Условием успеха практической деятельности выступает применение того или иного исторического типа рациональности к соответствующему именно ему типу систем: классической рациональности – к простым системам, неклассической – к сложным саморегулирующимся, постнеклассической – к сложным саморазвивающимся, в том числе – и к общественной формации. Межформационный переход как разрешение межформационного кризиса – это комплексная теоретическая и практическая проблема, которая служит одной из основных моделей практического применения постнеклассического мышления.

Если практическое применение классической рациональности нередко приводит к недооценке человеческой субъектности, а неклассической – наоборот, к волюнтаризму, то постнеклассика уже по своей диалогичной природе нацелена на преодоление двух указанных крайностей. Постнеклассическое мышление предполагает особую – глубоко личностную и практически ориентированную – позицию субъекта познания. Постнеклассическое познание – это поступки человека или группы людей, практически изменяющие сложную, саморазвивающуюся, человекомерную систему. Это практическое изменение системы происходит «изнутри» потому, что познающие субъекты сами являются ее элементами. Оно диалогично и алгоритмично, так как учитывает существенные обратные связи в системе.

Ленинское понимание межформационного перехода было выдержано в духе «старой доброй» классической рациональности, в духе просветительского понимания общества как единого «часового механизма»: «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы. Но эта "фабричная" дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только ступенькой, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатации и для



дальнейшего движения вперед» [12, с. 101-102]. Эта ступенька оказалась гнилой. В Советском Союзе, действительно, сложили всю экономику, политику и культуру «в одну корзину». Результатом пренебрежения народной мудростью о корзине и яйцах стал крах советского социалистического проекта как сложной саморазвивающейся системы.

Как теперь становится ясным, ошибка советского проекта состояла в том, что к сложной, саморазвивающейся системе вместо подходящей для управления такими системами постнеклассической рациональности была применена рациональность классического типа, которая уместна лишь в управлении простыми системами. (Следует предположить, что сегодняшний успех Коммунистической партии Китая в деле управления огромным китайским обществом связан с избеганием указанной ошибки. Ведь смешно полагать, что более миллиарда граждан КНР подвергаются прямому, непосредственному управлению – в качестве единого механизма с людьми-винтиками – со стороны горстки членов ЦК КПК).

Вы можете спросить – как возможно постнеклассически управлять сложной, саморазвивающейся системой, если она и так саморазвивается? Дело в том, что управление такой субстанциальной системой идет не извне, а изнутри. Управляющие сами являются элементами такой системы, и «на своей шкуре» испытывают все хорошие и плохие последствия своего управления – благодаря обратным связям. Постнеклассическое (то есть, по сути, аутентичное марксистское) понимание межформационного перехода состоит не в следовании навязанной общественной модели, а в свободной самодетельности, цель которой «растворена в процессе становления общественных индивидов, а не предпосылаема им и их разуму как нечто внешнее» [13, с. 286]. Советская идеология как раз предпосылала идею «диктатуры пролетариата» (его политической самодетельности) как нечто внешнее по отношению к самому пролетариату. А.А. Коряковцев и С.В. Вискунов справедливо констатируют следующее: «Даже при поверхностном взгляде на советское общество мы сразу, едва начав его анализ, натываемся на противоречие между общественной практикой и общественным сознанием (социальным воображаемым) и на противоречия в самой общественной практике. Это позволяет сформулировать проблему советского общества: оно еще оставалось капиталистическим, и уже не было таковым. Иначе говоря, оно являлось незавершенным отрицанием капитализма, его превращенной формой» [14, с. 616].

Впрочем, СССР стал далеко не единственным примером превращенных форм капитализма. Такие формы сегодня, по сути, господствуют в мире – как результат незавершенной антикапиталистической революции [14,

с. 641]. Единая социальная революция рабочего класса индустриальной эпохи длилась в планетарном масштабе всю первую половину XX в. – эта революция победила в экономической сфере (так как во многих странах, в том числе и в СССР, возникли социально ориентированные перераспределительные системы с различными идеологическими их обоснованиями), но осталась незавершенной именно в качестве антикапиталистической революции [15, с. 41-42]. Указанные перераспределительные системы порождают диктатуру буржуазно-бюрократической корпорации – системный бонапартизм [14, с. 640]. Это приводит к тому, что «новая "классовая борьба" ... в меньшей степени сводится к конфликту между менеджментом и рабочими в рамках экономического предприятия, нежели к соревнованию между различными организованными сегментами с целью повлиять на государственный бюджет» [16, р. 24].

К. Маркс ошибся в своей ставке на заводской пролетариат в деле ликвидации капитализма, однако эта ошибка была неизбежной в условиях эпохи, которая не предлагала иной технологической основы развитого производства, кроме фабрично-заводской [15, с. 46-47]: «Однако мог ли фабрично-заводской пролетариат стать субъектом отрицания себя как субъекта труда (а по Марксу он должен таким стать, это и является залогом его революционности)? Мог ли он стать субъектом практической критики труда? Позволяли ли ему это сделать сами производительные силы, частью которых он был? Нет, ибо промышленное разделение труда "антитетически" разносило отчужденный труд и "самодетельность" по разным сторонам общественной иерархии» [14, с. 572]. В условиях применения индустриальной технологии и характерного для нее разделения труда рабочий класс объективно не мог (а во многих случаях – и субъективно не хотел) добиться большего – ликвидировать капитализм как систему [15, с. 42]: «Обеспечив господство своих экономических интересов в качестве платежеспособного потребителя (утвердив экономическую диктатуру в сфере распределения и в рамках господствующего способа производства), он реализовал собственную социальную природу с наибольшей полнотой и раскрыл ее внутреннюю противоречивость. Следовательно, основное противоречие нашей эпохи – это уже не столько противоречие между трудом и капиталом (оно регулируется в пользу рабочей силы, ее житейских потребностей в условиях перераспределительного, паллиативного, социализма), сколько противоречие внутри самого труда между его свойствами... между его необходимостью, всеобщей для всех людей, и вынужденной, частной, принудительной необходимостью для рабочего класса» [15, с. 43]. Рабочий класс, не завершив социальную антикапиталистическую революцию, проявляет

самоотчуждение от политики постольку, поскольку житейские цели и задачи рабочих лежат вне пределов политики как особой сферы общества [15, с. 48]. В основе собственной, а не привнесенной извне идеологии пролетариата лежат не политические вопросы «революционного коммунизма», а вопросы контроля над производством, социальной солидарности, самообразования и «создания параллельного мира» [17, с. 273]. В силу промышленного разделения труда у индустриальных рабочих никогда не было ни сил, ни желания, ни времени для того, чтобы заниматься политикой, и потому объективно существующие интересы рабочих защищались в политике (если вообще защищались) кем угодно, только не ими самими [14, с. 595]. Рабочий класс может только поддерживать в тех или иных формах близких ему профессиональных политиков, но не более того. Вместе с тем, рабочий класс сторонится политики как особого вида деятельности ещё и потому, что в его сегодняшнем постфордистском труде и так слишком много черт политической практики [18, с. 52].

Но мог ли в принципе ленинизм (или, скажем, маоизм), при всех его бесспорных исторических успехах, покончить с капитализмом с помощью провозглашения монополии угнетенного класса на внутреннюю политику? А.В. Бузгалин и А.И. Колганов верно отмечают, что «буржуазную революцию совершали преимущественно не крепостные, а социальные силы, возникшие на обломках крепостничества — лично свободные представители "третьего сословия". Точно так же можно предположить (и это прямая критика классического марксизма), что главным субъектом социалистических преобразований должен стать новый субъект, вырастающий как продукт снятия экономической зависимости работника (наемного характера труда). ... Последнее отрицает тезис классического марксизма о революционной роли индустриального пролетариата» [19, с. 57]. Д.А. Давыдов расширяет данный тезис до масштаба всемирной истории: «Тезис о "революционном переустройстве всего общественного здания" как неременном следствии борьбы между угнетающими и угнетаемыми не находит подтверждения. Более того, история показывает, что борьба свободных и рабов, патрициев и плебеев, помещиков и крепостных и т.д. между собой никогда не приводила к смене общественных формаций. ... В данном контексте не соответствующим общей логике исторического процесса представляется и прогноз Маркса относительно того, что именно рабочий класс уничтожит капитализм. Надежды на реализацию этого прогноза уже не раз демонстрировали свою тщетность» [8, с. 90].

Означает ли это, что советский проект был заранее обречен? Нет, не означает. Абстрактным шансом на успех было для советского проекта

создание посткапиталистического и относительно дебюрократизированного социально-экономического уклада, где могли бы разрабатываться и внедряться прорывные технологические и культурные инновации, имеющие целью удовлетворение высших человеческих потребностей с последующим масштабированием этих инноваций на общество в целом. К сожалению, создание такого уклада затормозилось в СССР на начальной стадии. П.Н. Кондрашов справедливо замечает следующее: «Новый способ производства сначала возникает в структурах повседневности в конкретных локусах в "теле" ныне существующего способа производства. Эти локусы, постепенно разрастаясь, разрушают старую и в конце концов конституируют новую органическую целостность – новый способ производства или новую общественную формацию» [20, с. 152]. Наряду с посткапиталистическими «локусами» в послесталинском СССР успешно вызревали «локусы» слепого подражания капиталистическому Западу, и первые были побеждены вторыми.

Крах советского строя стал для нашей страны и для всего прогрессивного человечества исторической трагедией, однако он не стал катастрофой для процесса межформационного перехода: «Смена социально-экономических систем осуществляется не как одномоментный акт скачка от одного развитого целого к другому, а как длительный процесс "заката" одной системы и генезиса другой. Этот процесс длителен (занимает исторические периоды, большие, чем собственно зрелое, "классическое" состояние) и глубоко нелинеен. На протяжении всего этого периода перехода возможны и необходимы революции и контрреволюции, реформы и контрреформы. В рамках старой системы образуются переходные формы, включающие ростки нового качества общественного развития; в рамках возникающей новой обязательно сохраняются значимые элементы старой. При этом господствующими в обоих случаях становятся не "чистые", а переходные отношения и формы» [19, с. 54]. П.Н. Кондрашов в связи с этим отмечает следующее: «Содержательно любой такой период представляет собой, во-первых, качественный переход, трансформацию (trans-) от одного состояния к другому; во-вторых, он находится между (inter-) этими состояниями, объединяя в себе моменты и того, и другого состояний, одного и другого способов производства, умирающей и рождающейся общественных формаций. Поэтому представляется уместным ввести в научный оборот термин inter/trans-формация, которым мы обозначим длительный переходный период от одной формации к другой, в его структурах содержатся элементы обеих формаций, что с необходимостью ведет к рассмотрению этого периода как внутренне двойственного, амбивалентного» [20, с. 152].

Эта амбивалентность пронизывает сегодня практически каждого человека, что ставит под большой вопрос значение идеологии (тем более – государственной идеологии) в период текущего межформационного перехода. Любая идеология предполагает позицию «учащего» и позицию «учащегося», но социальная онтология межформационного перехода к посткапиталистической формации ставит эти позиции под вопрос: «Борьба между фетишизмом и антифетишизмом существует внутри каждого из нас, коллективно и индивидуально. Поэтому не может быть и речи о том, чтобы нефетишизированный авангард вел за собой фетишизированные массы» [21, р. 146]. Данный тезис может быть эмоционально усилен: «Если общество больно, то, конечно же, больны и мы, поскольку мы не можем находиться вне общества. Наш крик – это крик против нашей собственной болезни, которая является болезнью общества, крик против болезни общества, которая является нашей собственной болезнью» [21, р. 116]. В силу этого дальнейший анализ проблем межформационного перехода должен носить не столько социально-онтологический, сколько философско-антропологический характер.

### Список литературы

1. Мусаелян Л.А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. 3-е изд. Пермь: Издательство ПГНИУ. 2015 – 421 с.
2. Николаева Л.В. Свобода – необходимый продукт исторического развития. М.: Издательство МГУ, 1964. – 292 с.
3. Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 36. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 283–314.
4. Давыдов Ю.Н. Труд и свобода. М.: Высшая школа, 1962. – 132 с.
5. Платонов С. После коммунизма. М.: Молодая гвардия, 1989. – 255 с.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
7. Давыдов Д.А. Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: РИПОЛ классик, 2021. – 336 с.
8. Давыдов Д.А. Личность и государство в терниях посткапитализма: На пути к новой антагонистической общественной формации. М.: ЛЕНАНД, 2020. – 218 с.
9. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. – 440 с.
10. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 1–338.
11. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 743 с.
12. Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 33. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 1 – 120.
13. Коряковцев А.А. Диалектический синтез в социальной теории К. Маркса // Маркс утраченный и Маркс обретенный. М.; Екатеринбург : ИФиП УрО РАН : Кабинетный ученый, 2021. С. 280 – 296.
14. Коряковцев А.А., Вискунов С.В. Марксизм и полифония разумов: Драма философских идей в 18 главах с эпилогом. Москва; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. – 684 с.

15. *Коряковцев А.А.* Антикапиталистическая революция индустриальной эпохи: проблема естественноисторических пределов в марксистской традиции // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Том 13. Вып. 3. С. 38–50.
16. *Bell D.* The cultural contradictions of capitalism. New York: Basic Books, Inc., Publishers, 1978. – 301 p.
17. *Мейсон П.* Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: «Ад Маргинем Пресс». 2016. – 416 с.
18. *Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. – 176 с.
19. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Издание 3-е, испр. и суш. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. – 640 с.
20. *Кондрашов П.Н.* Посткапитализм как новая общественная intertrans-формация // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 150–159.
21. *Holloway J.* Change the World without Taking Power. New York: Pluto Press, 2010. – 296 p.

## **TO THE QUESTION OF THE COLLAPSE OF THE SOVIET PROJECT: SOCIO-ONTOLOGICAL ASPECT**

***Yuri V. Loskutov***

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Perm State University

614068, Bukirev str., 15, Perm, Russia

The article investigates the reasons for the failure of the Soviet project as the project of inter-formational transition. Mass productive force of the USSR naturally lost to the Western bet on the productive force of the person. The abstract possibility of overcoming capitalism never became a reality in the USSR – society had not mastered its productive forces. In addition, the mistake of the Soviet project was that to a complex, self-developing social system instead of the postnon-classical rationality was applied a classical rationality. The Soviet project was just one example of an unfinished worldwide social revolution of the industrialized working class, which gave rise to socially oriented redistributive bureaucratic systems. Nevertheless, the inter-formational transition was by no means complete with the collapse of the Soviet project.

Keywords: inter-formational transition, Soviet project, productive forces, personality, postnonclassical rationality

## **СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ САМОДОСТАТОЧНОСТИ РОССИИ**

***Р.Л. Лившиц***

Доктор философских наук, профессор,  
независимый исследователь  
E-mail: rudliv@yandex.ru

Обещанного реформаторами «возвращения России в лоно мировой цивилизации» не состоялось. Вместо этого наша страна оказалась втянутой в войну со странами капиталистического ядра, которую Россия не имеет права проиграть. Выстоять в этой войне можно лишь в том случае, если страна обладает способностью самостоятельно противостоять могущественному противнику, не зависит от внешних случайностей, вообще от любых непредсказуемых факторов. Иначе говоря, для победы в развернувшейся битве самодостаточность для России не просто желательна, а жизненно необходима. Система образования, возникшая в России на обломках советской, не отвечает этой необходимости. Эта система нацелена на формирование личности, приспособленной к решению узких задач. Однако прагматическая ориентация образования, оправдавшая себя в «цивилизованном мире», в широком историческом плане контрпродуктивна, т.к. не позволяет гибко реагировать на изменения технологий. Необходимо восстановление в своих принципиальных основах советской системы образования, ибо только она позволяет обеспечить самодостаточность России в ближайшей и отдаленной перспективе.

Ключевые слова: самодостаточность страны, советская система образования, прагматическая ориентация образования, универалистская парадигма, человек-творец, человек-функция

### ***Как всё начиналось***

Современный период истории России принято называть постсоветским (или послесоветским – кому как нравится). Такое название верно, поскольку этот период действительно наступил после того, как был уничтожен Советский Союз и свергнута советская власть. Но оно не обладает ни малейшей информативностью, ибо в нем не запечатлено содержание эпохи, ее формационный смысл. Это примерно то же самое, что сказать о человеке, который достиг преклонных лет, что он находится в постнатальном периоде развития. Да, действительно, все что с ним случилось за 70 или 80 лет

его жизни, произошло после рождения, но что, исходя из этого факта, мы можем узнать о его характере, мировоззрении, семейном положении, социальном статусе, достижениях и неудачах? Мораль: для содержательной оценки того или иного этапа развития общества чисто хронологический критерий не годится, нужны иные подходы. Если же с такими мерками подойти к оценке современного российского общества, то в таком случае следует признать, что он по своему содержанию есть реализация антисоветского проекта. Суть этого последнего была сформулирована с предельной ясностью еще в перестроечные времена: «возвращение в лоно мировой цивилизации» [1; 2; 3]. Люди, взявшиеся реформировать советское общество, мыслили крайне европоцентристски. Россия, с их точки зрения, страна *неправильная*, заблудившаяся на тропах истории. Стало быть, необходимо, не мудрствуя лукаво, скопировать все опорные столбы «цивилизованного общества»: систему представительной демократии, рыночную экономику, «идеологический плюрализм», потребительство и неразрывно связанный с ним культ личного успеха. Реформаторы были преисполнены уверенности в том, что «правильно» устроенная Россия вольется в семью «цивилизованных стран», заняв в ней место, достойное крупной державы. Однако их понимание перспектив нашей страны не совпадало с мнением тех сил, благорасположения которых политическая элита России добивалась. Послесоветской России дали некоторое время посидеть на приставном стульчике в группе G8, но присоединиться к блоку НАТО, как того желало руководство страны, не позволили. С течением времени стало все более и более очевидно, что «цивилизованный мир» рассматривает нашу страну не как равноправного партнера, с которым следует налаживать деловые взаимовыгодные отношения, а как трофей, доставшийся ему в результате победы в холодной войне.

Перед лицом неопровержимых фактов в правящем слое российского общества происходило осознание иллюзорности надежд на вхождение нашей страны в элитный клуб «цивилизованных стран». И вместе с этим зрело понимание того, что в глазах «цивилизованного мира» русские (понимаемые как как политическая общность) – это варвары, единственное предназначение которых – обслуживать интересы «цивилизованных народов». Сильные мира сего отвели России участь страны-бензоколонки, поставщика на мировой рынок дешевых ресурсов. Компрадорскую часть российской буржуазии такая перспектива, конечно, устраивала, но для правящего класса в целом подобный вариант ничего хорошего не сулил.

Дело заключается в том, что Россия слишком велика для того, чтобы удовлетвориться ролью поставщика на мировой рынок продукции низкого



передела. России досталась в наследство от Советского Союза диверсифицированная экономика с мощным сырьевым фундаментом и многоуровневой «надстройкой», где производилась продукция высоких переделов. Если всю эту «надстройку» ликвидировать, то значительная (если не большая) часть населения окажется лишней. В итоге вместо стабильного общества, в котором победители имеют возможность спокойно вкушать плоды своего триумфа, образуется бурлящий социальный котел. По всему пространству страны пройдут трещины региональных и межнациональных конфликтов, которые наложатся на классовые антагонизмы. Организму России вряд ли удастся пережить такие испытания, она окажется втянутой в воронку острейших конфликтов и в итоге повторит судьбу Советского Союза. Но тогда селевой поток истории снесет господствующий социальный слой послесоветской России. И, осознав эту незавидную перспективу, наиболее дальновидная часть правящего класса приняла решение повернуть руль государственного корабля в сторону патриотизма.

### *Патриотизм на словах и на деле*

Но одно дело – провозгласить курс на патриотизм, и совсем другое – воплотить его в жизнь. Регулярное исполнение государственного гимна, проведение других гражданских ритуалов организовать несложно, но это всего лишь атрибутика. Главный вопрос: что за ней? Каково, так сказать, материальное обеспечение патриотизма? Россия на самом деле представляет собой какую-то реальную величину в современном мире, она действительно влиятельный член мирового сообщества, играющий серьезную роль на мировой арене, или она, говоря словами Маргарет Тэтчер, всего лишь «Верхняя Вольта с ракетами»?

В девяностые годы было сделано очень многое для того, чтобы избавить нашу страну от всего «лишнего»: от своего станкостроения, гражданского авиастроения, судостроения, вообще всего высокотехнологичного производства. Одержимые алчностью, «новые русские» растащили наши лучшие заводы, уничтожили научно-исследовательские институты, обрекли на смерть передовые научные школы и т. п. Произошла примитивизация материально-технического фундамента страны, ее масштабная деиндустриализация. Но вакханалия девяностых постепенно завершилась, приватизационные войны с течением времени утихли, и выжившие в них «братки» пожелали утвердиться в собственных глазах и в глазах мира в качестве респектабельных господ, строящих цивилизованное общество. Взаимная вражда между победителями никуда, конечно, не исчезла, однако они выступали уже не в виде банды, живущей грабежом ресурсов, а в роли

класса, занимающегося регулярной эксплуатацией завоеванной собственности и потому объединенного общим экономическим интересом. И не только сиюминутным, но и простирающимся на длительную историческую перспективу. Второе издание капитализма в России стало свершившимся фактом [4].

И тогда для наиболее дальновидной части правящего класса стала доходить та банальная истина, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Надеяться можно только на собственные силы. Подлинная, а не декларативная независимость требует восстановления способности страны успешно развиваться в условиях враждебного окружения, опираясь на собственные ресурсы и возможности [5; 6]. Холодная война велась со стороны Запада во имя идеалов демократии против «коммунизма», который изображался как вселенское зло. Но после ее окончания стало совершенно ясно, что «коммунизм» – лишь предлог, а подлинная причина – страх Запада потерять свою монополию на власть в современном мире.

Оценивая исторический путь Советского Союза, обычно акцентируют внимание на том, что он просуществовал всего 74 года. Мол, это было эфемерное по историческим меркам образование. Но, если взглянуть на вопрос с другой стороны, то вывод получается совершенно иной. Советский Союз, располагая малой долей мировых ресурсов, противостоял своим могущественным врагам целых три четверти столетия! А сейчас, когда выросли и укрепились силы, противостоящие мощи совокупного Запада, появился реальный шанс навсегда покончить с его монополией. И опыт прошлого – как положительный, так и отрицательный – в этом уже развернувшемся сражении за самостоятельное место в мировом сообществе весьма пригодится.

Проблема, однако, заключается, в том, что патриотический импульс, ставший объективной необходимостью для современной России, наталкивается на ряд препятствий. И первое препятствие – высокая степень технологической деградации нашей страны [7]. Наиболее наглядно это проявляется в гражданском авиастроении. Советский Союз был страной, производившей собственные гражданские самолеты и с успехом продававшей их за рубеж. Единственная советская авиакомпания Аэрофлот эксплуатировала только отечественные самолеты. В постсоветской России авиаперевозки почти на сто процентов осуществляются на воздушных судах западного производства, поскольку других просто нет. В начале двухтысячных была предпринята попытка возродить отечественное гражданское авиастроение. Успехи на этом пути, увы, не впечатляют. России удалось произвести единственный новый самолет – ближнемагистральный Суперджет-100, да и то

в количестве две сотни единиц. К тому же назвать его российским можно лишь с известной долей условности, поскольку он на три четверти, если не больше, состоит из импортных комплектующих.

По поводу этого факта можно заметить, что не стоит трактовать его как свидетельство технологической отсталости нашей страны. И на Западе такие сверхсложные изделия как самолет, создаются благодаря кооперации усилий многих стран. Абстрактно рассуждая, это утверждение вполне справедливо. Однако мы живем в реальном мире, где абстрактные истины не способны отразить реальную сложность жизни. Проблема же заключается в том, что современная ситуация не оставляет нам выбора: пользоваться импортной техникой или создавать свою. Почти полное отсутствие самолетов собственного производства ставит нашу страну в зависимость от Запада, причем зависимость критическую. В XXI веке страна, раскинувшаяся на 11 часовых поясов, без авиации сохранить свою целостность не в состоянии. Поэтому для России наличие собственного гражданского авиастроения – не благое пожелание, а первейшая жизненная необходимость. И если мы не в состоянии эту необходимость удовлетворить, то это – свидетельство нашей отсталости. Если Россия не может обеспечить производство, например, легковых автомобилей класса люкс, то это не ставит под угрозу национальную безопасность. И потому такую неспособность не нужно расценивать как свидетельство технологической отсталости. В конце концов, нельзя быть повсюду первыми, ведь мир велик и в других странах достаточно людей умных, трудолюбивых и хорошо образованных. Но когда речь идет о решении проблем, имеющих стратегическое значение, подобная логика не годится. И если страна не может с такой проблемой справиться, то она является отставшей. И нет такой цены, которую было бы жалко заплатить, чтобы это отставание ликвидировать. К сожалению, Россия отстает от ряда стран не только в области гражданского авиастроения, но и во многих других ключевых областях: в электронной промышленности, в освоении космоса, в биотехнологиях и некоторых других.

Тот, кто прямо или косвенно способствует преодолению отставания нашей страны от передовых стран в области высоких технологий, – это и есть патриот на деле. Ну, а тот, кто прямо или косвенно препятствует ликвидации зависимости России от лидеров технологического прогресса, таковым считаться не может. Даже если он сам себя записывает в стан патриотов и с пафосом клеймит «погрязший в пороках бездуховный Запад». Объективно назревшая потребность в обеспечении самодостаточности России требует смены идеологических вех [8]. И не только на уровне лозунгов и символов, но и на более глубоком уровне, т.е. на уровне реальных смыслов,

картины мира, образа мышления. И тут общество сталкивается с другим важнейшим препятствием на пути восстановления самодостаточности – системой образования в современной России.

### ***Образование и самодостаточность***

Система образования – важнейшая подсистема общества, имеющая своей целью воспроизводство и наращивание его цивилизационного потенциала. Она приспособлена к решению задач, стоящих перед страной, к удовлетворению ее текущих и перспективных потребностей. Доставшаяся современной России система образования позволяла успешно решать те задачи, которые стояли перед Советским Союзом. Первейшая из них – обеспечение реальной независимости от вражеского окружения. Война против первого в мире социалистического государства не прекращалась, в сущности, ни на минуту. Хотя порой удавалось заключать ситуативные союзы против общего врага, цель капиталистического мира оставалась неизменной – уничтожение Советского Союза и советской власти. Поэтому политическое руководство страны советов (до эпохи Горбачева) не питало иллюзий относительно намерений стран капиталистического ядра. И по этой причине стремилось выстроить все системы общества на основе принципа самодостаточности. В СССР была создана первоклассная армия, использующая собственное вооружение; причем производственные мощности были рассредоточены по территории страны, чтобы сделать их неуязвимыми. Благодаря коллективизации, позволившей осуществить механизацию сельского хозяйства, удалось достигнуть продовольственной безопасности. В Советском Союзе создали развитую энергетическую инфраструктуру, покрыли территорию страны сетью железных и шоссейных дорог, трубопроводов, построили тысячи городов, обеспечив население (в основном бесплатно) комфортным жильем. Но для того, чтобы всё это создать и правильно эксплуатировать, необходимы кадры. С этой задачей успешно справлялась сформированная в стране система образования. Она появилась не на пустом месте, а наследовала лучшие традиции той системы образования, что существовала в Российской империи [9]. Сеть военных училищ и академий готовила офицеров и генералов. Сотни технических вузов выпускали инженеров. Множество медицинских учебных учреждений обеспечивало кадрами нужной квалификации систему отечественного здравоохранения. Выпускники педагогических училищ и вузов становились учителями в школах. И так далее. Дело было поставлено таким образом, что самолеты, созданные *нашими* конструкторами и серийно выпускавшиеся на *наших* заводах, пилотировались *нашими* летчиками, подготовленными в

наших учебных заведениях. И так всегда и повсеместно. Советское общество представляло собой огромный человеческий коллектив, способный решать любую свою проблему собственными силами.

Система образования была неотъемлемой частью этой целостности, ее, можно сказать, ключевым элементом. И дело не только в том, что образование было вписано в плановую экономику. Прежде чем построить новый авиастроительный завод в Сибири или, например, на Дальнем Востоке, в городе, где намечалось строительство, в местном политехническом вузе открывался соответствующий факультет. Количество студентов на нем увязывалось с кадровой потребностью завода. Получив бесплатное образование, выпускники приобретали статус молодых специалистов и по направлению обязаны были, в соответствии с законом, отработать три года на производстве. Такой срок вполне достаточен для профессионального становления. И так было в любой сфере профессиональной деятельности. В результате стране удавалось избегать сколько-нибудь существенного кадрового дисбаланса.

Курс на «возвращение в лоно мировой цивилизации» коренным образом изменил положение. Система образования стала рассматриваться не как часть общего целого, а как самостоятельный инструмент извлечения прибыли. Сформировался рынок образовательных услуг, существенно потеснивший традиционную сферу бесплатного образования. В результате в стране появилось несметное количество обладателей дипломов юристов, экономистов, религиоведов и прочих гуманитариев, для которых нет и в обозримом будущем не будет работы. И в то же время возник острый кадровый дефицит учителей, врачей, инженеров и других специалистов, необходимых для обеспечения нормальной жизни общества и его развития.

Но это еще не всё. Основу советской системы образования составлял принцип универсализма, воплощающий новоевропейский гуманистический идеал [9]. Образование понималось не как формирование способности к выполнению профессиональных функций, а как развитие личности, ее движение по внутренней вертикали вверх. Советский учитель не оказывал образовательные услуги, он способствовал внутреннему преображению личности ученика. Послесоветская система образования порывает с этой традицией. Учитель низводится до положения поставщика образовательных услуг, а цель обучения мыслится как выработка у ученика способности приспосабливаться к наличным условиям. Идеал человека-творца сменился идеалом человека-функции. (Парадокс ситуации состоит в том, что в советском обществе человек, получивший основательную общекультурную

подготовку, всегда находил работу по специальности. А в обществе после-советском тьма узких специалистов вынуждена довольствоваться работой, никак не связанной с полученным образованием.)

Прагматическая ориентация системы образования свойственна современному Западу. Поскольку современный Запад по многим направлениям научного и технологического прогресса лидирует в современном мире, можно сделать вывод, что именно такая ориентация соответствует потребностям общественного развития. Поскольку отечественные реформаторы стремятся вернуть Россию в «клоно мировой цивилизации», постольку их усилия направлены как раз на то, чтобы порвать с гуманистическими традициями советской системы образования и переделать ее на западный манер. Внедрение ЕГЭ, а также «компетентностной парадигмы», замена в вузах политэкономии такой дисциплиной, как экономика, существенное сокращение объема философии – вот наиболее очевидные проявления поворота от универсализма к прагматизму. Реформаторами движет убеждение в том, что практика, оправдавшая себя в условиях Запада, пригодна и для России. Но кто сказал, что успех Запада обусловлен именно сложившейся в нем системой образования, а не другими факторами? Таким, например, фактором, как система колониализма (в оболочке неоколониализма). Хорошо известно, что в американских университетах преподает множество профессоров, получивших свое образование в Советском Союзе и других «тоталитарных» странах, не познавших искусства либерализма. Многие из эмигрировавших российских ученых с радостью работали бы в российских университетах, если бы им обеспечили необходимые условия для жизни и профессиональной деятельности.

Прагматическая ориентация образования полезна для неолиберальной элиты, поскольку человек-функция слеп и беспомощен за пределами своей узкой сферы. Он – легкий объект манипуляции сознанием. Однако эта ориентация контрпродуктивна с точки зрения перспектив развития общества. Человек, приспособленный к узкому спектру условий жизнедеятельности, теряется, когда нужно освоить новую профессиональную нишу. Универсалистски ориентированное образование направлено на формирование личности, владеющей общими принципами профессиональной деятельности. Специалист такого типа не просто хорошо разбирается в своем предмете, он понимает и то, что происходит в смежных областях; его мышление отличается гибкостью, способностью к перенастройке. Поэтому он без особого труда осваивает новые сферы деятельности, если в том возникает необходимость. А такая необходимость безусловно появится. Технологический прогресс неостановим, и это означает, что в течение трудовой

жизни человек обязательно столкнется с необходимостью перемены деятельности. Следовательно, преимущество имеет та страна, которая обеспечивает не просто подготовку квалифицированных кадров, а создание корпуса широко образованных специалистов, способных гибко перенастраиваться под изменившиеся задачи. Отсюда вытекает вывод, что погром отечественной системы образования в русле идеологии «возвращения в лоно мировой цивилизации», устроенный реформаторами, должен быть остановлен. Необходимо восстановление (в своих принципиальных основах, а не в частностях, разумеется) советской системы образования, ибо только она в состоянии обеспечить решение жизненно необходимой для современной России задачи достижения самодостаточности.

### Список литературы

1. Некрасов С.Н. Социализм между формацией и цивилизацией: внецивилизационный процесс или возвращение в лоно цивилизации? // Дискурс-Пи. 2007. Т.7. С. 22 – 25.
2. Николайчук П.А. О перспективах вхождения России в мировое образовательное пространство // Videonauka: сетевой журнал. 2017. 2(6) Ч.2. Специальный выпуск «Гуманитарные и экономические науки» URL: [https://videonauka.ru/stati/37-spetsialnyi\\_vypusk/123-o-perspektivakh-vkhozhdeniya-rossii-v-mirovye-obrazovatelnoe-prostranstvo](https://videonauka.ru/stati/37-spetsialnyi_vypusk/123-o-perspektivakh-vkhozhdeniya-rossii-v-mirovye-obrazovatelnoe-prostranstvo) (Дата обращения 15.09.2024).
3. Панарин А.С. К реконструкции «Второго мира». URL: <http://lizard.jinr.ru/~tina/world/history/inoe/panar.htm> (Дата обращения 20.09.2024).
4. Тарасов А.Н. Второе издание капитализма в России // Skepsis.net URL: [https://sceptsis.net/library/id\\_2973.html](https://sceptsis.net/library/id_2973.html) (Дата обращения 25.09.2024).
5. Цикин А.М. О соотношении самодостаточности и конкурентоспособности экономики в контексте социально-экономического развития России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2019. Т. 21, № 4. С. 36 – 43.
6. Цикин А.М. Самодостаточность как основа повышения конкурентоспособности российской экономики // Теоретическая экономика. 2018. № 4. С.81 – 87.
7. Ленчук Е.Б. Формирование инновационной модели развития в России: работа над ошибками // Вестник ИЭ РАН. №1. 2018. С. 27 – 39.
8. Лившиц Р.Л. Идеологический мейнстрим против реалий современной России// Новые идеи в философии. 2024. Вып.13(34). С.47 – 64.
9. Богатырев Д.К., Докучаев И.И. Провинциализация империи. Очерки истории образования в постсоветской России. СПб.: Изд-во РХГА. 2023. – 236 с.

## THE EDUCATION SYSTEM AS A KEY FACTOR ENSURING RUSSIA'S SELF-SUFFICIENCY

***Rudolf L. Livshits***

Freelance Researcher

Gatchina, Leningradskaya oblast', 188006, Russia

The "return of Russia to the bosom of world civilization" promised by the reformers did not take place. Instead, our country was drawn into a war with the countries of the capitalist core, which Russia has no right to lose. It is possible to survive this war only if the country has the ability to independently resist a powerful enemy, does not depend on external accidents, in general, on any unpredictable factors. In other words, in order to win the unfolding battle, self-sufficiency for Russia is not just desirable, but vital. The education system that arose in Russia on the ruins of the Soviet one does not meet this need. This system is aimed at the formation of a personality adapted to solving narrow problems. However, the pragmatic orientation of education, which has justified itself in the "civilized world", is historically counterproductive, since it does not allow for a flexible response to changes in technology. It is necessary to restore the Soviet system of education in its fundamental foundations, because only it makes it possible to ensure Russia's self-sufficiency in the near and distant future.

Keywords: self-sufficiency of the country, Soviet education system, pragmatic orientation of education, universalist paradigm, man-creator, man-function



## СОЦИАЛЬНО-ЭВОЛЮЦИОННОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ ЭМПИРИЧЕСКИХ ОБОБЩЕНИЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

**Н. С. Розов**

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник

Институт философии и права СО РАН,

630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

nrozov@gmail.com

Возникновение и динамика войн не являются строго регулярными, предсказуемыми явлениями, но не являются и полностью случайными. На основе анализа результатов широкого круга исследований военной истории Г. Кэшман сформулировал несколько эмпирических закономерностей, которые требуют теоретического объяснения и социально-философского осмысления. В статье рассматриваются такие вопросы, как войны между сопредельными соседями и стабильными соперниками, территориальные споры, неравенство сил, роль воинственных держав. Особое теоретическое внимание уделено концепции демократического мира, восходящей к идеям И. Канта. Показано, что нормативные и экономические аргументы слабы, тогда как институциональное объяснение более правдоподобно. Система сдержек и противовесов, понимаемая как высокая степень коллегиальной разделенности власти, является важным фактором, препятствующим развязыванию новых войн.

Ключевые слова: история войн, эмпирические обобщения войн, территориальные споры, демократический мир, коллегиальная разделенность власти, сдержки и противовесы, великие державы.

Г. Кэшман – автор солидного компендиума классических и современных концепций войн, привел несколько эмпирических закономерностей, получивших максимальное согласие ученых. Без обсуждения их спорности (или бесспорности) постараемся объяснить эти тезисы с помощью принципов и закономерностей социальной эволюции и социальной динамики.

*Когда происходит межгосударственная война, в нее почти всегда вовлекаются сопредельные соседи. Если соседи не вовлечены, то одна из воюющих сторон, скорее всего, является крупной державой [1, р. 478–479]. Начавшаяся война всегда приводит к мобилизации вооруженных сил участвующих сторон, росту потребностей в оружии и боеприпасов,*

последующему росту военного производства и/или притоку оружия, прочих военных ресурсов извне.

С одной стороны, территории сопредельных государств, пока еще мирных, становятся более уязвимыми для обоих воюющих противников (по модели А. Стинчкомба [2]), что мотивирует руководство соседей противостоять наиболее вероятному агрессору, а значит помогать его противнику. Любая помощь, даже поначалу чисто «гуманитарная» имеет тенденцию превращаться в военную вплоть до прямого вовлечения в военные действия, поскольку враждебность со стороны вероятного агрессора закономерно растет при любой помощи его противнику. С другой стороны, любая военная помощь обеим сторонам извне, как правило, должна пересекать территории сопредельных государств или же их приграничные водные пространства. Разрешение на такое пересечение воспринимается всегда с радостью принимающей помощью стороной, но то же пересечение вызывает возмущение и рост враждебности со стороны ее противника по отношению к государствам-посредникам, разрешающим передвижение военных ресурсов. Запрет на прохождение военной помощи через свою территорию приводит к обратным реакциям. Если и есть случаи разрешения со стороны полноценного государства с защищенными границами и собственной военной силой на прохождение военной помощи обеим сторонам большой кровопролитной войны, то они тщательно скрываются. Полный запрет на такое пересечение в отношении обеих сторон может быть эффективным решением, когда государство (типа Швейцарии) долго и успешно утверждает себя как нейтральное, причем обладает значительной военной силой для обороны. Однако таких государств немного.

Так объясняется обычное вовлечение сопредельных государств в межгосударственные войны. Почему же при участии в войне крупной державы невовлеченность сопредельных государств более вероятна? Сомнительно, что инициатором войны с такой державой бывает малое слабое государство, поскольку обычно именно крупная держава начинает войну согласно принципу уверенности в своей легкой победе. Еще более сомнительно, что соседи малого государства, не будучи сами крупными державами, станут его защищать, вовлекаясь в боевые действия с могучей державой — региональным, тем более глобальным гегемоном.

Крупная держава сама является соседом жертвы своего нападения или обеспечивает логистику через нейтральные воды, обладая способностью доставлять военные грузы на дальние расстояния. Иногда крупная держава использует территории союзных, зависимых соседей этой жертвы, которым не обязательно вовлекаться в войну. Яркими примерами являются обе

Иракские войны, которые вели и выиграли США при незначительном участии союзников, которые также не являются соседями Ирака.

*Наиболее вероятной причиной войны между сопредельными государствами является спор за территорию, хотя не все территориальные споры приводят к войне (государства воюют и по другим вопросам) [1, р. 479].*

Действительно, спорная территория обычно является предметом для широкого спектра забот.

- Территория может быть очевидным для соперников *ценным ресурсом*, таковы земли с плодородными почвами, места рудных и нефтяных месторождений, успешного промышленного производства.

- Территории бывают *стратегически выгодными* для передвижения войск, для обороны или нападения; таковы проливы, проходы в горах, возвышенности, острова на морских путях и т. п.

- Спорная земля может иметь большое *символическое значение* (скопление религиозных святынь, старые столицы, места воинской славы).

Уже неоднократно было отмечено, что обретение новой (или возврат старой) территории, как правило, повышает престиж могущества правителя, элит, режима, религии или идеологии, которые связываются с победой и расширением. Таков почти универсальный культурный архетип со времени вожеств (чифдомов) и ранних государств. Территориальное расширение стало главным легитиматором власти в больших царствах, империях, что видно уже в традиционных титулатурах монархов. От этого стереотипа почти никто не свободен, поскольку все неимперские государства сами были когда-то либо империями, либо частями, колониями империй, либо соседями империй или их колоний. Кроме того, легитиматорская роль территориального расширения соответствует более общим, почти универсальным представлениям об успехе и благе: большой дом, большая семья, большой клан, большой храм, много своей земли. Даже при отсутствии имперских амбиций каждое государство ревностно заботится о сохранении своей территориальной целостности, поскольку риск потери даже не особо значимой в экономическом плане земли является одним из сильнейших вызовов-угроз, а сама потеря вполне закономерно делегитимирует власть и режим.

*Большое неравенство в силе между государствами способствует, скорее, миру, чем войне. Поэтому вполне вероятно, что в большинстве межгосударственных войн (хотя и не во всех) участвуют государства, относительно равные по возможностям [1, р. 479].*

Этот тезис представляется более спорным, чем предыдущие. Скорее всего, он нуждается в уточнении: затяжные войны действительно происходят

между примерно равными по силе противниками, тогда как при большом неравенстве войны быстро заканчиваются победой сильнейшего. Достаточно указать на вторжение США в Панаму в 1989–1990 гг., на обе Иракские войны, на Российско-Грузинский вооруженный конфликт в августе 2008 г., на недавние войны в Карабахе, в которых победил усилившийся при поддержке Турции Азербайджан.

Дадим объяснение именно затяжным войнам между примерно равными противниками. Захват слабого соседнего государства становится *вызовом-возможностью*, когда такая попытка не грозит слишком большим напряжением для *заботы о собственных могуществе и безопасности*. Такие напряжения ожидаются, когда придется воевать с сильным союзником или даже с коалицией и вероятными становятся жертвы планируемого нападения. В результате, те слабые государства, которые могли быть завоеваны, — уже завоеваны, либо спорные периферийные части слабых государств ранее были завоеваны (по первому принципу геополитической динамики<sup>2</sup>). Если сами слабые государства не поглощены сильными и крупными соседями, значит есть противодействующие факторы, обычно, географические препятствия (горы, водные преграды) и/или защита со стороны сильных союзников. Так, Швейцария защищена горами, с ее буферной ролью были вынуждены согласиться Франция и Австрия. Нидерланды и Бельгия традиционно пользовались поддержкой Великобритании от угроз континентальной агрессии со стороны Испании и Франции.

Когда эти факторы ослабевают, чаще происходит аннексия. Таковы были захваты малых и слабых государств войсками Наполеона и Гитлера. Значительное и долгое сопротивление способен оказывать либо примерно равный противник, либо пользующийся значительной поддержкой союзных держав.

*В непропорционально большом проценте войн участвуют постоянные соперники или стратегические конкуренты. Эти государства имеют длительную взаимную историю враждебного взаимодействия, которая, вероятно, включает участие в серийных кризисах и/или милитаризованных спорах друг с другом, и, возможно, даже историю предыдущих войн [1, р. 479].*

Очевидное объяснение включает сильные обоюдные установки и возобновляемые чувства враждебности, соответствующие *заботы о защите от угроз* именно со стороны традиционного противника, чувствительность к любым открывающимся *вызовам-возможностям для ослабления* этого

<sup>2</sup> «Преимущество в размерах и ресурсах благоприятствует территориальной экспансии. При примерно равном соотношении прочих факторов, более населенные и более богатые ресурсами государства расширяются военным путем за счет более мелких, менее населенных и бедных ресурсами государств» [3, с. 82].

противника, нанесения ему ущерба. Каждое действие усиливает те же установки враждебности, те же заботы, ту же направленность при создании обеспечивающих структур, а именно военной силы, «заточенной» на будущую войну с традиционным врагом<sup>3</sup>.

Так образуется спираль эскалации отчуждения и враждебности, которая при достижении критических значений прорывается в войнах [4; 5; 6]. В плане решимости воевать эта мегатенденция может быть обозначена как «*Лифт*» (контуры положительной обратной связи между трендами усиления и роста). Та же мегатенденция в плане мирного сосуществования, перспектив обменов и сотрудничества должна трактоваться как «*Колодец*» (контуры положительной обратной связи между трендами ослабления и падения), точнее даже, серия «*Колодцев*», каждый из которых ведет к обрушению в новую войну.

Известны случаи замирения, даже союзничества прежних военных противников. Самыми известными, пожалуй, являются возникшие после долгой истории конфликтов и войн союзы Англии и Франции в начале XX в.,<sup>4</sup> Германии и Франции в 1950–60-х гг. Редкость таких случаев говорит о том, что должны появиться достаточно мощные факторы, преодолевающие укоренившиеся установки обоюдной враждебности<sup>5</sup>.

*Исторически сложилось так, что крупные, могущественные государства чаще вовлекались в войну, чем небольшие, менее могущественные государства* [1, р. 479].

Ричард Лебоу проанализировал 94 крупнейшие войны с 1648 по 2003 г. и выявил, что в 27% случаев войны были начаты восходящими державами (или державами-претендентами — *challengers*). При этом доминирующие

<sup>3</sup> Ср.: «Прошлые победы приводят к росту амбиций, самоуверенности и, в конечном счете, высокомерию. Милитаризм "встраивается" в культуру и институты, в результате чего война воспринимается как нормальное и даже благородное дело, что повышает ее вероятность» [8, р. 52].

<sup>4</sup> В антироссийском союзе в Крымскую войну в середине XIX в. и при последующем создании Антанты такими факторами стали необходимость совместного противостояния двум опасным империям. Россия, нацеленная на Константинополь и Проливы, ставила под вопрос британское доминирование в Средиземноморье, доступ к Суэцу, где уже вовсю шла работа по проектированию канала — будущего краткого пути к Индии как «жемчужине в короне Британской империи». Позже последовало усиление Германской империи, создание ею океанского флота с претензиями на передел колоний. Также сыграла немалую роль долгая история культурных обменов между лидировавшими долгое время в разных областях Англией и Францией, несмотря на их геополитическое противостояние и частые войны. После Первой мировой войны отношения между бывшими союзниками ухудшились вплоть до враждебности, и только необходимость противостоять агрессивной нацистской Германии вновь их сблизил.

<sup>5</sup> Послевоенный союз Германии и Франции, который за несколько этапов перерос в Европейский Союз, следует связывать не только с противостоянием подкрепленному Варшавским блоком Советскому Союзу, угрожавшему тогда Западной Европе, но и с мягкой геокультурной, геоэкономической конкуренцией в отношении геополитического лидера и защитника — США. Недаром центром нового нарратива стали «Европа» и «европейство» в противовес не только восточному навету «не-Европы», но и «Атлантизму».

державы (сильнейшие среди великих держав) начинали войны в 25% случаев, остальные — в 48% [7, р. 112]. Дополнительный анализ мотивов у инициаторов войн показал, что в 58% случаев войны были развязаны из соображений статуса (*standing*), только 18% были связаны с заботой о безопасности (что плохо согласуется с реалистскими теориями), 10% войн были начаты ради мести, 7% — ради «интереса» (экономической выгоды) и 7% — по прочим мотивам [7, р. 114]. Эти результаты позволили Лебоу сформулировать следующий тезис: «Наиболее агрессивные государства — это восходящие державы, стремящиеся к признанию в качестве великих держав, а также доминирующие великие державы, стремящиеся к гегемонии» [7, р. 112].

Крупные государства — великие державы — становились таковыми, как правило, вследствие прошлых успешных войн. Для восходящих держав эти победы — всегда недавние, свежие опыты триумфа. Такое *положительное подкрепление по Скиннеру* закономерно мотивирует начинать новые войны с надеждой на новые успехи.

Доминирующие державы способны господствовать только при мощной военной организации и соответствующими политической системой, бюрократией, ментальностью элиты и масс. Таковы *структуры*, обеспечивающие *геополитические заботы* — интересы поддержания своего статуса, возмездия обидчикам, удержания завоеванных территорий, сохранения союзов, защиты союзников и сателлитов, расширения влияния и т. п. Добавим сюда *институциональные идеологии* по М. Манну [8, р. 63–64] и получим полное объяснение тезисов Кэшмана и Лебоу о главных инициаторах войн и их мотивах.

Небольшие государства с малым могуществом не имеют вызовов-возможностей для расширения. Даже когда такие соблазны появляются, у их правителей и элит нет требуемого комплекта для завоеваний: традиционных забот расширения, увеличения легитимности за счет успешных войн, достаточной военной силы и структур ее обеспечения. Поэтому малые и слабые государства чаще оказываются вовлеченным в войны только в качестве жертв внешней агрессии, либо как вынужденные союзники своих сильнейших покровителей.

*Маловероятно, что зрелые демократии когда-либо будут воевать друг с другом; поэтому пары зрелых демократических государств исключаются из числа государств, которые могут быть вовлечены в войну. Из этого логически следует, что практически во всех войнах будут участвовать диады, в которых хотя бы одно государство является недемократическим* [1, р. 479].

Фактически здесь сформулирован основной тезис т. н. «теории демократического мира», идеи которой восходят к И. Канту [9]. Эту теорию многократно критиковали на эмпирических основаниях<sup>6</sup>. Наиболее непримиримую критику с теоретической, методологической и исторической аргументацией представили неореалисты и конструктивисты [10]. Не вдаваясь в эти споры, рассмотрим теоретические основания данной позиции.

Довольно слабым аргументом в ее пользу является апелляция к *нормативным принципам*: либеральным и универсалистским ценностям, толерантности, стремлению к миру и добрососедству, которые будто бы характерны для граждан, элит и правителей демократических государств. Как и все остальные люди, жители этих стран подвержены эмоциям гнева, нетерпимости, обиды, жажды справедливого возмездия, нетерпимости и даже ненависти. Возможно, эти чувства и соответствующая агрессивная политика чаще направлены на диктаторов и диктатуры, чем на союзные демократии. Но если эти демократии не являются культурно близкими, давнишними, надежными партнерами и союзниками, скрепленными атмосферой доверия, то никаких гарантий дружелюбия не остается.

Широкое неприятие агрессивных войн с середины XX в., ценности мира и установки на мирное разрешение конфликтов через переговоры действительно являются значимым барьером для поддержки войн гражданами, особенно против государств со сходными порядками. Этот барьер существует и для политиков, в том числе терминальных акторов, способных инициировать войны, поскольку в условиях демократической сменяемости власти избранные политики зависят от избирателей. Однако непреодолимым этот барьер точно не является, особенно когда всерьез задеты достоинство и самолюбие нации, ее жизненно важные интересы. Таким образом, моральные установки имеют значение, но могут перекрываться более сильными символами, особенно связанными с базовыми заботами поддержания престижа и роста благосостояния.

---

<sup>6</sup> Обычно приводят примеры из XIX и начала XX вв. В Гражданскую войну Север и Юг США обладали вполне достаточными на то время признаками демократичности, причем с угрозой интервенции со стороны Великобритании, которая тоже считается демократией. Европейские демократии сталкивались в «Борьбе за Африку», в частности, Великобритания и Франция в Фашодском кризисе, хотя войны удалось избежать. В Рурском конфликте 1923 г. Франция и Бельгия оккупировали богатый углем Рурский регион, что вызвало всеобщее возмущение в Веймарской республике. Совершались нападения немцев на оккупантов, те проводили карательные операции, но войны не было. Начиная с середины XX в. военных столкновений между демократиями действительно немного. Обычно называют вторжение Турции на Кипр в 1974 г., войну между Израилем и Ливаном в 1982 г., причем в обоих случаях вряд ли можно говорить о консолидированных демократиях и высоком уровне коллегиальной разделенности власти участвующих в конфликтах государств.

Аргументация, связанная с *экономической взаимозависимостью* развитых и богатых демократий, имеет более структурный и основательный характер. Действительно, долгая активная торговля, взаимные инвестиции, включенность во взаимовыгодное сотрудничество укрепляют доверие между народами, элитами, правителями государств-партнеров. Войны между такими державами рушат сделки, прерывают экономический рост, снижают благосостояние обществ, причем не только представителей бизнеса, но и широких слоев граждан, которые уже в роли избирателей негативно воспринимают такие конфликты. Опять же здесь речь идет о давнишних партнерах и союзниках, как правило, более или менее культурно близких, но такие отношения есть между далеко не всеми демократиями. Материальные, экономические заботы всегда важны, но и они не являются абсолютными барьерами, когда гнев, жажда справедливого возмездия, связанные с защитой святынь, поддержанием идентичности и самоуважения требуют воинственных действий.

Наиболее сильными представляются *институциональные аргументы*. В либеральных демократиях решения и действия правителей ограничены наличием разделения властей, «системой сдержек и противовесов», развитыми институтами гражданского общества. Предполагается, что хотя бы некоторые из этих структурных элементов способны препятствовать развязыванию новой войны, удерживать правителей от таких решений и действий. Что касается *ветвей власти*, то национальные суды обычно не имеют никаких полномочий в сфере внешней политики. Согласие парламентов на инициативные военные действия обычно требуется, что зафиксировано в конституциях. Но всегда ли большинство в парламентах демократических стран будет голосовать против внешних военных операций? Даже если эти операции направлены против другого формально или реально демократического государства?

При широком общественном согласии относительно жесткого ответа на вызов-угрозу, такие действия обычно поддерживаются центральным парламентом, особенно с доминирующей партией, лояльной терминальному актору. Как правило, такой уровень согласия возникает *при вызове-угрозе в отношении забот государственного престижа и/или национальной безопасности*. Так, Израилю в 1974 г. прямо угрожала Организация освобождения Палестины, фактически оккупировавшая юг Ливана. Полная потеря Кипра, который греки-киприоты собирались присоединить к Греции, сильно ударила бы по международному престижу и внутренней легитимности правительства в Турции. Таким образом, в обоих случаях консенсус властных элит,



парламентов Израиля и Турции относительно начала военных действий был достигнут.

Внешние военные операции также совершаются демократиями при необходимости пресечь атаки, резню, бомбежки, геноцид. Можно было бы возразить, что столь возмутительные действия, требующие вмешательства, нигде и никогда не совершаются государствами, где есть конституция, проводятся выборы и сменяется власть. Однако при взгляде на страны Черной Африки, Центральной и Южной Азии, Центральной и Южной Америки этот тезис оказывается, мягко говоря, сомнительным.

Пожалуй, сильнейшим антивоенным фактором в демократиях является пресловутая *система сдержек и противовесов*. Как ни странно, относительно нее нет отдельной развитой теории. В основных отечественных и западных справочниках, в специальной литературе этот концепт сводится к тому же *разделению властей*. Однако к «сдержкам и противовесам» относится также межпартийная борьба в парламентах, любые порядки принятия решений с правом вето, сложные взаимодействия между центром и регионами, между разными силовыми структурами, между министерствами внутри правительства, между центральными финансовыми ведомствами, между органами территориального и ведомственного управления. Столь значимый элемент и фактор демократии, будучи выраженным привычным словесным штампом «сдержки и противовесы», гораздо яснее эксплицирован в понятии *уровень коллегиальной разделенности власти*, который Р. Коллинз считает главным критерием демократичности политической системы [3, с. 201–206].

Наиболее близка к сущности этого понятия известная метафора, приписываемая Б. Франклину: «Демократия – это договоренность о правилах поведения между хорошо вооруженными джентльменами». Иными словами, каждая сторона (центр силы) обладает такими средствами самозащиты, что ее нельзя уничтожить, подавить, устранить. Поэтому стороны не «стреляют», но мирно договариваются о правилах дальнейших взаимодействий, ограничивая чьи-либо чрезмерные поползновения, препятствуя как узурпации власти, так и опасным авантюрам, прежде всего развязыванию новых войн [11, с. 369–274]. В этом плане «теория демократического мира» получает естественное теоретическое объяснение. Множественность центров силы и политического влияния при высоком уровне коллегиального разделения власти (реальной высокой демократичности) ограничивает интересы правителей и элит, побуждающие их начать войну.

Почему же множественные акторы не склонны принимать решения о начале войны против другого демократического государства? Для такого

решения нужен консенсус большинства акторов, в том числе социальных движений, которые в либеральных демократиях имеют значительное политическое влияние. Судя по результатам недавних исследований с использованием статистического сопоставления разнородных данных<sup>7</sup>, тезис о множественности сдерживающих акторов получает эмпирическое подтверждение. «Для укрепления международной безопасности недостаточно повысить конкурентоспособность избирателей или качество выборов. Такие меры должны также включать укрепление горизонтальных механизмов эффективного сдерживания исполнительной власти, содействие развитию более активного гражданского общества, которое следит за деятельностью лиц, осуществляющих исполнительную власть, и сдерживает ее; целесообразно также сочетание этих двух способов. Если целью является порядок в международной системе, то реформы, расширяющие возможности законодательной и судебной ветвей власти по отношению к исполнительной, не должны игнорироваться наряду с избирательной реформой, а продвижение инициатив организованных и активных граждан в гражданском обществе должно дополнять укрепление оппозиционных политических партий» [12, p. 53].

Политическая культура внутренней политики демократий, основанная на соблюдении общих безличных правил и нетерпимости к нарушителям, следующим образом распространяется на контекст внешнеполитических решений. Если партии вынуждены соблюдать правила внутри страны, значит и государствам следует соблюдать правила на внешней арене. При агрессии, нарушающей такие правила, следует ожидать широкое возмущение и складывание коалиции, направленной на наказание нарушителя и восстановление *status quo*. Поэтому подлинно демократическое государство не пойдет на явную, возмущающую партнеров агрессию, особенно против другой демократии, поскольку утратит авторитет и легитимность. Исключением бывает *гегемон*, подчинивший себе остальных и убежденный в оправданности своих привилегий. *Лидер* же среди демократий, совершающий не признаваемое ими вторжение, тем более воюющий с демократиями, закономерно теряет свое лидерство. Демократическая держава, скорее, войдет в коалицию, восстанавливающую справедливость согласно безличным правилам — нормам международного права. *Настоящий лидер среди*

---

<sup>7</sup> В качестве зависимой переменной была взята интенсивность межгосударственных вооруженных конфликтов (“fatal MIDs”—militarized interstate disputes в версии MID v4.1), а независимыми переменными служили численные показатели уровней развития демократии и гражданского общества (Varieties of Democracy — V-Dem data). Использовались доступные данные по 173 странам в период 1900–2010 гг. [12, p. 40–44].

демократий обязан создавать такую коалицию и подчинять свою политику этому праву.

Итак, войны между демократиями действительно менее вероятны, что получило теоретическое объяснение. В очередной раз следует признать глубину и проницательность мысли Канта, который в качестве «первой окончательной статьи договора о вечном мире» формулирует нормативный тезис: «Гражданское устройство в каждом государстве должно быть республиканским» [9, с. 373]. Кант связывает свободу и политические права граждан в республике с противодействием войнам таким образом: «Если (иначе и не может быть при таком устройстве) для решения вопроса: быть войне или нет? — *требуется согласие граждан* [выделено мной — Н. Р.], то вполне естественно, что они хорошенько подумают, прежде чем начать столь скверную игру, ведь все тяготы войны им придется взять на себя — самим сражаться, оплачивать военные расходы из своего кармана, в поте лица восстанавливать все разоренное войной — и в довершение всех бед навлечь на себя еще одну, отравляющую и самый мир, — никогда (вследствие всегда возможных новых войн) не исчезающее бремя долгов» [9, с. 377 – 379].

На первый взгляд, речь идет сугубо о «шкурных» интересах — экономических заботах обывателей. Действительно, экономическое обоснование «теории демократического мира», о котором шла речь выше, происходит во многом из этих строк Канта. Однако нужно учесть слова, выделенные мной курсивом в приведенной цитате *«требуется согласие граждан»*. Без их согласия войну не начать. Это означает, что у граждан есть некая часть власти, причем достаточная, чтобы решение о войне отменить. Такое устройство Кант и называет *республиканским*, когда в другом месте своего трактата определяет республику через разделение исполнительной власти и представительной законодательной власти, противопоставляет республиканизм деспотизму. «Республиканизм есть государственный принцип отделения исполнительной власти (правительства) от законодательной; деспотизм — принцип самовластного исполнения государством законов, которые оно само себе устанавливает, так что публичная воля выступает в качестве частной воли правителя» [9, с. 381].

Следуя «*Политике*» Аристотеля, Кант не жалуется «демократии». Тем более интересно, чем именно прокламируемый им *республиканизм* отличается от негодной «демократии»: Кант понимает последнюю как особый деспотизм — «властвовать хотят все». Таким образом, сущность республики по Канту состоит именно в *разделенности власти* (!) — возможности одного центра силы ограничивать волю другого. Именно так устроены

современные развитые (и неслучайно богатые) либеральные демократии — они имеют мощную «систему сдержек и противовесов», т. е. высокий уровень коллегиальной разделенности власти.

Тезис «демократии не воюют между собой» может быть неверным в качестве позитивистского эмпирического обобщения, но дает воодушевляющую политическую перспективу. Его следует не столько опровергать (в чем с американскими неореалистами сошлись отечественные критики западной демократии), сколько уточнять, возвращая его драгоценное зерно — смелую идею Канта о *должном устройстве миролюбивых государств*. Действительно, весьма затруднительно назвать войны между такими зрелыми демократиями, каждая из которых обладает: а) высоким уровнем коллегиальной разделенности власти, б) соответствующей политической культурой уважения к общим безличным правилам и в) нетерпимостью к их нарушениям как внутри страны, так и на внешней арене.

*Большинству войн предшествуют воинственные споры или кризисы с действиями, приводящими к эскалации [враждебности] перед началом войны, что похоже на спираль разрастания конфликта, при том, что длительность этой спирали может значительно варьировать»* [1, р. 479]. Если войну определить как особую фазу конфликта, то вся предыстория войны с ростом враждебности, взаимной подозрительности, ультиматумами, провокациями и проч., является вполне естественной частью этого конфликта. Сюда же относится т. н. спиральная динамика возникновения войн. Известны дифференцирующие условия, при которых эскалация враждебности оборачивается вспять и приводит к мирным договоренностям: силовой паритет, неопределенность последствий военных действий, опасность массовых жертв, недавний негативный опыт кровопролитных войн [4; 5; 6]. Предположительно, условия, приводящие спиральную динамику к развязыванию войны включают отсутствие вышеуказанных условий при добавлении какого-либо сочетания факторов, повышающих вероятность войны. Для уточнения этого тезиса требуется специальный сравнительно-исторический анализ широкого круга войн.

Итак, социально-эволюционный и социально-философский подходы обладают значительным концептуальным потенциалом для объяснения обобщений такой сложной сферы, как войны в мировой истории. Эти объяснения не снижают значимости эмпирических исследований, поскольку сами обобщающие тезисы о закономерностях войны и мира требуют проверки и уточнения. При этом, войны прошлого и настоящего с учетом ценностей мира и гуманизма настоятельно требуют общего теоретического и философского осмысления.

## Список литературы

1. *Cashman G.* What Causes War? An Introduction to Theories of International Conflict. Rowman & Littlefield, 2014. – 620 p.
2. *Stinchcombe A.* Constructing Social Theories. The University of Chicago Press, 1987. – 303 p.
3. *Коллинз Р.* Макроистория. Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015. – 499 с.
4. *Copeland D. C.* The Origins of Major War. Cornell University Press, 2000. – 322 p.
5. *Levy J.S., W. Thompson.* The Arc of War. Chicago: Chicago University Press, 2010. – 281 p.
6. *Orme J. D.* Human Nature and the Causes of War. Springer Nature, 2018. – 301 p.
7. *Lebow R. N.* Why Nations Fight. Cambridge University Press, 2010. – 295 p.
8. *Mann M.* On Wars. Yale University Press, 2023. – 616 p.
9. *Кант И.* К вечному миру / Кант И. Соч. в 4 тт. М.: Кامي, 1994. Т. 1. С. 353–477.
10. *Окунева Е.С.* Критика теории «демократического мира»: от реализма к конструктивизму // Сравнительная политика. 2015. № 4(21). С. 6–9.
11. *Розов Н. С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011. – 735 с.
12. *Hegre H., Bernhard M., Teorell J.* Civil society and the democratic peace // J. of Conflict Resolution. 2020. Vol. 64(1). P. 32–62.

## SOCIO-EVOLUTIONARY EXPLANATION OF MILITARY HISTORY EMPIRICAL GENERALIZATIONS

***Nikolai S. Rozov***

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences  
8, Nikolayeva St., Novosibirsk, 630090, Russia

The emergence and dynamics of wars are not strictly regular, predictable phenomena, but neither are they completely random. Based on the analysis of the results of a wide range of studies of military history, Greg Cashman has formulated several empirical regularities that require theoretical explanation and socio-philosophical understanding. The article addresses such issues as wars between contiguous neighbors and stable rivals, territorial disputes, inequality of power, and the role of belligerent powers. Special theoretical attention is paid to the concept of democratic peace, which goes back to the ideas of I. Kant. It is shown that normative and economic arguments are weak, while the institutional explanation is more plausible. The system of checks and balances, understood as a high degree of collegial power sharing, is an important factor preventing the outbreak of new wars.

Keywords: history of wars, empirical generalizations of wars, territorial disputes, democratic peace, collegial power sharing, checks and balances, great powers.

УДК 930.1

DOI: 10.17072/2076-0590-2024-14-69-76

## **ЗАКОНЫ ИСТОРИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ НИЖЕГОРОДСКИХ ФИЛОСОФОВ**

***А.В. Грехов***

Доктор философских наук, профессор, кафедра социально-гуманитарных наук,  
Приволжский исследовательский медицинский университет  
603005, Российская Федерация, г. Н. Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1.  
Email: [grekhov@yandex.ru](mailto:grekhov@yandex.ru)

В статье исследуются методологические аспекты осмысления нижегородскими философами механизмов и алгоритмов действия законов истории. При наличии специфичных авторских концептов по данной проблеме общезначимым является утверждение об объективности законов исторического существования человеческого общества. В отличие от законов природы, законы истории есть законы саморазвертывания сущности человека, а потому человек является не только объектом исторического движения, но и его субъектом. Познавая законы истории, человек использует их, адекватно или волюнтаристски, в своей деятельности.

Ключевые слова: нижегородские философы, историческое познание, закон, специфичность законов истории, объективность исторических законов.

Воцарившийся в современном философском пространстве постмодернизм в абсолютной форме не признает существование и действие объективных законов исторического развития. Проповедующие т.н. «лингвистический поворот» современные исследователи-постмодернисты США и западноевропейских стран видят методологическое основание научной деятельности ученых в постулате «вся история – история мысли»: «Все, что создано историками, есть плод их воображения, непрерывно пересматриваемые интерпретации, поэтому история не есть наука, а лишь разновидность литературы, и говорить о достоверности исторического знания не приходится» [1, с. 6].

Это тем более странно, поскольку XXI век угрожает стать последним спокойным веком во взаимодействии природы, человека (общества) и искусственной среды. Казалось бы, всему естественному интеллекту следует объединиться вокруг спасительной идеи сохранения на Земле природного и человеческого, следует выработать для человечества своеобразную подсказку о механизмах управления материальным бытием и координации от-

ношений идеального к нему. Представляется, что знание генеральных законов истории и интенция к использованию их в социальной практике есть непреложный императив выживания человечества.

На рубеже XX – XXI веков нижегородские философы, опираясь на марксистское философское наследие («...в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса явно социальные, социально-экономические законы неоднократно именуются как естественно-исторические» [2, с. 16]), обратили пристальное внимание на принципы и механизмы действия объективных законов истории. Причем, изначальным моментом данной коллизии являлось убеждение и доказательство именно объективного характера действия исторических законов в противовес солипсистскому позиционированию законов исторического развития с субъективизмом их реализаторов.

Поводом обращения к данной проблеме стало крушение СССР, а с ним и агрессивное сомнение в господствовавшем в советском общественном сознании представлении о закономерном, неизбежном, детерминированном линейном движении истории от капитализма к социализму и коммунизму. К тому же у либерально-ориентированных советологов проявилось жгучее желание низвергнуть марксистскую формационную концепцию раз и навсегда [3]. Нижегородские философы не поддерживали философские концепты тех деятелей, которые (к примеру, К.Р. Поппер) отрицали само существование социальных законов, поскольку они, якобы, не детерминированы.

Главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН К.В. Хвостова утверждала, что сам исторический источник является полностью продуктом субъективизации самого создателя этого документа. «Соответственно, – конкретизировала она, – информация источника должна историком домысливаться, а также интерпретироваться» [4, с. 36]. Историк твердо уверена, что законов истории не существует, а потому для исследователя познавательный интерес представляют исключительно индивидуальные (неповторяемые!) факты и события прошлого. Объективность исторического процесса она видит в «однозначности выводов, сделанных разными исследователями» [4, с. 32] в отношении исторических фактов, событий, явлений, отношений, действий исторических агентов.

Одним из первых к данной проблеме обратился В.И. Мишин (1925–2010), для которого объективность законов в природе и в истории означает независимость их от сознания и воли людей. Если с природой все понятно, то в истории человечества, складывающейся из деятельности людей, присутствуют и сознание, и воля человека: «Поэтому признание объективной закономерности в общественном развитии приводит к очевидному парадоксу: история сознательной деятельности людей развивается по законам,

не зависящим от их сознания» [2, с. 9]. Философ в данном парадоксе берет в союзники К. Маркса, утверждавшего, что история сознательной деятельности людей развивается по законам, не зависящим от сознания: «Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [5, с. 7]. Социальная эволюция, по В.И. Мишину, есть отражение объективных условий жизни людей, а потому «вся история подтверждает, что общее, устойчивое, закономерное в сознании и деятельности людей возникает не случайно, а порождается их объективными условиями жизни» [2, с. 11].

Он понимал исторический закон как объективную «логику» движения противоречия, поскольку «социальная функция противоречий заключается прежде всего в их способности быть источником развития...» [2, с. 34]. Законы истории «выражают сущностные, наиболее глубинные связи жизни и развития общества..., связи не просто между различными сторонами явлений, процессов, а между наиболее существенными – противоположными сторонами этих явлений, процессов» [2, с. 34]. Законы истории заложены в диалектическом принципе единства и борьбы противоположностей, объективного и субъективного, идеального и материального, свободы и необходимости, случайности и детерминированности.

Самая важная мысль, которую выделял В.И. Мишин, заключается в том, что «законы истории имеют вероятностный механизм действия», а потому «реализуются в деятельности людей только как тенденции, т.е. они выражают направление развития» [2, с. 31]. Действительно, в историческом процессе задействованы миллионы людей, которые не похожи друг на друга, более того, различаются потребностями, интересами, взглядами, способностями, характером деятельности. Исходя из этого, формы реализации законов истории могут быть самые разнообразные, вплоть до противоположных, а потому историческое развитие имеет вариативный характер. При этом история реализует исключительно одну возможность развития, отторгая все другие альтернативы, имеющиеся в потенции и способные реализоваться при другом стечении обстоятельств. Данный тезис В.И. Мишина полностью разбивает позицию исследователей, отвергающих объективный характер действия исторических законов. Да, законы истории латентны, они не имеют количественной формулировки, «обычно они выражаются в виде качественного описания господствующих тенденций» [2, с. 38], но прозрачны в процессе деятельности людей.

Важным является предостережение философа о понимании объективного характера исторических законов и субъективного их воплощения. Он полностью прав, утверждая, что «время и конкретные формы реализации



необходимости всецело зависят от самих людей – их осознания необходимости и желания ее осуществить, их активности и организованности» [2, с. 31]. От законов истории нельзя требовать детерминированной их реализации; они не претворяются на практике автоматически. Другое дело, что они, как и законы природы, неизбежны. В сентябре 1917 г. В.И. Ленин прогнозировал переход России от капитализма к социализму как генеральное направление исторического пути: «Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически, это покажет лишь *опыт миллионов*, когда они возьмутся за дело» [6, с. 116].

В.И. Мишин на примере отечественной истории конца двадцатого столетия убедительно показал, что незнание законов исторического развития или их нарушение в будущем (скором или затяжном) жестоко накажет ее акторов, поскольку приведет к дезорганизации жизни общества, к нарастанию трудностей, диспропорций в жизни общества и даже цивилизационной катастрофы [2, с. 63]. Вместе с тем, в этих условиях хаоса и неустойчивости обязательно возникают различные альтернативные варианты и направления реализации исторических законов как детерминированная историческая необходимость [2, с. 64].

Президент Общероссийской академии человековедения Л.А. Зеленев (1933–2021) осуществил новационный подход к закономерностям исторического развития, взяв за основу рефлексии системный подход, обозначив в системе общества три базисные подсистемы – экологическую (экос), техническую (технос) и демографическую (социум). Выделив центральную сущность демографического блока общества, подсказанную К. Марксом, – производство людей, он впервые в обществознании выявил всеохватные функциональные сферы общества – экономическую, экологическую, научную, художественную, медицинскую, физкультурную, педагогическую и управленческую [7, с. 11].

По линии Общероссийской академии человековедения регулярно проводились научные симпозиумы с широким участием представителей науки и философии с целью выявления закономерностей функционирования каждой из этих сфер: «Законы педагогической сферы общества» (2003 г.), «Законы управленческой сферы общества» (2004 г.), «Законы развития экологической сферы общества» (2005 г.) и т.д. Данные научные форумы предвараются общепроблемным академическим симпозиумом «Законы развития человеческого общества» (2002 г.).

В ходе научных и философских обсуждений был сделан важный вывод: «между сферами общества существуют диалектические отношения» [7, с. 13], а потому анализ общества должен быть системным, целостным.

На этом основании Л.А. Зеленов вывел закон обращения каждой сферы на каждую. Закон гласит, что функционирование каждой сферы общества обеспечивается всеми другими сферами. Отдельно Л.А. Зеленов подметил, что законы человеческой истории «объективны и никакие президенты, МВФ, губернаторы и даже мощные политические движения не способны отменить эти законы» [7, с. 16].

Л.А. Зеленов – ярко выраженный сторонник праксиологической ориентации философской мысли (11 тезис Маркса), сторонник стратегического проектирования общественного развития, основанного на принципах демократии, содержательная суть которой – народовластие. При анализе исторического движения он активно апробировал применительно к современности общесоциологический закон освобождения труда от всех видов принуждения и эксплуатации [7, с. 98]. «Вся планета движется к социализму, что обусловлено объективными экономическими и социальными законами» [7, с. 103], – убежден философ. Этот вывод базируется на корреляционном анализе современного мира с целым спектром законов исторического движения: закон зависимости сознания от бытия, закон зависимости производственных отношений от производительных сил, закон возвышенных потребностей, закон взаимообращенности деятельностей, закон гармонизации природных и социальных процессов, закон соревнования способностей, закон трансформации деятельности в самодеятельность и др. Л.А. Зеленов сожалел, что объективных законов развития мира и человечества достаточно много, но «их не исследовали, и в структуре философии номологический аспект был представлен бедно. Прорыв сделал В.П. Тугаринов (1955 г.), но был не понят» [7, с. 142].

Философ твердо придерживался критерия объективности законов истории, которые реализуются через деятельность – способ бытия человека, как единичного социального субстрата, и общества, как коллективного социального образования. В данном контексте он не принимал современный ему постмодернизм, который не признает законов истории, видит «движение истории как совокупности явлений-клипов без объединяющего их смысла, стержня, закономерностей: *поток событий* и никакого “крота истории” (Маркс), никаких формационных закономерностей, один поток “культур” или поток “цивилизаций”» [8, с. 40]. Вполне очевидно, что постмодернизм, не приемлющий материалистическую формационную периодизацию истории, которая рассматривает исторические факты в постоянном движении и причинно-следственном развитии, отрицает поиск какой-либо упорядоченности исторического бытия и определение источника исторических изменений: «История как виртуальный хаос, общество как виртуальный хаос, мир

как виртуальный клиповый хаос» [8, с. 40]. Л.А. Зеленев считал, что искажение постмодернизмом истинного смысла понятий «исторический факт», «историческое событие», «исторический процесс», субъективистское отношение к ним, виртуальная оценка их приводят или к прямой фальсификации фактов, или к конструированию ложных фактов [8, с. 58]. А факты – это исходный материал всех исторических построений. Все другое, как и сам постмодернизм, – это эклектика.

В.И. Табаков (1947–2022) в своих исследованиях утвердительно выделял «мегаобъективность» исторических законов, которые человек «не может ни улучшить, ни ухудшить, ни усилить, ни ослабить, ни, тем более, ликвидировать (не ликвидируя то, законами чего они являются)» [9, с. 213]. Основное внимание он обратил на не просто неотвратимость действия исторических законов («закон сам по себе не сильно отличается от рока» [9, с. 217]), но на их однозначность: индивиды и человеческие сообщества действуют однозначно в соответствии с законами истории. Но при этом закон истории, однозначно детерминируя поведение человека и человечества в направлении исторического совершенствования его сущностных сил, реализуется многозначно: «Всякая однозначность есть одновременно определенная (но не безбрежная) многозначность, а всякая многозначность – определенная однозначность (ибо она, многозначность, ограничена)» [9, с. 214]. Другими словами, законы истории однозначно детерминируют действия людей. Обращая внимание на объективность как природных, так и социальных законов, В.И. Табаков подмечал такую особенность законов истории, как способность людей не только приспособливаться к абстрактному действию законов, но открывать законы истории и пользоваться ими в своих интересах (в агрегатных и органических образованиях таковое отсутствует).

По проблеме действия исторических законов В.И. Табаков полемизировал с В.И. Мишиным: «Не заключается особенность законов истории и в том, что, якобы, все законы истории действуют как тенденции, выражают всего лишь направление развития» [9, с. 215]. Но если законы как тенденции (а их может быть несколько) реализуются через деятельность людей, тогда, по Табакову, история будет представлять собой деятельность людей, сводящуюся к процессу проб, ошибок и находок (всё по канонам «открытого (европейского) общества»). И он снова напоминал о «мегаобъективности» и детерминированности исторических законов: «Без однозначности (пусть хотя бы вероятностной) закона нет» [9, с. 216], внося иерархическое уточнение, что «...закон выражает однозначность по отношению к нижележащему уровню и многозначность по отношению к вышележащему

уровню» [9, с. 216]. В итоге В.И. Табаков заключал, что человек не творит законы истории, они даны ему его сущностью: «Человек может только открыть эти законы и сознательно пользоваться ими в своем творчестве» [9, с. 217]. Законы диктуют определенную в конкретно-исторических условиях деятельность индивидов, а в деятельности «люди не только творят историю, но и творятся историей» [9, с. 217].

Как видим, выдающиеся нижегородские философы, утверждая объективный статус законов истории, расходились в вопросе механизма реализации их в процессе человеческой деятельности. Нам представляется, что, учитывая разнообразие индивидной сущности человека, исторические законы реализуются в неоднозначных условиях человеческого бытия. Именно в данном положении заключена основная критериальная норма трансформации исторической закономерности в историческую реальность [10].

## Список литературы

1. Международная научная конференция на историческом факультете МГУ «Может ли история быть объективной?» // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 3–40.
2. Мишин В.И. Выбор России и историческая необходимость. – Нижний Новгород: НИСОЦ, 1999. – 157 с.
3. Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 568 с.
4. Хвостова К.В. Особенности истины и объективности в историческом знании // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 27 – 37.
5. Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 13. Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1959. С. 1–167.
6. Ленин В.И. Из дневника публициста // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 34. Издание пятое. – М.: Политиздат, 1981. С. 108–116.
7. Зеленов Л.А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2: Социология. – Н. Новгород: Гладкова О.В., 2006. – 143 с.
8. Зеленов Л.А., Владимиров А.А. Историческая логика становления постмодернизма: монография. – Н. Новгород: Изд-во ФГБОУ ВО «ВГУВТ»; ОАЧ, 2019. – 76 с.
9. Табаков В.И. К вопросу о специфике законов истории // Приволжский научный журнал. 2009. № 2. С. 213– 18.
10. Грехов А.В. Тернист путь от исторического факта к исторической концепции // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX – начале XXI в.: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, О.В. Сеницын. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 166–172.

## **LAWS OF HISTORY IN THE INTERPRETATION OF NIZHNY NOVGOROD PHILOSOPHERS**

***Aleksandr V. Grekhov***

Privolzhsky Research Medical University  
Nizhny Novgorod, Minin Sq., 10/1.

The article examines the methodological aspects of Nizhny Novgorod philosophers' understanding of the mechanisms and algorithms of the laws of history. In the presence of specific author's concepts on this problem, the statement about the objectivity of the laws of the historical existence of human society is generally valid. Unlike the laws of nature, the laws of history are the laws of self-development of the essence of man, and therefore man is not only the object of historical movement, but also its subject. Cognizing the laws of history, a person uses them, adequately or voluntarily, in his activities.

**Keywords:** Nizhny Novgorod philosophers, historical knowledge, law, specificity of the laws of history, objectivity of historical laws.

УДК 14+17

DOI: 10.17072/2076-0590-2024-14-77-86

## **«ПРЕОДОЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО» И ФИЛОСОФИЯ ИММАНУИЛА КАНТА**

***Е.В. Бакеева***

доктор философских наук, доцент,

профессор кафедры онтологии и теории познания

ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.

E-mail: elenabk2008@yandex.ru

В статье исследуется возможность реактуализации кантовской концепции человека в контексте современной ситуации антропологического кризиса. В философии конца двадцатого – начала двадцать первого столетий данный кризис проявляется преимущественно в виде тенденции «преодоления человеческого». В различных философских подходах и направлениях проблематизируются как само понятие человека, так и антропоцентристские идеи, характерные для новоевропейской философской традиции. Соответственно, ключевые идеи представителей новоевропейской мысли подвергаются критике в силу их «метафизического» характера. Вместе с тем, замещение антропологических концепций Нового времени «антиантропологизмом» современной философии, будучи в какой-то степени оправданным, не позволяет объяснить ряд важнейших феноменов человеческого бытия. В работе утверждается, что кантовская антропология и этика, основанные на концепте «безусловно доброй воли», может быть осмыслена неметафизическим образом и выступить важным дополнением современных концепций человека.

Ключевые слова: И. Кант, практический разум, человек, безусловно добрая воля, свобода.

Известный тезис М. Фуко о «конце человека» и необходимости избавиться от «антропологического сна» [8, с. 361], высказанный более полувека назад, является по-прежнему одним из важнейших для современной философии. И речь здесь идет отнюдь не только о постструктурализме, в значительной степени потерявшем влияние и ушедшем на периферию философских исследований в первые десятилетия XXI века. В настоящее время можно говорить о тенденции, характеризующей самые разные подходы и направления современной философии. С известной долей условности данную тенденцию можно обозначить как стремление к «преодолению человеческого». Это стремление связано с общим «антиметафизическим»

пафосом философской мысли прошлого и нынешнего столетий. В контексте подобного взгляда «человек» оказывается в ряду таких «метафизических сущностей», как «бытие», «субстанция», «благо», «истина» и т.п. Как известно, война этим «сущностям» была объявлена еще в позапрошлом веке, причем сразу с двух противоположных полюсов философского спектра: позитивизма, с одной стороны, и иррационализма ницшеанского толка, с другой. Впрочем, следует отметить, что позитивистская и сциентистская традиции всегда тяготели не столько к разоблачению метафизической природы понятия «человек», сколько к натурализации этого понятия. «Антиметафизика» Ницше, напротив, оказалась важнейшей силой, направляющей современную «философию подозрительности» (П. Рикер). Именно в контексте этой разоблачительной тенденции «человек» предстает как языковой конструкт или как место в социальной структуре, а «метафизическое» понятие человека объявляется несущим в себе тоталитарное начало.

В начале XXI века антиантропологическое движение пополнилось группой концепций, именуемых «объектно-ориентированной философией» [1; 7; 9]. При всей разнородности данных концепций все они так или иначе разделяют идею о неправомерности так называемого «корреляционизма», в рамках которого точкой отсчета мысли выступает человек (субъект). В точном соответствии с этим самоназванием – объектно-ориентированная философия – авторы, причисляющие себя к данному движению, стремятся как минимум уравнивать позиции человека и других «актеров».

Следует признать, что вышеперечисленные (и не только) антиантропологические тенденции современной философии в определенном смысле оправданы. В случае с разоблачительными усилиями постструктурализма и близких к нему концепций речь идет о разборе (деконструкции) тех окаменевших продуктов мысли, которые препятствуют рефлексии и тем самым оказываются орудием подавления человека. Парадоксальным образом любая попытка концептуализации человеческой природы разрушает самую суть «человеческого», игнорируя лежащий в ее основе феномен свободы. В этом отношении деконструктивизм, понятый в широком смысле, действительно содержит в себе эмансипирующее начало, заранее обезвреживая любые попытки посадить человека в очередную концептуальную «клетку».

Что же касается объектно-ориентированной философии, то данный подход оказывается оправданным ровно постольку, поскольку представляет собой попытку преодоления антропоцентризма, достигшего своего апогея в новоевропейской философии. Миропонимание, основанное на утверждении центральной (руководящей) роли человека-субъекта, призванного рационализировать мир, приспособлявая его к своим нуждам, уже на исходе

эпохи Нового времени обнаруживает свою ограниченность. В конечном счете данная позиция оборачивается последствиями, угрожающими самому человеку. В этом отношении констатация «конца человеческой исключительности» [10] представляется не лишенной смысла.

Таким образом, можно утверждать с известной долей условности, что антиантропологические тенденции, характерные для разных подходов философии конца прошлого – начала нынешнего столетий, являются следствием более глубокого проникновения в парадоксальную природу «человеческого». Вместе с тем следует признать, что идеи, рожденные в контексте тенденции «преодоления человеческого», не позволили приблизиться к разрешению вышеупомянутого парадокса. Загадка человека так и остается загадкой. Ни трактовка человека как «места в структуре», ни многочисленные попытки ренатурализации понятия «человек» не позволяют объяснить и тем более спрогнозировать такие странные феномены человеческого существования, как любовь, самопожертвование или неодолимое стремление к трансцендентному.

Как ни странно, основной причиной этой неспособности представляется как раз то обстоятельство, что по крайней мере большая часть «анти- или постантропологических» концепций дает вполне определенные и не подлежащие пересмотру ответы на сакраментальный вопрос: *что такое человек?* Эта концептуальная закрытость, окончательность заслоняет именно то «свойство» человека, которое во все времена выступает внутренним двигателем его философского осмысления. Речь идет о несовпадении человека с самим собой, о той его промежуточности, которая и не позволяет остановиться на каком-либо понятии «человеческого», представить его в виде понятийного тождества. Именно в этом промежутке рождаются вышеупомянутые феномены человеческого бытия, список которых можно продолжить. Однако более оправданным здесь представляется иной путь: выявление бытийного истока всех подобных феноменов. Таким истоком видится феномен свободы, который может быть понят как синоним *трансцендирования как такового*. Именно преодоление границ, или точнее, сама пограничность есть тот топос, который соединяет и любовь (как отказ от себя в пользу Другого), и способность пренебречь своими жизненно важными интересами ради каких-то «эфемерных вещей», и стремление к смыслу, не способное удовлетвориться какой-либо окончательной теорией, объясняющей как мир, так и человека.

Весьма симптоматичным является то обстоятельство, что современный философский антиантропологизм либо игнорирует феномен свободы, либо прямо объявляет его фикцией, характерной прежде всего для



новоевропейской метафизики. Действительно, именно последняя, базирующаяся на понятии человека-субъекта, помещает свободу в основание как онтологии, так и антропологии, философии истории и социально-политической философии. Таким образом, проблематизация понятий «субъект» и «человек», предпринимаемая в контексте тенденции «преодоления человеческого», автоматически влечет за собой и разоблачение свободы как некоей иллюзии антропоцентризма.

Данное обстоятельство лежит в основе того скептицизма в отношении антропологических концепций новоевропейской мысли, который характерен для большинства современных философов. К числу данных концепций принадлежит и кантовская попытка ответа на вопрос «что такое человек?», который сам немецкий мыслитель, как известно, рассматривал в качестве основного философского вопроса.

Между тем именно вышеупомянутая неспособность современных подходов предложить убедительное объяснение тех феноменов человеческого бытия, которые диссонируют с идеями «антиантрополизма», требует реактуализации философского наследия новоевропейской эпохи. В наибольшей степени это требование может быть отнесено как раз к кантовской философии – ровно постольку, поскольку, как мы постараемся показать ниже, эвристический потенциал кантовских идей далеко не исчерпан. Эта эвристическая значимость и актуальность кантовской философии характеризует прежде всего предложенную немецким мыслителем концепцию человека. Таким образом, имеет смысл обратиться к данной концепции в свете тех проблем и вызовов, которые ставит перед человеком современная эпоха.

На первый взгляд, кантовские идеи, касающиеся человека и человечества, полностью вписываются в логику Просвещения, основанную на метафизической концепции человека-субъекта. Именно этим просвещенческим пафосом проникнут, в частности, следующий пассаж Канта: «Конечное назначение человеческого рода состоит в наивысшем моральном совершенстве, которое достигается при помощи свободы человека, благодаря чему человек приобретает способность к высшему счастью. Бог мог бы сделать людей совершенными и счастливыми. Но тогда такое состояние не возникло бы из имманентного принципа мироздания. Имманентный принцип мира – свобода. Назначение человека состоит, следовательно, в том, чтобы добиться высшего совершенства посредством своей свободы. Бог желает не только того, чтобы мы были счастливы, но и чтобы сами сделали себя счастливыми, – в этом состоит истинная моральность. Высшее моральное совершенство – это всеобщая цель человечества» [5, с. 221]. В данном

высказывании присутствуют все признаки, казалось бы, уже преодоленного и оставленного далеко позади метафизического дискурса: декларирование фундаментального «имманентного принципа мира», утверждение Абсолюта (Бога) как законодателя и распорядителя мироздания, вписывание отдельного человека и всего человеческого рода в систему сущего, провозглашение особой миссии человека в этой системе.

Однако стоит присмотреться к кантовской концепции человека несколько пристальнее, и уверенность в ее метафизическом характере начинает таять. Этот более пристальный взгляд в конечном счете обнаруживает, что данная концепция выстраивается вокруг очень странного «стержня», а именно: концепта автономии воли как «безусловно доброй». Странность этого концепта связана с его откровенно автореферентным характером. Кант не просто полностью отдает себе отчет в том, что феномен «безусловно доброй воли» не может быть ниоткуда выведен и чем-либо обоснован, — он делает данное обстоятельство ядром своей критической философии. Сама задача критики (то есть установления границ разума) имеет своим истоком неразрешимое теоретическими средствами противоречие между вышеупомянутым феноменом и претензиями спекулятивного разума, властную природу которого Кант понимает не менее отчетливо, нежели Ницше или Фуко. Именно голос «безусловно доброй воли» (который можно расслышать только *внутри себя*) заставляет автора «Критики чистого разума» без колебаний отбрасывать следующее предположение: «Допустим теперь, что нравственность необходимо предполагает свободу (в полном смысле этого слова), как свойство нашей воли, так как она указывает, как на свои априорные *данные*, на такие практические первоначальные, заложенные в нашем разуме основоположения, которые были бы совсем невозможны без допущения свободы, допустим также, что теоретический разум доказал бы, будто свобода вовсе не может быть мыслима, — в таком случае первое предположение, именно предположение нравственности необходимо должно было бы уступить место тому, противоположность чего содержит в себе явное противоречие, следовательно, *свобода*, а вместе с тем и нравственность (так как противоположность ее не содержит в себе никакого противоречия, если только не допущено существование свободы) принуждены были бы уступить место *механизму природы*» [4, с. 25].

В этих кантовских словах больше всего поражает именно очевидная для автора полнейшая невозможность вышеописанного допущения. Эта невозможность как раз и связана с отчетливым пониманием того, что «свобода, а вместе с тем и нравственность», так сказать, завязаны только на себя. Для того, чтобы не противоречить самой себе, свобода не должна быть

связана с чем-либо иным. Эта кантовская позиция резко контрастирует с получившими сегодня широкое распространение попытками развенчать феномен и понятие свободы, опираясь на последние достижения наук (как социальных, так и естественных, например, нейрофизиологии). В последнем случае речь идет, в частности, об утверждении ошибочности представления о ключевой роли сознательного выбора в человеческом поведении. В соответствии с данными нейронауки, последнее рассматривается в качестве разновидности инстинктивного поведения, характерного для всех живых существ [2, с. 221]. Соответственно, развенчивается представление классической новоевропейской метафизики о человеческой исключительности на фоне остального «царства природы».

Однако следует спросить, означает ли кантовское несогласие с тем, что свобода должна «уступить место механизму природы», всего лишь недостаток знаний о человеке, преодоленный сегодня совместными усилиями различных наук? Сам характер кантовского допущения свидетельствует об обратном: оно как бы заранее предвосхищает все возможные доказательства теоретического (спекулятивного) разума относительно иллюзорности свободы и нравственности. Отказ от признания власти «механизма природы» осуществляется Кантом в полном соответствии с парадоксальной «сущностью» свободы. Будучи двигателем и – одновременно – проявлением «безусловно доброй воли», свобода по определению не может быть *обусловленной*, оказаться в зависимости от чего бы то ни было, в том числе и от прогресса в области наук о человеке. Именно поэтому Кант вполне правомерно утверждает окончательный характер тех границ познавательных возможностей разума, которые очерчивает его критическая философия. Эти границы (возможно, было бы правильнее говорить о границе в единственном числе) пролегают между знанием как продуктом деятельности спекулятивного разума и той силой, которая эту деятельность обеспечивает и направляет. В качестве этой силы у Канта как раз и выступает «безусловно добрая воля» как основной *интерес* практического разума.

Но граница, проведенная таким образом, действительно не может быть пересмотрена – в силу ее *виртуального* характера. Иными словами, эта граница прочерчивается только в акте мысли, в действии единого разума, который только затем уже может быть разделен на теоретический (спекулятивный) и практический. На страницах своих работ Кант настойчиво подчеркивает это изначальное единство разума [3, с. 374]. Это единство распознается и утверждается только «изнутри» акта мысли, в силу своего трансцендентального характера. Сверхаясь, акт мысли как раз и разделяется на форму (само безусловное действие) и содержание (знание как

продукт деятельности разума). Утверждая безусловный характер данного акта, создатель критической философии действительно достигает предела, за который разум не может выйти ни при каких обстоятельствах: любое дальнейшее движение окажется в таком случае отступлением от этой предельной точки рефлексии. «Безусловно добрая воля», повинующаяся моральному закону (не имеющему содержания), есть, таким образом, первичная тавтология, на которой строится все здание критической философии. В акте рефлексии эта воля может быть только «схвачена» в самом своем действии, без того, чтобы анализировать ее происхождение. Таким образом, то, что Кант называет «моральным законом», странным образом может быть распознано только чувством, однако – *чувством интеллектуальным*. Это и есть, по Канту, первичное переживание действия разума, которое предшествует как всякой эмпирии, так и всякой логике. Данное переживание имеет сугубо *формальный* характер – в том смысле, что оно лишено конкретного содержания. Именно поэтому никакое знание не может предшествовать этому переживанию, в силу своего неизбежно содержательного характера. Стало быть, задача априорного познания морального закона в «Критике практического разума» заключается в том, чтобы прояснить *уже случившееся* действие «безусловно доброй воли».

Кант отчетливо понимает безусловный характер морального закона, и именно поэтому констатирует: «...нам ничего не остается, как только точно определить, каким образом моральный закон становится мотивом, и если он мотив, то что происходит с человеческой способностью желания, когда на нее оказывает воздействие это основание определения. В самом деле, каким образом закон сам по себе может быть непосредственным основанием определения воли (а ведь это и составляет суть всякой моральности) – это проблема, неразрешимая для человеческого разума; это то же, что вопрос о том, как возможна свободная воля. Следовательно, мы должны *a priori* показать не то, на каком основании моральный закон имеет в себе мотив, а то, как действует (лучше сказать, должен действовать) в душе мотив, поскольку моральный закон сам есть мотив» [3, с. 338].

Отвечая на этот вопрос – «как действует в душе моральный закон в качестве мотива?» – Кант как раз и приходит к тем выводам в отношении человека, которые не позволяют однозначно квалифицировать кантовскую антропологию как по сути своей метафизическую. Собственно, главный тезис кантовской концепции человека можно сформулировать в виде парадокса: человек как субъект (носитель) разума есть не что иное, как преодоление самой человеческой природы. Относительно последней Кант высказывается весьма нелестно: «...наша природа как природа

принадлежащего к чувственно воспринимаемому миру существа такова, что материя способности желания (предметы склонности, будь то надежды или страха) навязывается нам прежде всего, и наше патологически определяемое Я, хотя оно из-за своих максим совершенно непригодно в качестве всеобщего законодательства, тем не менее, как если бы оно составляло все наше Я, стремится наперед предъявлять свои притязания в качестве первых и первоначальных» [3, с. 339].

Повинуясь голосу разума, человек, таким образом, совершает акт преодоления собственной природы, но именно это действие и выступает главным условием присутствия «человеческого в человеке». Собственно человеческим здесь оказывается как раз действие «безусловно доброй воли», имеющее сугубо формальный характер. В качестве основания и цели этого действия выступает само «безусловно доброе», и именно поэтому оно рассматривается как максима, которая может служить в качестве всеобщего законодательства. При этом все то, что можно отнести к «сущности» или «природе» человека, находящегося в системе других существ, вещей и явлений, рассматривается Кантом исключительно как объект «обуздания»: «Суть всякого определения воли нравственным законом состоит в том, что она как свободная воля определяется только законом, стало быть, не только без участия чувственных побуждений, но даже с отказом от всяких таких побуждений и с обузданием всех склонностей, поскольку они могли бы идти вразрез с этим законом... Следовательно, мы можем а priori усмотреть, что моральный закон как основание определения воли, ввиду того что он наносит ущерб всем нашим склонностям, должен породить чувство, которое может быть названо страданием...» [3, с. 338]. Важно, что речь здесь идет отнюдь не только о преодолении тех склонностей, которые обусловлены материальной (физической) стороной человеческого существования. Склонности, связанные с человеческой социальностью (например, тщеславие или желание власти) для Канта имеют не менее, а может быть, даже более патологический характер.

Таким образом, «ядром» или, если можно так выразиться, виртуальным стержнем существования человека в кантовской антропологии выступает само действие «безусловно доброй воли», преодолевающее, «обуздывающее» все «человеческое, слишком человеческое». Именно это обстоятельство и делает кантовскую концепцию человека практически неуязвимой для современного философского «антиантропологизма» и, в то же время, актуальной в ситуации современной «антропологической катастрофы» (М. К. Мамардашвили). Свободный акт разума, подчиняющегося «безусловно доброй воле», не может быть разоблачен теоретическими

средствами, не может быть объявлен метафизическим конструктом в силу своей сугубо практической (в кантовском смысле) природы. Значимость кантовского тезиса о человеке как существе, принадлежащем к «интеллигбельному миру» или к «царству целей», распознается и утверждается только «изнутри» данного акта. Но это как раз и означает, что теоретическое опровержение данного положения также невозможно: сама попытка такого опровержения в контексте кантовской философии неизбежно выступала бы свободным актом разума, и тем самым, опровергала бы саму себя.

Что же касается актуальности кантовской концепции человека как функции действия «безусловно доброй воли», то она связана именно со способностью объяснить вышеупомянутые феномены человеческого бытия, не впадая при этом в неизбежный «парадокс лжеца». Последний неминуемо подстерегает любую попытку философского «преодоления человеческого», коль скоро интерпретация человека как элемента в структуре социальности, языка или тех или иных «ассамбляжей» (М. Деланда) опять же требует от субъекта этой интерпретации преодоления «человеческого» в себе самом. Но именно этот свободный акт и не находит своего объяснения в рамках современного «антиантропологизма». В кантовской же философии, напротив, именно данный акт есть «альфа и омега» концепции человека, освобождая последнего как от подлежащей преодолению собственной природы, так и от поглощения всевозможными безличными (нечеловеческими) структурами.

## Список литературы

1. *Брайант Л.* Демократия объектов. Пермь: Гиле Пресс, 2019. – 320 с.
2. *Габриэль М.* Я не есть мозг. Философия духа для XXI века / пер. с нем. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2020. – 304 с.
3. *Кант И.* Критика практического разума // Кант И. Лекции по этике. М.: Республика, 2000. С. 284–406.
4. *Кант И.* Критика чистого разума. СПб.: Тайм-аут, 1993. – 477 с.
5. *Кант И.* Лекции по этике // Кант И. Лекции по этике. М.: Республика, 2000. С. 38–223.
6. *Котелевский Д.В.* От человека как единичности к нечеловеческим множествам// Эпистемы. Сборник научных статей. Выпуск 13. Деантропологические тенденции в современной философии. Екатеринбург: Деловая книга, 2020. С. 4–13.
7. *Мейясу К.* После конечности. Екатеринбург – Москва: Кабинетный ученый, 2015. – 196 с.
8. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-cad, 1994. – 406 с.
9. *Харман Г.* Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь, 2015. – 152 с.
10. *Шеффер Ж.-М.* Конец человеческой исключительности. М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 392 с.

**“OVERCOMING THE HUMAN”  
AND THE PHILOSOPHY OF IMMANUEL KANT**

***Elena V. Bakeeva***

Ural Federal University

Lenina St., 51, Ekaterinburg, 620083, Russia

The article explores the possibility of re-actualizing the Kantian concept of man in the context of the modern situation of the anthropological crisis. In the philosophy of the late twentieth and early twenty-first centuries, this crisis manifests itself primarily in the form of a tendency to “overcome the human.” In various philosophical approaches and directions, both the very concept of man and anthropocentric ideas characteristic of the new European philosophical tradition are problematized. Accordingly, the key ideas of representatives of new European thought are criticized due to their “metaphysical” nature. At the same time, the replacement of anthropological concepts of the New Age with the “anti-anthropologism” of modern philosophy, while justified to some extent, does not allow us to explain a number of the most important phenomena of human existence. The paper argues that Kantian anthropology and ethics, based on the concept of “unconditionally good will,” can be conceptualized in a non-metaphysical way and act as an important complement to modern concepts of man.

Keywords: I. Kant, practical reason, man, unconditionally good will, freedom.

УДК 141

DOI: 10.17072/2076-0590-2024-14-87-96

## ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ И. КАНТА И ОБЛАСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

***М.В. Думинская***

Доктор философских наук, профессор кафедры социально-экономического образования и философии

Сургутский государственный педагогический университет

628417, Ханты-Мансийский автономный округ Югра, г. Сургут, 50 лет ВЛКСМ, 10/2.

E-mail: 79128155750@ya.ru

***В. И. Миллер***

Кандидат философских наук, доцент кафедры социально-экономического образования и философии

Сургутский государственный педагогический университет

628417, Ханты-Мансийский автономный округ Югра, г. Сургут, 50 лет ВЛКСМ, 10/2.

E-mail: [miller815mailru@bk.ru](mailto:miller815mailru@bk.ru)

Основоположник немецкой классической философии обратился к важной теме, а именно, осмысление правового идеала в сфере практического разума посредством категории долженствования. Правовой идеал по замыслу философа обретал гуманистическое содержание благодаря следованию категорическому императиву: «Человек есть цель, а не средство». По мнению И. Канта, в области права долженствование выполняет роль всеобщего закона, характеризующего как уровень морально-нравственных установок, так и уровень конкретных моделей поведения индивида в обществе. Различая теоретический и практический уровни права, философ характеризовал право, как важнейший регулятор существования человека и государства. В современных социокультурных реалиях ценность не только одного индивида, но и всего человечества поставлено под угрозу ядерного уничтожения. Постановка вопроса о том, какова роль современного права в предотвращении одного из значимых кризисов настоящего времени, позволяет подчеркнуть единство морально-нравственного и правовых начал в необходимости гуманизировать бытие человека и общества.

Ключевые слова: право, правовой идеал, долженствование, гуманизм, перспективы гуманистической теории и практики.

Правовое учение И. Канта оказало значительное влияние на понимание феномена права, как сложно развивающегося элемента духовной культуры. Его учение позволило поставить вопрос о взаимообусловленности права и



важнейшего принципа гуманизма. Сложившийся ранее комплекс интеллектуального опыта и уровня чувственного познания до кантовской философии не давал возможности объективно и целостно познать природу права, а также оставлял открытым вопрос о применении теоретических знаний в различных конкретных ситуациях, где гуманистические ценности могли быть проявлены во всей полноте своего замысла. Обращение к гуманистической теории прошлого и к политико-правовому наследию человечества обусловило понимание И. Кантом человека не только в качестве объекта научного познания, но и высшей цели и ценности.

И. Кант подчеркивал новые аспекты в антропологическом исследовании, а именно значимые характеристики человеческой бытийности и статусности, устанавливая тождественность человека как субъекта морали, свободы и права. По мнению философа, автономность личности расширяет понимание свободы не только как внешней необходимости, но и как процесса осуществления саморефлексии и объективно-целостной общественной оценки. Постановка проблемы соотношения универсальных законов бытия и правовых законов с морально-нравственными установками позволила И. Канту характеризовать право как сложный развивающийся процесс, в котором отображается эволюция теории гуманизма и гуманистического опыта всего человечества. «И любовь к человеку, и уважение к праву людей есть долг; первое, однако, только обусловленный, второе же – безусловный, абсолютно повелевающий долг» [4, с. 25]. В учении немецкого философа формулировка категорического императива характеризуется как понятие не тождественное нравственному закону, а являющееся всеобщим по своему содержанию. Категорический императив не может быть выражен, а скорее может быть назван как «вещь-в-себе».

Обращение к теме гуманизма, как важнейшей мировоззренческой установке, характеризующейся человеколюбием и признанием абсолютной ценности индивида, в истории философской мысли свойственно большому числу исследователей. Особо следует выделить творчество гуманиста Пико делла Мирандолла, который в сочинении «Речь о достоинстве человека» сформировал идеальный человеческий образ – творца и преобразователя мира, опирающегося на разум, как самый значимый инструмент. В целом, гуманизм эпохи итальянского Возрождения подчеркивал значимый творческий потенциал индивида и высокий уровень личной ответственности в его реализации. Именно незавершенный образ человека рассматривался как отправная точка для развертывания его индивидуальности и способности реализовать себя в самых различных творческих сферах. При этом человек оставался нравственным судьей для самого себя, оценивая свои поступки

при помощи весьма размытых морально-этических критериев. Например, Н. Макиавелли ради процветания Флорентийской республики оправдывал преступления против личности, а сформулированные им идеалы политического лидера в образах лисицы и льва до сих пор подвергаются критике с точки зрения общечеловеческой морали и этики.

В эпоху Возрождения была продолжена античная традиция осмысления моделей идеального государства. Сочинения Т. Мора и Т. Кампанеллы сформировали новый социально-политический жанр утопии, в котором были представлены образы идеализированного человека и общества в целом. Такие проекты будут появляться в последующей истории культуры: в философии – концепция всеединства В.Л. Соловьева, в литературе – роман Е. Замятина «Мы» и др. Утопии и антиутопии выступали явственными символами онтологической потребности человека и человечества существовать в мире справедливости и человеколюбия. Научно-исследовательский интерес к проблемам гуманизма, права и дипломатии, поиск гуманистического идеала – все это становилось важной темой как теоретических размышлений, так и утопических проектов общественного преобразования, представленных авторами более ранних эпох в истории социально-политической мысли.

В учении И. Канта продолжилась традиция обращенности к духовной жизни человека и проблематике духовно-нравственного совершенствования. Ранее в истории философии этот аспект существования человека обозначили этико-философские учения Древнего Востока. В буддизме жизнь расценивалась как путь, сотканный из страданий, и нравственной обязанностью человека предписывалось избавление от желаний. В йоге особое внимание уделялось медитативным практикам, которые должны были привести к состоянию гармонии с самим собой и миром. И. Кант выводит проблематику духовности на новый уровень, подчеркивая существование двух важнейших сфер: область опытного знания и область императивов. Их отличие заключается в том, что первая функционирует в соответствии с категориями и принципами причинно-следственного закона, и может изучаться теоретическим разумом; вторая – есть область долженствования, которая исследуется практическим разумом. Существование человека в двух проекциях, а именно чувств и разума порождает не только двойственность, но и антагонизм, разрешить который «возможно в каждой из этих областей в отдельности» [2, с. 33 – 34]. Познающий рассудок исследует область необходимости, которая определена причинно-следственными связями. Только нравственному сознанию открыта для познания область долженствования. В этическом учении И. Канта представлена критика как практического, так

и теоретического разума. Если в эпоху Нового времени роль разума подчеркивалась в качестве важнейшего инструмента познания мира, человека и общества, как средства преобразования всех аспектов бытийности, то И. Кант обозначил мораль и нравственность не только как ценности, но и истину внутри самой себя. Как раскрывается данный тезис? Поскольку нравственность человека позиционировалась как независимая часть познания от окружающего мира, то необходимо было рассмотреть содержательные аспекты моральных требований, тем самым, охарактеризовать сферу должного.

Обращение к категории должного в истории философской мысли получило развитие, начиная с сформулированного Конфуцием «золотого правила нравственности», в котором подчеркивалось единство требований, обращенных ко всем индивидам, и доступное для их восприятия сравнение и тождественность себя с другими людьми. «Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе», – эта установка на долгий период исторического времени характеризовала внутреннее благородство человека. И. Кант возводит тезис о том, что «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему как к средству» в ранг категорического императива, то есть закона обязательного для всех и в любых обстоятельствах. В этом аспекте долженствования раскрываются понятия свободы и ответственности, свободы и необходимости. Данные понятия в большей степени ориентированы на субъекта, чем на общество в целом. «Субъект рассматривается в двух плоскостях: на уровне явлений и как вещь в себе. Естественная необходимость принадлежит миру явлений, человек подчиняется ей только как явление. Однако тот же самый субъект и сознает себя как вещь в себе, и рассматривает свое существование как определяемое исключительно законами разума» [8, с.70]. Рассмотрение человека представлено в двух основных аспектах: во-первых, мировоззрения как результата усвоенных общественных норм и требований; во-вторых, формирующихся уровней коллективного сознания, которые характеризуют наряду с обычаями и традициями, особенности морали и права того или иного народа. «Каждое действие в одно и то же время необходимо и свободно: необходимо, если брать его в ряде временных причин и следствий; свободно, если брать его к умопостигаемой основе, субъекту, вещи в себе» [3, с. 334-335]. По Канту, если рассматривать человека как «явление» наряду с другими процессами, происходящими в мире, то господствующая в мире необходимость будет для индивида столь же значима; но если человек есть умопостигаемая вещь и субъект нравственного сознания, тогда он является

абсолютно свободным от всех внешних требований. Эта двойственность человека обуславливает сложность его понимания как одновременно необходимой и свободной сущности, как «явления» и «вещи-в-себе».

Взаимодействие морали и нравственности с правовыми нормами обусловлено тем, что первые в своем развитии рассматриваются как абсолютные ценностные установки, последние берут на себя функцию практической ориентированности и относительности, в зависимости от тех или иных условий реализации. Мораль и нравственность обращены к праву как важнейшему условию их реализации. Однако вопрос о разграничении этики и области права становится важным условием для понимания всех аспектов существования человека и общества. Если закон основывается на правовых нормах, то этические оценки становятся второстепенными, и наоборот. Однако, они могут взаимодействовать, поскольку, как свобода, так и необходимость не исключают нравственной оценки. Право может рассматриваться как явление духовной солидарности, направленное на обеспечение стабильности и гарантированности реализации идеи справедливости в общественной жизни. Опираясь на духовную самостоятельность и состоятельность человека, правовые нормы подчеркивают не только ценность индивидуальной свободы, но и возможность осуществить свой выбор, признавая вместе с тем, ответственность перед другими людьми. Длительная история существования права определялась формированием морально-нравственных установок, которые в статьях закона уточнялись, детализировались в соответствии с общественными запросами. «Ценностно-организованная целостность, выстроенная в определенной иерархической последовательности на основе исторически сложившейся совокупности этико-гуманистических установок, цель которых регламентация и регулирование социальных отношений, представляет собой сферу права» [7, с. 25].

Обращение к наследию И. Канта позволяет установить тесную связь в его понимании между правом и этикой, и если этика предстает перед читателем как целостная конструкция, то в оценки права философ рассматривал большое число различных факторов и объективных условий для возможных отступлений от правовых норм. В работе «К вечному миру» он подробно останавливался на описании возможных сценариев взаимодействия между государствами, и теми обстоятельствами, которые могут стать своеобразным «оправданием» тех или иных действий в политической и правовой сферах. Тем самым, мораль становилась направляющей для устанавливающихся тенденций складывающихся нравов. Таким образом, мораль и право взаимосвязаны как элементы духовной культуры, а

взаимообусловленность свободы и ответственности становится важным основанием формирования правового идеала.

Перспективы развития человека и общества на пути гуманизации могут рассматриваться человечеством более или менее оптимистично. Согласно оценке Аврелия Августина в сочинении «О граде божьем», настанет время соединения двух миров, и соответствия града земного граду небесному, в котором не будет несправедливости и зла, а лишь всеобщее благо. В своих оценках перспектив развития человеческого общества И. Кант подчеркивал ответственность каждого индивида перед обществом и одновременно, его безусловную ценность.

Наряду с этим, И. Кант высказывал ряд предостережений. «Понятие свободы и нравственного долга, будучи правильно истолкованными, связаны не только с принципами разумного поведения и познавательным отношением к миру, но и с разумной политикой, от которой зависит *определение мира* как конечной, сущностной цели человеческого разума» [4, с. 6]. В сочинении «К вечному миру» философ изучает важнейшие аспекты мирного сосуществования государств посредством подписания мирных соглашений как условия устранения всех возможных конфликтов не только в настоящем, но и будущем. Автор отмечает, что его мнение будет восприниматься политиками, которые заинтересованы в упрочении своего могущества, ученическим, однако ради всеобщего мира он высказывает идеи, с целью их реализации в политико-правовой сфере как важнейшего основания для развития всего человечества. Самым негативным сценарием развития общества Кант называет истребительную войну, в которой «могут быть уничтожены обе стороны, а вместе с ними и всякое право, привела бы к вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества» [1, с. 5]. Как далеко находится современное человечество от возможной угрозы ядерного уничтожения? В этой проблеме уже не отражаются возможности одного государства оказаться сильнее и могущественнее своих соперников, стать единственной державой, которая будет транслировать всем остальным свое видение существования и развития мира. В современных социокультурных реалиях вопрос может быть поставлен только так – сможет ли человечество существовать, если ядерная война не оставляет ни победителей, ни побежденных? Основной посыл сочинения И. Канта может стать неактуальным, если не будет существовать ни планеты, ни человечества, ни состояние мира как такового.

И. Кант рассматривал свободу как сущность морали, права и политики, а на основе принципов трансцендентализма формулировал трактовки

естественного и положительного права. На основе идеи свободы воли обосновал методологические основания определения права и прав: право граждан одного государства; международное право государств; право граждан общечеловеческого государства. «Политика в решении глобальных проблем современности должна подчинить свою собственную цель, с заранее определяемой целесообразностью, с целями нравственного закона, и тем самым, совершить радикальный поворот к нравственности» [1, с. 2].

Определение мира и дальнейшее существование человечества обусловлены необходимостью осмысления гуманистических координат, которые определены этическим учением И. Канта. Значимое число последователей И. Канта разрешают вопрос о ценности его этического знания в вопросе установления такого гуманистического идеала, который бы минимизировал конфликт права нового и старого, а стал бы ориентиром и главной целью развития общества. Таковой выступает самобытная личность, которая осознает значимость обладания свободой как созидания, так и разрушения. В свете складывающихся политических конфликтов решение о насущной потребности человечества в сохранении мира может быть перечеркнуто желанием одного индивида поставить себя «выше жизни», уничтожая саму жизнь. Свободное это решение или безответственное, нравственное или безнравственное? Ответ на этот вопрос дает каждый из нас, исходя из тех морально-нравственных приоритетов, жизненных установок, оценок и мнений, формирующих определенную мировоззренческую позицию. Немалую роль могут оказать внешние обстоятельства и невольно подтолкнуть человека осуществить решение, которое станет для мира и человечества необратимым. В этой связи, следует отметить, что вся история гуманистического наследия может быть сведена к словам академика А. Сахарова: «Отойти от края пропасти всемирной катастрофы, сохранить цивилизацию и саму жизнь на планете – настоятельная необходимость современного этапа мировой истории».

Постановка вопроса о том, какова роль современного права в предотвращении одного из значимых кризисов настоящего времени, позволяет подчеркнуть единство морально-нравственного и правовых начал в необходимости гуманизировать бытие человека и общества. И. Кант писал: «когда справедливость исчезает, то не остается ничего, что могло бы придать ценность жизни людей». Философ обозначал, что сохранность мира есть результат гуманной политики государства, когда политики руководствуются соблюдением гуманистических установок. Особо выделим следующий закон: «права людей в качестве граждан мира должны быть защищены

условиями всеобщего гостеприимства, где каждый человек имеет право на защиту, уважение и равенство перед законом в любой части мира» [4, с. 12].

По мнению современных исследователей, на сегодняшний день, «исполнение, прописанных И. Кантом законов, невозможно. Однако это не снимает необходимость стремления к их реализации. Идея вечного мира утопична, но не категорична, поскольку она является важнейшей целью развития современного мирового сообщества» [5, с. 288]. Социально-культурная реальность пронизана возникающими конфликтами и несоответствиями между гуманистическими и антигуманистическими установками, между моральным или аморальным поведением индивида. В содержании правового идеала нравственное сознание индивида ориентировано на реализацию справедливости, достоинства, гражданского служения и др., которые позволяют подчеркнуть активное начало человека в пространстве общественного бытия. Стремление индивида стать гарантом справедливости и все свои усилия направить на осуществление политических проектов по ликвидации войн и насилия, соответствуют тому образу человека, который сформировали титаны Возрождения и выдающийся основоположник немецкой классической философии – Иммануил Кант. Хочется выразить надежду, что гуманистические идеалы прошлого позволят человечеству проложить путь к счастливому настоящему и будущему.

Рассматривая абсолютную природу норм морали, философ приходит к выводу, что нормы права не только относительны, но и могут быть классифицированы как естественное право, положительное право и природное. В сочинении «К вечному миру» И. Кант анализировал различные ситуации, которые могут возникать в политическом и правовом поле. При этом, особое внимание он уделял значимости и необходимости достижения мира, и его сохранения как необходимого условия существования природного права. Столь подробные описания возможных складывающихся политических ситуаций доказывают не только авторскую обеспокоенность в вопросе о хрупкости мира как такового, но и возможности применения теоретического анализа к тем событиям, которые имеют неоднозначную оценку субъектами, участвующими в конфликте или теми, кто наблюдает разворачивающуюся картину со стороны.

Согласно Канту, понятие «право» неразрывным образом связано с понятиями и категориями морали и нравственности. В настоящее время мораль характеризуется как совокупность исторически формировавшихся норм и правил, а нравственность выступает как уровень моделей поведения индивида. И мораль, и нравственность обращены к праву как легальному мотиву. Право есть элемент духовной культуры, наряду с моралью и

нравственностью, обращено на необходимость регулирования поведения индивида, различных социальных групп, государств, всего мирового сообщества. Однако понимание и существование права вне гуманистических установок не только невозможно, но и способно только усугубить состояние «неуравновешенности» современного мира, не только далеко отступить от идеи «вечного мира», но и поставить под сомнение дальнейшее существование человечества как вида. Полагаем, что само название сочинения И. Канта «К вечному миру» выражает оптимистический прогноз философа о будущем развитии человечества, о его стремлении сохранить и упрочить состояние мира как наиболее значимого и важного критерия для существования мира, человека и общества. Учение И. Канта о человеке, праве и гуманистических основаниях можно рассматривать как утопическую модель с одной стороны, и как морально-нравственный ориентир – с другой. Видение философом перспектив развития человеческого сообщества предстает в оптимистическом свете, позволяя говорить о возможности достижения гуманистических идеалов если не в современности, то в ближайших временных границах, так как возрастает осознание онтологической потребности человечества осуществлять свое существование в мире, как наиболее важном условии развития гуманистических идеалов. Тем самым, гуманизм и право характеризуются как наиболее важные и значимые элементы как для научного исследования, так и практического уровня реализации в пространстве существования современного общества.

## Список литературы

1. Иммануил Кант и актуальные проблемы современной философии: сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Белова и Л. И. Тетюева. Т. 1. М., 2005 – 298 с.
2. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. – 591 с.
3. *Кант И.* Основы метафизики нравственности; Критика практического разума; Метафизика нравов: [Перевод] / Иммануил Кант; [Вступ. ст. Я. А. Слина, с. 5-52]. - СПб. : Наука : Санкт-Петербург. изд. фирма, 1995. – 528 с.
4. *Кант, И.* К вечному миру / И. Кант. – юбилейное издание 1794 – 1994. // Соч.: в 8 т. под общ. ред. А. В. Гулыгина. – М: изд: ЧОРО;. – 1994. Т. 7. С. 5–56.
5. *Комаровская А.С., Толстошеева Р.Р.* Философское учение Иммануила Канта о вечном мире в современных международных отношениях. В сб. Философское наследие Иммануила Канта и актуальные проблемы современности. Сборник материалов XVIII Республиканского междисциплинарного научно-теоретического семинара. Минск, 2024. С. 284–289.
6. Международная конференция «X Кантовские чтения: классический разум и вызовы современной цивилизации. Калининград, 22–24 апреля 2009 г.
7. *Миллер В.И.* Право как феномен и способ конституирования общественной жизни: дис. канд. филос. н. – Томск, 2018. – 148 с.
8. *Фролова Е. А.* Теоретические и философские проблемы права // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2011. № 5. С. 68–81.



## **HUMANISTIC IDEALS OF I. KANT AND THE FIELD OF MODERN LAW**

**Marina V. Duminskaya**

Surgut State Pedagogical University

628417, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug Ugra, Surgut, 50 years of VLKSM, 10/2.

**Veronika I. Miller**

Surgut State Pedagogical University

628417, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug Ugra, Surgut, 50 years of VLKSM, 10/2.

The founder of German classical philosophy addressed an important topic, namely, the comprehension of the legal ideal in the sphere of practical reason through the category of oughtness. According to the philosopher's idea, the legal ideal acquired humanistic content due to following the categorical imperative: "Man is an end, not a means". According to I. Kant, in the field of law, oughtness plays the role of a universal law, characterizing both the level of moral and moral attitudes and the level of specific models of individual behavior in society. Distinguishing between the theoretical and practical levels of law, the philosopher characterized law as the most important regulator of the existence of man and the state. In modern socio-cultural realities, the value of not only one individual, but the entire humanity is under the threat of nuclear annihilation. Posing the question of what is the role of modern law in preventing one of the significant crises of the present time, allows us to emphasize the unity of moral and legal principles in the need to humanize the existence of man and society.

Keywords: law, legal ideal, duty, humanism, prospects of humanistic theory and practice.

УДК 160.1

DOI: 10.17072/2076-0590-2024-14-97-110

## ОГРАНИЧЕННОСТИ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ И ВОЗМОЖНОСТИ НЕКЛАССИЧЕСКИХ СИСТЕМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА<sup>1</sup>

**О. О. Ованнисян**

кандидат философских наук, доцент

Ереванский государственный университет, Факультет философии и психологии,  
Республика Армении, Ереван, 0025, ул. Алека Манукяна 1

[hovhannes.hovhannisyan@pers.ufar.am](mailto:hovhannes.hovhannisyan@pers.ufar.am)

<https://orcid.org/0000-0002-3878-2517>

В статье анализируются различия классических и неклассических логических концепций. Рассмотрены особенности и возможности трансформационной логики. Анализируются конкретные детали и предложения в том числе и на примере функционирования ChatGPT, где применение инструментария трансформационной логики улучшило бы работу систем искусственного интеллекта. Неклассические логические системы, отчасти критически относясь к системам классической логики, не только открывают новые перспективы исследования структур мысли, но и рассматривают вопросы, выходящие за рамки предметной области классических логических систем, прибавляя возможности логической науки. В плане толкования феномена взаимодополнения логических концепций ценным является принцип многологичности (Conception of Polylogic) Г. Брутяна, применение идей которого даст положительные результаты с точки зрения дальнейшего развития инструментов искусственного интеллекта.

Ключевые слова: Классические и не классические системы логики, трансформационная логика, искусственный интеллект.

Развитие науки время от времени предполагает пересмотр методического инструментария, его обновление, совершенствование и развитие. Аристотелевская логика [1], изначально задуманная как методология научного познания [2, с.6; 8], на протяжении веков с честью выполняла эту функцию, и до сих пор в значительной степени лежит в основе методологии

<sup>1</sup> Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Внедрение и развитие компонентов логики, аргументации и риторики в университетских образовательных программах», реализуемого при поддержке внутреннего гранта (2022–2024 гг.) Ереванского государственного университета.

науки. Тем не менее, она прошла интересные этапы развития и совершенствования.

Процессы пересмотра и доработки аристотелевской логики начинаются еще со времен Ф. Бэкона, когда бурное развитие экспериментальной науки сформулировало необходимость разработки нового метода для сбора и систематизации экспериментальных данных. «Новый Органон» Бэкона развил и обогатил классическую логику в духе эмпиризма и индуктивизма [3, с. 6 – 222]. В дело развития классической логики Аристотеля внес значительный вклад Т. Гоббс. Первый раздел («Исчисление и логика») первой части своего сочинения «Основ философии» он посвятил анализу логической проблематики и развил идею о том, что процесс мышления можно свести к математическим операциям. Подобно числам, можно складывать и вычитать понятия, суждения, мысли, факты, законы и т. д.. А логика должна заниматься изучением арифметических операций по отношению к понятиям, суждениям, силлогизмам [4, с. 73–138].

Неоспорим вклад Р. Декарта («Правила для руководства ума») [5] и его последователей Антуана и Пьера Николя («Логика Пор-Рояля») [6]. Велика роль Г. Лейбница в математизации мыслительных операций и формулировании достаточного основного закона [7, с. 418; 8, с. 157, 441]. Особую важность в процессе развития систем классической логики имело формирование и развитие математической (формализованной) логики – логики высказываний, логики предикатов и классов. Тем не менее своего рода «стартом» процесса критического рассмотрения основ традиционной аристотелевской логики можно считать 80-ые годы XVIII века, и этот процесс связан с именем И. Канта.

Хотя И. Кант в своем сочинении «Критика чистого разума» (1781г.), говоря об аристотелевской логике, замечает, что «со времени Аристотеля ей не приходилось делать ни шага назад ..., ни шага вперед и, судя по всему, она кажется наукой вполне законченной и завершенной» [9, с. 30]. Однако в том же сочинении Кант, критикуя аристотелевскую логику, называет ее формальной, которая «отвлекается от всякого содержания познания, т. е. от всякого отношения его к объекту, и рассматривает только логическую форму в отношении знаний друг к другу, т. е. форму мышления вообще». Взамен он предлагает трансцендентальную логику, которая при рассмотрении форм мышления рассматривает также и характер объекта познания, происхождение и объективное значение знания, заложенного в формы мысли.

Г. Гегель предложил концепцию **диалектической логики**, где в отличие от формальной логики, которая рассматривала формы мысли с

точки зрения количественных и объемных характеристик, компоненты мышления характеризуются исходя из их познавательного содержания, роли, которую они играют в процессе познания [10]. Все перечисленные этапы развития логической науки, за исключением трансцендентальной и диалектической логики, можно отнести к истории развития **классической логики**.

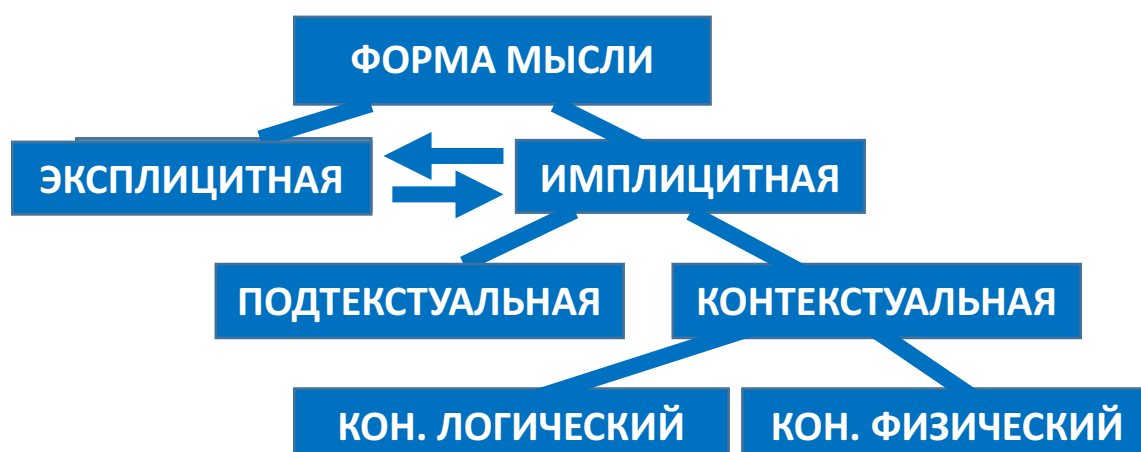
Неклассические концепции в логической науке, по сути, начали бурно формироваться и развиваться начиная с первой половины XX века. Чем отличаются неклассические логические концепции от классической логики? Классическая логика зиждется на двух важных принципах. **Принцип двужначности** (бивалентности) предполагает, что каждое суждение (высказывание) может принимать только два значения истинности: *быть истинным или ложным*. Согласно **принципу функциональности** (экзистенциальности), *истинность* сложного суждения (высказывания) является функцией, она обусловлена, зависит от значений истинности составляющих простых суждений и функциональной значимости логических связей, составляющих сложное суждение.

В научной литературе существует несколько подходов к классификации неклассических логик. Так, С. Хаак в своей работе «Девиантная логика: некоторые философские вопросы» делит все неклассические логики на **девиантные, кваздевиантные и расширенные логики**, при этом логическая система может быть одновременно и девиантной, и являться расширением классической логики [11, с. 1–24]. Другие авторы в качестве основного различия неклассических логик выделяют **отклонение (девиацию) от основных принципов классической логики и расширение**, то есть рассмотрение таких вопросов, которые остались вне предметной области классической логики. Профессор Принстонского университета Дж. Бёрджесс использует аналогичную классификацию логик, выделяя две основных группы: **антиклассические и экстраклассические** [12, с. 1–2, 14–15]. К неклассическим концепциям логики относятся многозначная логика, системы строгой импликации, конструктивная логика, модальная логика, интеррогативная логика.

В 1983г. армянский философ Г. Брутян разработал еще одну интересную концепцию неклассической логики – **трансформационную логику**, которую можно отнести к ряду «**расширенных**» логик [13]. Она изучает соотношение эксплицитных (явных) и имплицитных (неявных) форм мысли, законы вывода из эксплицитных имплицитные формы мысли, а также принципы уточнения смысла и значения эксплицитных форм мысли с помощью анализа имплицитных форм. **Эксплицитной** называется

форма мысли, которая зафиксирована языковыми средствами (письменными или устными речевыми единицами) и воспринимается органами чувств собеседника. **Имплицитной** называется форма мысли, которая не выражена языковыми средствами (внешними, разговорно-предметными речевыми единицами) и не воспринимается органами чувств, но может быть выведена, о ней можно догадаться в результате анализа контекста и подтекста данного текста. Соответственно, неявные формы мышления являются **подтекстуальными** и **контекстуальными**, а последние могут быть **физическими** и **логическими**.

*Схема.1* Классификация форм мысли в трансформационной логике



**Контекст** – это система рассуждений (**логический контекст**), в рамках которой используется данное высказывание (мысль или выражение), или условия и обстоятельства, такие как образовательный уровень аудитории, демографический состав, обстоятельства дела, политическая ситуация и т. д. (**физический контекст**), при которых представлена речь, рассматривается предложение, идея.

**Подтекст** – это система суждений, которая хотя и не фиксируется четко с помощью языковых единиц текста, но может быть выведена, догадана в результате дополнительного анализа суждений текста. Например, басни, представляющие собой зачастую аллегорические новеллы, как правило, заканчиваются кратким моралистическим сообщением-заключением: «О чем рассказывает басня...», в чем заключается основной смысл произведения.

Г. Брутян делит правила трансформационной логики на три группы: **правила порождения (выявления), правила уточнения и комплексные**

**правила** [13, с. 51–57]. **Правилами выявления** являются логические способы, с помощью которых из эксплицитных форм мысли выводятся имплицитные формы. Таковыми являются правила обращения, превращения и противопоставления простого атрибутивного суждения. Например, в результате обращения общеутвердительного суждения «*Человек есть разумное существо*» получается частноутвердительное суждение «*Некоторые разумные существа являются людьми*». Дополнительный анализ этого заключения дает основание предполагать: «не исключено, что помимо человека существуют и другие разумные существа, например Бог, представители внеземной цивилизации и т. д.»

Инструментарий трансформационной логики значительно расширяет возможности традиционной формальной логики, позволяя делать более точные выводы. Например, суждение «*Некоторые люди — скрипачи*» в системе формальной логики обращается простым образом:  $(S \text{ i } P) \rightarrow (P \text{ i } S)$  «*Некоторые скрипачи — люди*». Однако, учитывая фактор соотношения объемов  $S$  и  $P$ , можно вывести более точное - общеутвердительное суждение: «*Все скрипачи — люди*».

Известно, что частноотрицательное суждение не подлежит обращению в традиционно-формальной логике. В противном случае, если руководствоваться принципом распределенности терминов, лежащим в основе правил обращения, то суждение «*Некоторые люди являются политиками*» приведет к нелепому суждению «*Ни один политик не является человеком*». Между тем, в рамках трансформационной логики, принимая во внимание содержания отношения по объему  $S$  и  $P$ , можно сделать вывод: «*Все политики — люди*».

Одно из известных логических доказательств существования Бога построено на принципе выявления и анализа подтекстного содержания понятий и суждений: «В ходе своей познавательной деятельности человек постоянно подвергает сомнению свои впечатления и знания, проверяет и перепроверяет и пытается их улучшить. А если человек сомневается и стремится развиваться, значит, он несовершенен. Суждение о несовершенстве может иметь смысл только в сравнении с совершенством. Следовательно, совершенство существует с необходимостью. Однако оно не воспринимается органами чувств и не существует в природе. Следовательно, это сверхъестественно. Значит, это не что иное, как идея самого Бога, из которой следует вывод о существовании Бога». Ход таких рассуждений отстаивает и аналогичную аргументацию о существовании Бога предлагает, например, Р. Декарт в своем «Рассуждении о методе» [14, с. 269 – 270].

**Уточняющими** являются правила, с помощью которых проясняется смысл и значение рассматриваемой формы мысли. Анализ контекста позволяет уточнить смысл и значение выражения, суждения. Без учета логического или физического контекста невозможно однозначно интерпретировать смысл следующих суждений. «Иван сказал Сергею: “Ну и разбойник ты!”», «Геворкян всегда гордился этой операцией», «Лектор был доволен аудиторией». Если заявление Ивана в адрес Сергея было сделано во время суда или бытовой ссоры, оно будет истолковано как оскорбление и замечание. А если это заявление было сделано, когда Сергей организовал для Ивана неожиданную встречу с приятным человеком, то упомянутые слова следует понимать как комплимент. Во втором примере, в зависимости от ситуации, словосочетание «операция» может иметь значение хирургического вмешательства, военного, финансового, разведывательного или контртеррористического действия. Истинный смысл третьего суждения также можно прояснить, только выяснив логический или физический контекст.

**Комплексными** являются правила, позволяющие одновременно выводить имплицитные суждения и уяснить смысл, значение рассматриваемой эксплицитной формы мысли. Рассмотрим следующий анекдот. Грузин, узнав, что Тигран Петросян завоевал титул чемпиона мира по шахматам, сообщает своему другу новость:

- Знаешь, армяне завоевали титул чемпиона мира по шахматам.
- Неужели все, — наивно спрашивает собеседник.

Чтобы определить, является ли суждение «армяне завоевали титул чемпиона мира» на самом деле общим, частным или единичным, его следует связать с кванторами общности («все», «каждый»), существования («некоторые») или единственности («один», «единственный»). В результате будет выяснен смысл суждения и выведено более точное, однозначное утвердительное суждение о том, что «один из представителей армянского народа завоевал титул чемпиона мира по шахматам».

Ограничить процесс выявления имплицитных форм мысли из эксплицитных в принципе невозможно. Число раскрывающихся слоев и количество имплицитных мыслей определяется запасом знаний интерпретатора, тем, какие знания он сопоставляет рассматриваемым суждениям. Поэтому классификация порождающих, уточняющих и комплексных канонов имеет в определенном смысле относительно-условный характер, поскольку в случае порождающего правила дополнительным результатом может быть уточнение смысла мышления, а

при уточнении одной мысли – выведение новых, дополнительных суждений.

Операционное поле трансформационной логики довольно широко и охватывает все области мыслительной деятельности: межличностное общение, переговоры, средства массовой информации, реклама, политика, обогащение методологического и герменевтического инструментария частных наук (право, социология, психология) [15].

Набирающие популярность в настоящее время инструменты искусственного интеллекта, базирующиеся преимущественно на классических логических системах, в ряде случаев также испытывают трудности с правильным ответом на поставленные задачи. Рассмотрим несколько примеров, которые невозможно решить средствами лишь традиционной классической логики. Однако трудности преодолеваются, когда применяются инструменты трансформационной логики.

**Пример 1. Задание, предложенное ChatGPT (22.10.2024):**

*Определить состав данного силлогизма, выделяя меньший, большой и средний термины, большую и меньшую посылки. Показать отношения между терминами, прокомментировать логическую правильность.*

**«Евреи - умный народ. Ганс - еврей. Следовательно, Ганс умен».**

**Ответ от ChatGPT:**

«В данном примере представлен категорический силлогизм. Разберем его состав, определяя меньший, большой и средний термины, а также большую и меньшую посылки:

1. **Большой термин (предикат заключения):** "умен". Это характеристика, которая относится к субъекту заключения.
2. **Меньший термин (субъект заключения):** "Ганс". Это конкретный объект, о котором идет речь в заключении.
3. **Средний термин:** "еврей". Этот термин связывает меньший и большой термины через посылки.

Теперь выделим посылки:

- **Большая посылка:** "Евреи — умный народ" (Все евреи умны).
- **Меньшая посылка:** "Ганс — еврей" (Ганс принадлежит к категории евреев).
- **Заключение:** "Ганс умен".

**Отношения между терминами:**

- Средний термин ("еврей") соединяет большой термин ("умен") с меньшим термином ("Ганс"). Логика рассуждения заключается в том, что



если все евреи умны (большая посылка), а Ганс — еврей (меньшая посылка), то Ганс тоже должен быть умным.

### **Логическая правильность:**

Этот силлогизм **формально правильный**, так как он соответствует структуре правильного категорического силлогизма: средний термин находится в посылках, но не в заключении; меньший термин связан с большим через средний. Однако в данном случае можно отметить, что:

1. Большая посылка ("Евреи — умный народ") — это **обобщение**, которое может быть спорным и недостаточно точным, так как приписывает характеристику всей группе людей.

2. **Логическая форма силлогизма правильна**, но истинность заключения зависит от истинности посылок».

**Примечание:** Однако, если прибегнуть к инструментариям трансформационной логики, то можно заметить, что большая посылка является **не общеутвердительным, а частноутвердительным** суждением. Это можно проверить, соединив данное суждение с кванторами общности и существования. При соединении суждения с квантором общности (при постановке перед субъектом слов "каждый" или "всякий") получается ложное суждение. При соединении с квантором существования, суждение становится истинным. Стало быть, большая посылка данного силлогизма - **не общеутвердительное, а частноутвердительное суждение**.

Значит, данное умозаключение принадлежит к 1-ой фигуре силлогизма, имеет следующую формулу:  $((M - i P-) \& (S+ a M-)) \rightarrow (S+ a P-)$ . Нарушены два правила силлогизма: а) «М» не распределен ни в одной посылке и б) большая посылка не является общим суждением.

**Тем не менее, ChatGPT быстро учится и развивается.**

**Пример 3. 03.07.2024г. ChatGPT было предложено следующее задание:**

*Анализировать данный силлогизм, показывая большой, средний и меньший термины. Показать отношения между терминами схематически. Обосновать логическую правильность или неправильность умозаключения.*

**"Все произведения Пушкина невозможно прочитать за один день. "Буря" - одна из работ Пушкина. Значит, невозможно прочитать "Бурю" за один день".**

**Ответ от ChatGPT:**

«Давайте проанализируем данный силлогизм, определяя большой, средний и меньший термины, а также отношения между ними.

**Термины:**

1. **Большой термин (Major Term):** Прочитать за один день (X).
2. **Средний термин (Middle Term):** Произведения Пушкина (Y).
3. **Меньший термин (Minor Term):** "Буря" (Z).

**Структура силлогизма:**

Силлогизм состоит из двух предпосылок и заключения:

1. **Большая предпосылка (Major Premise):** Все произведения Пушкина (Y) невозможно прочитать за один день (X).
2. **Меньшая предпосылка (Minor Premise):** "Буря" (Z) - одна из работ Пушкина (Y).
3. **Заключение (Conclusion):** Значит, невозможно прочитать "Бурю" (Z) за один день (X).

**Схема отношений между терминами:**

1. Все Y не X
2.  $Z \subseteq Y$
3. Значит  $Z \rightarrow \text{не X}$

Все Y (произведения Пушкина) невозможно X (прочитать за один день).  $Z$  ("Буря")  $\subseteq Y$ . Значит, Z невозможно X.

**Логическая правильность:**

Для того, чтобы определить логическую правильность этого умозаключения, необходимо рассмотреть формы и правила силлогизма:

**1. Форма силлогизма:** Данный силлогизм является формой силлогизма Барбара (AAA-1), который имеет вид:

- Все A суть B.
- Все C суть A.
- Следовательно, все C суть B.

**2. Применение к нашему случаю:**

- Все произведения Пушкина (A) невозможно прочитать за один день (B).
- "Буря" (C) является произведением Пушкина (A).
- Следовательно, "Бурю" (C) невозможно прочитать за один день (B).

**В этом силлогизме нет логических ошибок. Он корректен,** так как оба термина включаются в соответствующие классы правильно и заключение логически вытекает из предпосылок.

**Таким образом, данный силлогизм является логически правильным.**

Логическая правильность умозаключения обосновывается тем, что оно соответствует форме категорического силлогизма модус барбара (AAA), где обе предпосылки являются утверждениями общности, и заключение также является утверждением общности. **Это умозаключение логически**

**правильно**, так как если все элементы среднего термина (произведения Пушкина) обладают свойством большого термина (невозможно прочитать за один день), и меньший термин ("Буря") входит в состав среднего термина (является одной из работ Пушкина), то меньший термин также обладает свойством большого термина. Таким образом, заключение логически следует из предпосылок».

**То же задание было предложено ChatGPT примерно четыре месяца спустя, 22.10.2024.**

**Ответ получился сравнительно корректным – с осмотрительной оговоркой:**

«Давайте разберем данный силлогизм, выделим его термины, проанализируем отношения между ними и оценим его логическую правильность...

**Формула силлогизма:**

1. **Большая посылка:** Все А (произведения Пушкина) есть В (невозможно прочитать за один день).

2. **Меньшая посылка:** С ("Буря") есть часть А (произведений Пушкина).

3. **Заключение:** Следовательно, С ("Буря") есть В (невозможно прочитать за один день).

Отношение между терминами можно представить так:

$C \subset A$  и  $A \subset B \Rightarrow C \subset B$

Здесь делается вывод, что если "Буря" принадлежит множеству произведений Пушкина, а все произведения Пушкина невозможно прочитать за один день, то и "Бурю" невозможно прочитать за один день.

**Логическая правильность:**

1. **Формальная правильность:** Силлогизм **формально некорректен**, потому что он нарушает правило перехода от общего к частному. Большая посылка говорит о том, что все произведения Пушкина в совокупности нельзя прочитать за один день. Однако это не значит, что отдельные произведения (например, "Буря") также невозможно прочитать за один день. Силлогизм делает неверное предположение, что свойства целого автоматически применяются к его частям.

2. **Материальная правильность:** Большая посылка касается всех произведений Пушкина как коллекции, а не их индивидуальных характеристик. Возможно, отдельные произведения (например, "Буря") достаточно коротки, чтобы их можно было прочитать за один день, несмотря на то, что весь корпус произведений требует больше времени. Заключение неверно, поскольку не следует из посылок.

**Заключение:** Этот силлогизм является **логически неправильным** как в формальном, так и в материальном смысле. Ошибка заключается в неверном переходе от общего свойства множества (произведения Пушкина в целом) к частному (одно произведение)».

**Примечание:** Опять же, если использовать правила трансформационной логики, то можно выявить, что в большой посылке М («сочинения Пушкина») является **общесобирательным понятием**. Речь идет о всех вместе взятых произведениях Пушкина. А в меньшей посылке говорится только об **одном отдельно взятом произведении**. Отношение между **целым и частью** перепутано с **родовидовым отношением между понятиями**.

После такого уточнения уже можно перейти на «язык» классической логики и показать, что в данном силлогизме допущена ошибка **учетверения терминов** (когда вместо трех в силлогизме были задействованы четыре термина).

### **Пример 3. Задание ChatGPT:**

*Представить силлогизм в виде формулы, определить фигуру и прокомментировать вопрос о логической правильности.*

**«Человек покоряет Вселенную, извлекает энергию из ядра атома. Гаврила – человек. Следовательно, Гаврила покоряет космос и добывает энергию из атомного ядра».**

### **Ответ от ChatGPT (22.10.2024):**

«Давайте представим этот силлогизм в виде формулы и определим его фигуру:

#### **Силлогизм:**

1. **Большая посылка:** Человек покоряет Вселенную и извлекает энергию из ядра атома.
2. **Меньшая посылка:** Гаврила — человек.
3. **Заключение:** Следовательно, Гаврила покоряет Вселенную и извлекает энергию из ядра атома.

#### **Формула силлогизма:**

- Большая посылка: Все А (человеки) есть В (те, кто покоряет Вселенную и извлекает энергию из атомного ядра).
- Меньшая посылка: С (Гаврила) есть А (человек).
- Заключение: следовательно, С (Гаврила) есть В (покоритель Вселенной и добытчик энергии атомного ядра).

#### **Определение фигуры:**

Этот силлогизм имеет **1-ю фигуру**, так как средний термин ("человек") в большой посылке является субъектом, а в меньшей посылке — предикатом. Формальная структура первой фигуры выглядит так:

1. Все А есть В.
2. С есть А.
3. Следовательно, С есть В.

**Логическая правильность:**

- **Формальная правильность:** Силлогизм **формально корректен**.

Он соответствует структуре первой фигуры категорического силлогизма. Средний термин ("человек") связывает меньший термин ("Гаврила") с большим термином ("покоряет Вселенную и извлекает энергию из ядра атома").

- **Материальная правильность:** Проблема в содержании (материальная правильность). Большая посылка ("Человек покоряет Вселенную и извлекает энергию из ядра атома") является чрезмерно широким обобщением. В реальности не каждый человек обладает такими способностями — это скорее относится к группе ученых или исследователей. Таким образом, **большая посылка ложна или недостаточно обоснована**, что делает вывод неверным с точки зрения содержания.

**Заключение:** Хотя формально силлогизм правильный, его материальная правильность вызывает сомнения. Не все люди покоряют космос и добывают энергию из атомного ядра, поэтому заключение не может быть истинным».

**Примечание:** На первый взгляд кажется, что имеем дело с 1-й фигурой силлогизма, модусом Barbara:  $((M+ \text{ а } P-) \& (S+ \text{ а } M-)) \rightarrow (S+ \text{ а } P-)$

Однако, опять же с помощью правил уточнения трансформационной логики, можно выяснить, что большая посылка является **не общеутвердительным, а частноутвердительным** суждением.

Значит, силлогизм на самом деле имеет следующую формулу:

$$((M- \text{ и } P-) \& (S+ \text{ а } M-)) \rightarrow (S+ \text{ а } P-) .$$

Тут уже вступает в силу **классическая логика**, с помощью которой можно выяснить, что, как и в первом примере, допущены **две ошибки силлогизма: а) «М» не распределен ни в одной посылке., б) большая посылка не является общим суждением.**

Таким образом, неклассические логические концепции, отчасти критически относясь к системам классической логики, одновременно дополняют и расширяют их возможности, стимулируя новую фазу развития логической науки. С этой точки зрения ценным является принцип многологичности (Conception of Polylogic) акад. Г.Брутяна [16]. Эта концепция представляет из себя идею углубления и раскрытия новых смысловых и структурных пластов процесса мышления путем анализа и оценки форм мысли с точки зрения различных логических систем и инструментов. Согласно этой концепции, формальная логика и системы содержательной логики не

столько противоречат, сколько дополняют друг друга, а формализованные (математические) логические системы («математика сознания») играют роль своеобразной экспликации в плане выяснения мыслительных структур, исследуемых формальной логикой («грамматика разума»).

Пересматривая традиционные принципы двужначности и функциональности, неклассические логические системы не только открывают новые перспективы исследования логических структур, но и рассматривают вопросы, выходящие за рамки предметной области классических логических систем, обогащая знания, расширяя возможности анализа и оценки структур мышления. Принцип взаимодополнения и, в частности, возможности трансформационной логики представляются ценными для дальнейшего развития систем и инструментов искусственного интеллекта.

### Список литературы

1. *Аристотель*. Сочинения в 4-х томах. Т.2. М.: «Мысль», 1978. – 690 с.
2. *Микеладзе Э. Н.*, Основоположения логики Аристотеля// Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т.2., М.: «Мысль», 1978. С. 5 – 50.
3. *Бэкон Ф.*, Сочинения в двух томах. Т.2. М.: «Мысль», 1972. – 582 с.
4. *Гоббс Т.*, Сочинения в 2-х томах. Т. 2, М., «Мысль», 1989. – 626 с.
5. *Декарт Р.* Правила для руководства ума. (Пер. с лат. М. А. Гарнцева) // Декарт Р. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М.: «Мысль», 1989. С. 77 – 153.
6. *Арно А. Николь П.* Логика или искусство мыслить. М., «Наука», 1991. – 415 с. [https://platona.net/load/knigi\\_po\\_filosofii/istorija\\_novoe\\_vremja/logika\\_por\\_rojalja\\_arno\\_a\\_nikol\\_p\\_logika\\_ili\\_iskusstvo\\_myslit\\_1991/10-1-0-979](https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_novoe_vremja/logika_por_rojalja_arno_a_nikol_p_logika_ili_iskusstvo_myslit_1991/10-1-0-979)
7. *Лейбниц Г.В.* Сочинения в 4-х томах. Т. 1, М.: «Мысль», 1982. – 554 с.
8. *Лейбниц Г.В.* Сочинения в 4-х томах. Т. 4, М.: «Мысль», 1989. – 663 с.
9. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: «Наука», 1999. – 656 с. <https://www.philosophy.ru/library/kritika-chistogo-razuma/>
10. *Гегель Г.* Наука логики. В 3-х томах. М., «Мысль», 1970; 1971; 1972. – 501; 248; 373 с.
11. *Haak S.* Deviant Logic: Some Philosophical Issues. Cambridge University Press, 1974. – 82 p. [https://books.google.am/books?id=ANg8AAAAIAAJ&pg=PA4&redir\\_esc=y#v=onepage&q&f=false](https://books.google.am/books?id=ANg8AAAAIAAJ&pg=PA4&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false)
12. *Burgess J.P.* «Philosophical logic». Princeton University Press, 2009. – 152 p. [https://books.google.am/books?id=k32w3\\_wjBoYC&pg=PA1&redir\\_esc=y#v=onepage&q&f=false](https://books.google.am/books?id=k32w3_wjBoYC&pg=PA1&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false)
13. *Брутян Г. А.* Трансформационная логика. Ереван: Издательство АН Арм. ССР, 1983. – 90 с.
14. *Декарт Р.*, Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскать истину в науках. (Пер. с франц. Г. Г. Слюсарева)// Декарт Р. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М.: «Мысль», 1989. С. 250–296.
15. *Ованнисян О.О.* Методологические и прикладные аспекты трансформационной логики. «Трансформационная логика» Кн.: 2, под общей ред. Г. Брутяна. Ереван: изд-во «Международная академия философии», 2008, с. 617–626 (на армянском языке).
16. *Brutian G.* On the Conception of Polylogic. “Mind”, Oxford, July, vol. 77, No 307, 1968. P. 351–359.

## **LIMITATIONS OF CLASSICAL LOGIC AND CAPABILITIES OF NON-CLASSICAL SYSTEMS FROM THE POINT OF VIEW OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE DEVELOPMENT**

***Hovhannes O. Hovhannisyan***

Yerevan State University, Faculty of Philosophy and Psychology,  
Republic of Armenia, Yerevan, 0025, st. Alek Manukyan 1  
<https://orcid.org/0000-0002-3878-2517>

The article analyzes the differences between classical and non-classical logical concepts. The features and possibilities of transformational logic are considered. Specific details and proposals are analyzed, including on the example of the functioning of ChatGPT, where the use of transformational logic tools would improve the work of artificial intelligence systems.

Non-classical logical systems, partly critical of classical logic systems, not only open up new prospects for studying thought structures, but also consider issues that go beyond the subject area of classical logical systems, adding the possibilities of logical science.

In terms of interpreting the phenomenon of complementarity of logical concepts, the conception of polylogic by G. Brutian is valuable, the application of whose ideas will give positive results from the point of view of further development of artificial intelligence tools.

**Keywords:** Classical and non-classical logic systems, transformational logic, artificial intelligence.

УДК 330.133.6; 140.8; 130.2

DOI: 10.17072/2076-0590-2024-14-111-127

## **ТРУД, ИГРА И СИМУЛЯЦИЯ. К ВОПРОСУ ОБ ИХ ОБЪЕКТИВНОМ ОТНОШЕНИИ**

***В.В. Корякин***

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: [vvkorkfnpsu@yandex.ru](mailto:vvkorkfnpsu@yandex.ru)

Труд – субстанциальное свойство человека. Он является «общим родом» всех форм человеческой деятельности, в т. ч. своим собственным, игры и симуляции. Как процесс производства человеком собственной жизни посредством преобразования природы, он содержит в себе два основных момента – развитие человека и развитие природы. При определенных объективных обстоятельствах, создаваемых в процессе самого труда, эти два момента приобретают характер относительно самостоятельных форм деятельности, эмансипируются. Производство человеком себя в отрыве от преобразования природы превращается в игру, изменение природы в отрыве от саморазвития человека становится симуляцией.

Ключевые слова: труд, игра, симуляция, сущность человека, материальное производство, симулякр

Современное развитое общество демонстрирует всеохватывающее распространение игры и симуляции деятельности во всех сферах человеческой жизни. Игра и симуляция даже превращаются в своего рода профессиональное занятие значительной группы лиц, претендующее стать альтернативным труду способом человеческого существования, стремящимся в отдаленной перспективе вытеснить материальное производство на периферию истории или, как минимум, подчинить его своим нуждам. Профессиональные игроки аккумулируют значительную долю произведенного посредством труда богатства, профессиональные «симулянты» «осваивают» приличную долю бюджетов государства, муниципалитетов и крупных компаний. Однако игра и симуляция становятся привлекательным занятием и для рядовых обывателей, и не только по причине обращения в данной сфере деятельности значительной доли материального богатства, но и по причине



рутинности, временной длительности большинства видов профессий, связанных с непосредственным материальным производством. Современное капиталистическое общество по-прежнему строится на частичном, одностороннем труде. В большинстве сфер современного производства человек не может проявить себя как разноплановое, сложное существо. Естественным стремлением его по данной причине становится попытка раскрыть свой потенциал за пределами трудовой деятельности – в игре, или отказаться от непосредственного труда вовсе посредством ухода в сферу его симуляции. Существенной проблемой современной науки, таким образом, остается вопрос о сущности игры и симуляции, их месте в общественной жизни, основаниях, перспективах существования и их отношении к базовой форме человеческой деятельности – труду.

Игра никогда не была в центре рассуждения классической философии и науки, хотя и привлекала внимание многих ее ключевых представителей. Попытки осмыслить игру можно встретить уже в работах античных авторов (Гераклита, Платона, Аристотеля). По мере развития социальных взглядов определение игры, ее места в общественной жизни и сущности менялось в соответствии с пониманием сущности самого человека. Углубление в анализ различных сторон человеческой сущности и форм человеческого существования позволяли раскрыть и многоплановость игры. Одновременно росло и понимание ее социального значения (значения для всестороннего развития личности). Уже Платон указывал на присутствие игры во всех сферах человеческой деятельности, а Аристотель, подчеркивал ее пользу для воспитания ребенка и подготовки его к взрослой жизни. Эразм Роттердамский увязывал игру с познанием и развитием человека на протяжении всей его жизни. Авторы Возрождения, а затем Ф. Шиллер, Г. Гегель и Ф. Шеллинг подчеркивали связь игры с искусством, Т. Мор, а позже И. Кант – с нравственностью, И.Г. Фихте – с развитием свободы [1].

В фокус внимания игра попала в XX в., когда она очевидным образом вышла за пределы досуга подавляющего большинства населения и стала важным элементом всех форм деятельности, в т. ч. производственной. Традиционно повышенный интерес к игре испытывают представители неклассической философии и науки, что вполне объяснимо, если исходить из общей их установки – поиска «третьего», несводимого к телесному и разумному существованию, основания человеческой жизни. Именно в рамках неклассического направления впервые была предпринята попытка «субстанциализировать» игру, представить ее как основу культуры в целом [2]. Определенное устойчивое внимание к игре проявляли и представители

современного марксизма, например, отечественного (С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, М.М. Бахтин).

Крупной проблемой стало определение игры как социального феномена. До сих пор бытуют экстенсивные определения игры, которые лишь перечисляют необходимые ее признаки, но не выделяют главного из них, интегрирующего. К примеру, Й. Хейзинга понимал под игрой «добровольное действие, либо занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени, по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключающейся в нем самом, сопровождаемое чувством напряжения и радости, а также сознание «иного бытия», нежели обыденная жизнь» [2, с. 40]. Кроме того, автор выделяет физиологические и психологические основания игры, ее эстетическое содержание и т.п. Подобное определение вряд ли фиксирует специфику игры как особой формы деятельности, поскольку большинство перечисленных признаков в каком-то виде присущи другим ее формам, например, труду (особенно творческому). Единственное отличие игры от того же труда раскрывается в некоем «сознании инобытия». От того же труда, к примеру, игру отличает, согласно Й. Хейзинге, ее «непроизводительный» характер [2, с. 23 – 58]. Однако, в любом случае, понятия «инобытия», «непроизводительный» являются «негативными», они фиксируют отсутствие определенных признаков предмета, но не характер его содержания. В чем заключается «инакость» бытия играющего, остается покрыто тайной. «Отрицательными» признаками наделяет игру и Р. Кайуа. Согласно автору, она не обязательная, неопределенная, непроизводительная, фиктивная, вымышленная [3, с. 49]. Некоторой смысловой пустоты «негативному» определению игры придает и отсутствие четкого понимания реальности, которой она противопоставляется. Что есть реальный индивид, реальное человеческое бытие, не вполне прояснено (хотя при вдумчивом прочтении, обнаруживается, что ни Й. Хейзинга, ни Р. Кайуа, к примеру, не поднимаются выше типичной, базовой для классической философии абстракции человека как духовно-природного существа, или «мыслящего животного»).

Если классической философии и марксизму при анализе игры свойственно подчеркивать определенное тождество игры и реальной человеческой деятельности (как духовной, так и материальной), то неклассической – отличие игры от нее. Суммируя, можно сделать вывод: в современных интерпретациях игры до какой-то степени схвачено, что игра есть бытие, но иное.

Схожая ситуация в истории науки сложилась при изучении симуляции и симулякров, их отношения к реальности (копии к оригиналу). Еще

Платон обратил внимание, что в представлениях человека бытуют некие «негативные сущности», знаки, искажающие и подменяющие собой реальность, являющиеся «копиями копий», претендующими на статус оригинальных сущностей, или симулякры [4, с.301 – 333]. Классическая философия, признавая неизбежное появление симулякров, настаивала на устранении их из процесса познания, на приведении мыслимых копий (образов) предметов в соответствии с оригиналом, его сущностью.

Определенный переворот в осмыслении и оценке симулякров произошел в неклассической философии. Согласно Ж. Делезу, например, симулякр – имманентно присущая характеристика человеческого бытия. Он есть знак, лишенный сходства с оригиналом, одновременно отрицающий в себе оригинал и соответствующую ему копию, характеризующийся произвольной изменчивостью [5, с. 335]. Ж. Бодрийяр понимал симулякры как знаки, которые не столько отрицают реальность, сколько подменяют ее собой. Свое подлинное существование они проявляют в т. н. «гиперреальности», охватывающей с определенного исторического периода все стороны и формы человеческого существования [6; 7].

Примечательно, что способ определения симуляции мало чем отличается от того, каким зачастую определяют игу. Симуляция противопоставляется реальности и объявляется иным бытием (например, гиперреальностью), подменяющим подлинное (или в случае с Ж. Бодрийяром – предшествующее) бытие. Понимание «инакости» бытия симулякров при этом всецело определяется негативно: симулякр есть знак, не являющийся ни копией, ни оригиналом, ни даже знаком. В условиях «гиперреальности», согласно Ж. Бодрийяру, все перестает быть собой (реальным), в т. ч. знаки [6, с. 52]. Определение симулякра как отсутствия всего (кроме самого симулякра) есть пустое определение.

Определить предмет – значит отличить его от другого предмета. Содержательное (позитивное) определение предмета возможно лишь диалектическое. Оно позволяет схватить как тождество, так и различие взаимно определяемых предметов одновременно. Обнаружить в предметах то, что в них есть одно и то же, и что у каждого из них в отношении друг к другу отсутствует, выявить, чем оказывается общее предметам в условиях, когда есть одни признаки, но нет других.

В стремлении выработать позитивное определение игры и симуляции, стоит обратить внимание, что обе формы деятельности имеют отношение к «реальной деятельности» как ее «иные» формы. Они представлены во всех сферах человеческой жизни и создают бытие, которое оказывается «иным» по отношению к «подлинному бытию». Вместе с тем, наделение статусом

«иноного» игры и симуляции не позволяет их различить между собой, поскольку в «ином» они оказываются одним и тем же (не случайно поэтому столь часто в современной литературе встречается представление об игре как симуляции и о симуляции как игре). Центральным вопросом, стало быть, становится выяснение сущности подлинного бытия человека и производящей его формы деятельности. Проблема сущности человека, как бы от нее не отмахивались представители неклассической философии, должна быть решена, если мы рассчитываем содержательно определить хоть какой-нибудь социальный феномен, а не блуждать в беспорядочной веренице смыслов и бессмыслиц (если, конечно, не преследуем цели ограничиться лишь игрой или симуляцией интеллекта).

Проблема сущности человека неизбежно возвращает нас к вопросу о первичности общественного сознания или общественного бытия. Примечательно, что, вынося за скобки вопрос о первичности, исследователи игры и симуляции никак не могут определиться, с какой реальностью они имеют дело? Игра имеет предметный характер или всецело уносит человека в воображаемый мир, или относится одновременно к обеим реальностям? Симуляция осуществляется посредством создания материальных копий вещей или ей достаточно лишь манипулировать образами и духовными ценностями этих вещей и их предметных копий, или она производит манипуляции в обеих сферах сразу? Попытки указывать на что-то третье (некое абстрактное инобытие) лишь маскируют данную дилемму, не прибавляя никакого смысла, и надо сказать, до сих пор не дали никаких результатов. Все, что неклассическая философия выдавала за «третью», несводимую к сознанию и материи, реальность, оказывалось особенной формой того или другого.

Сущность предмета – это его внутренняя определенность, наиболее важное в нем, что отличает предмет от другого. Сущность, будучи чем-то особенным в предмете, тем не менее, определяет предмет целиком, порождает и интегрирует в себе все многообразие его свойств, сторон и отношений. Классический идеализм сводил сущность человека к его сознанию (как правило, к разуму). С его позиции, общественное сознание определяет характер общественного бытия. При всей видимости того, что сознание в той или иной мере сопровождает и организует жизнь и деятельность человека во всех планах (он есть осознающее свою жизнь существо), оно не может быть основанием его существования. В «Немецкой идеологии» в полемике с младогегельянцами и Л. Фейербахом К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что прежде чем мыслить, человек должен жить. Чтобы жить, человек должен удовлетворять свои вполне материальные потребности, но поскольку

потребности постоянно растут, он вынужден создавать каждый раз новые вещи, позволяющие их удовлетворять, т. е. трудиться. Труд, таким образом, согласно родоначальникам марксизма, оказывается не просто деятельностью, удовлетворяющей человеческие жизненные потребности, и тем более не просто средством человеческого существования, а способом человеческой жизни, определяющем все ее стороны [8, с. 24 – 28]. Первым фактом истории являются живые (материальные) человеческие индивиды, производящие свою материальную, и как следствие – духовную жизнь, посредством преобразования природы [8, с. 18 – 19, 24 – 30].

Сознание может реализоваться в чистом виде, не затрагивая процесса труда или общения, труд же в каждом акте своей реализации оказывается одновременно и производственным (практическим, предметным), и осмысленным процессом, в котором формируются одновременно и объективные и субъективные отношения к себе, другим людям и миру в целом. Труд, другими словами, проявляет себя как субстанциальное свойство человека, порождающее и себя самого, и все прочее многообразие социальных свойств, сторон и отношений, чего нельзя сказать о сознании. Труд, будучи особой формой деятельности, одновременно оказывается родом всех ее форм, общей формой. В данной связи, представляется возможным предпринять попытку определения игры и симуляции в отношении к нему. При этом, конечно, необходимо будет избегать всякого редукционизма в определении труда – сведения его к тем или иным необходимым его моментам и сторонам (осмысленности, общественному характеру, технической оснащенности, физиологическим затратам и т.д.). Многие трудности в определении игры и симуляции кроются как раз в упрощенном понимании труда, в результате чего труд мыслится как одна из многочисленных форм деятельности, рядоположенная им и потому не обязательно существенная.

*Труд* – способ существования и развития социальной формы материи (человека), процесс производства человеком своей социальной материальной индивидуальной, родовой и универсальной жизни и сущности. В труде человек производит себя, но всегда в связи с другими индивидами, меняя их жизнь как непосредственно в процессе производственной кооперации, так и опосредованно через преобразование общих для них и себя материальных условий производства (средств производства). Иными словами, человек создает себя и других людей, себя в других и других в себе (общее для себя и других), развивает себя как индивидуальное и одновременно родовое (и потому общественное) существо [9, с.101–129; 10]. В труде люди производят все стороны своего существования – и социальную материальную жизнь, и многообразные отношения, мысль, способности и потребности, свободу и

ответственность одновременно. В отличие от труда прочие свойства человека могут реализовываться в относительном отрыве друг от друга: общаться, например, можно вне процесса труда, мыслить вне труда и отношения к другим людям. Труд, другими словами, порождая и себя, и все свойства индивида одновременно, проявляет себя как подлинно субстанциальное свойство человека.

Преобразование материальных условий человеческого существования, реализующееся в процессе создания средств производства, как необходимого момента человеческого саморазвития, раскрывает и созидает универсальную сущность человека. Присоединяя к собственным материальным силам преобразованные силы природы, человек раскрывает бесконечное материальное (физическое, химическое, биологическое, социальное) содержание в себе и преобразуемых им объектах [11, с. 241–320; 12, с. 124–189]. Средства производства (предмет и средство труда), будучи уже преобразованными природными вещами и процессами, в труде направлены на развитие как человека, так и окружающей его природы.

Труд, таким образом, представляет собой единство двух основных противоположно направленных процессов – преобразования человека и преобразования природы. В труде обнаруживаются и реализуются новые существенные характеристики человека и природы в их непосредственном единстве. При определенных объективных обстоятельствах данные процессы могут реализоваться в качестве относительно самостоятельных форм деятельности – *игры и симуляции*.

*Игра*, можно предположить, представляет собой процесс саморазвития общества (развития индивидом себя и других людей), относительно обособленный от качественного (выявляющего новые существенные характеристики) изменения природы и от труда как усложнения человека и природы в их единстве. Вместе с тем, как относительно обособленная сторона труда игра ему тождественна. Человек не может развиваться, не меняя природных условий своего существования. При этом человек использует особым способом измененные природные объекты – средства производства. Игра в превращенном виде содержит все присущие труду моменты. Но одновременно игра отлична от труда, она направлена лишь на развитие человека, но не природы. В игре человек производит себя всесторонне – как в объективных, так и субъективных (идеальных, мыслимых) формах своего существования, однако производство природных обстоятельств при этом лишается своих объективных форм и осуществляется, видимо, исключительно в сознании. Играя, человек объективно не меняет внешних ему природных условий существования, он лишь представляет вызванные его

действиями изменения вещей. Трудовой процесс лишенный преобразующего природу характера становится *игрой*, а преобразование природы в игре – его *имитацией*. Меняется и характер средств производства. В игре они превращаются в *средства игры*, поскольку отныне все используемые в игре вещи направляются человеком лишь на развитие его самого, но не природы.

Человек, к примеру, может играть жатву пшеницы. При этом он будет реализовывать необходимые для жатвы трудовые навыки (в обобщенном или конкретизированном виде), тем самым воспроизводя или совершенствуя их, т.е. развиваться. Он может держать в руках действительно необходимое для жатвы средство – серп, но может и заменить его другой вещью, лишь по форме напоминающей это средство (картонный серп, кривую палку), либо попросту обойтись без всякого средства, держа его лишь в воображении. Он может срезать траву, полагая под ней пшеницу. И эта трава, разумеется, не будет подвергаться дальнейшей обработке и не пойдет человеку в пищу. А может махать серпом в пустоте посреди избы, лишь представляя пшеничное поле перед собой.

В отличие от труда в игре человек не испытывает никакого сопротивления природы, ее свойства и законы в игре оказываются «вынесены за скобки», поскольку данная форма деятельности не направлена на изменение природы. Содержание и действительные свойства орудия не столь важны для играющего человека, в определенной степени важна лишь форма инструмента. И эта форма может варьироваться от объективной (особенно если человек развивает свои материальные навыки), т.е. предстать в виде схожего материального предмета, до субъективной, т.е. оставаться исключительно в пределах воображения и понимания. Все природное содержание игры в крайнем случае может быть сведено к пантомиме – упорядоченному движению естественных органов человека.

Поскольку без изменения природы развитие человека принципиально невозможно, но игра по своей направленности не нацелена на изменение природы как таковой, определенное манипулирование вещами в процессе игры все же имеет место. Главным образом, это манипулирование реализуется в создании игровых средств (игрушек). Тот же серп можно вырезать из картона. Можно обломать кривую ветку, и она с тем же успехом заменит играющему серп.

В игре, как и в труде, которому она до известной степени тождественна, человек способен развивать все свои свойства. При этом, впрочем, данные свойства примут форму, соответствующую характеру самой игры: общение, мышление, свобода и т.д. станут *игровыми*. Игровое мышление, к

примеру, будет направлено на познание не природы или человека в единстве с природой, а лишь на человека. Общение утратит характер связи людей с природой или между людьми посредством природы, а будет сведено лишь к отношению человека к человеку.

Качественные изменения, происходящие с человеком в процессе игры, относительно. В полной мере человек развивается, лишь преобразуя себя и природу. Природа как «цензор», вынуждающий человека осуществлять жесткую последовательность производственных действий, соответствующих объективному положению человека в мире, в игре отсутствует. Поэтому и навыки, которые индивид приобретает в игре до некоторой степени произвольны, вариативны и при столкновении с реальностью (при применении на практике) могут не дать продуктивного результата. Игровые навыки только тогда способствуют развитию индивида коренным образом, когда позволяют реализоваться ему на практике.

Труд задает масштабы и характер реализации игры, наполняет ее объективным содержанием. Он же оказывается объективным основанием эмансипации игры, превращения ее в относительно самостоятельную форму деятельности. Игра как относительно самостоятельная форма деятельности возможна лишь при появлении у человека времени, свободного от непосредственного труда. Высвобождение рабочего времени связано с характером производства: как с технической его стороной, так и с экономической.

Техническая сторона производства есть отношение человека к преобразуемой природе. Труд как процесс производства человеком собственной жизни посредством преобразования природы подчиняет не только природу действиям человека, но и человека действиям природы. Ради собственного существования и развития человек вынужден действовать согласно «ритму» преобразуемых им естественных процессов. Труд первобытного охотника, к примеру, зависел от сезонных миграций и репродуктивных периодов животных, на которых он охотится. Древний земледелец осуществлял свой труд в зависимости от характера и длительности вегетативного периода растений, которые подлежали доместикации, от сезонов разлива рек и т. п. «Сезонность» трудовой деятельности до известной степени была снята лишь с наступлением индустриальной эпохи.

Значительные временные интервалы в реализации основных видов работ позволяли употребить освободившееся время на реализацию необходимой подсобной деятельности и на отдых. Но вместе с тем эти интервалы формировали необходимость выделения времени для игры. Производственный навык может нормально функционировать лишь при систематической его



реализации, в противном случае начинается его деградация. В условиях, когда временно отсутствуют природные объекты, подлежащие преобразованию, человек может и вынужден воспроизводить свои навыки лишь в форме игры.

Экономическая сторона производства представляет собой отношение человека к человеку (в т. ч. к себе) и реализуется, в конечном счете, в усложнении и росте производительности труда. Чем производительнее становится труд, тем больше высвобождается рабочего времени. У человека, таким образом, всегда присутствует некоторый объем свободного от работы времени, который он может употребить для отдыха, в т. ч. активного, например, для игры. Однако наличие свободного времени создает лишь возможность для эмансипации игры, но не создает для этого необходимости. Обособление игры становится необходимостью по мере усложнения труда. Сложный труд, с одной стороны, как будучи высокопроизводительным высвобождает рабочее время и приводит к относительному простоя рабочей силы, воспроизводство которой становится возможным лишь в форме игры, с другой – при вовлечении новой рабочей силы он требует длительной ее подготовки, которая в отсутствии непосредственного контакта со средствами производства (примитивного работника бесполезно, а зачастую опасно допускать к сложным технике и технологиям) также возможна лишь в форме игры. Длительный технологический отрыв рабочей силы от средств производства, таким образом, создает необходимость ее воспроизводства и производства в форме игры.

Однако обособление человека от средств производства происходит не только в силу позитивных тенденций развития труда – роста его сложности и производительности, но и в силу негативных – его упрощения и отчуждения. В «Капитале» К. Маркс сформулировал т. н. всеобщий закон капиталистического накопления, согласно которому капиталистическое общество становится тем богаче, чем беднее становится каждый непосредственный его производитель (рабочий) [13, с. 572 – 662]. И речь в данном случае идет не столько о поляризации богатства, сколько о тотальном обнищании (упрощении) человека как деятельного существа. По сути К. Маркс обнаружил конкретно-историческую форму закона развития общественного производства, характерного для всей т. н. «Предыстории» человечества: развитие труда посредством его разделения и одновременной кооперации приводит к росту многообразия форм деятельности общества, но упрощает деятельность каждого индивида в отдельности. В «Предыстории» развитие общества и индивида находится в обратно пропорциональной зависимости. При капитализме данное противоречие достигает предельной формы:

большинство индивидов становятся «частичными», «одномерными» работниками. Их труд оказывается сведен к элементарному предметному действию. Рост многообразия индивидуальной деятельности, обеспечивающий переход общества на качественно новый этап исторического развития, оказывается уделом исключительного меньшинства его членов – инженеров, изобретателей и ученых.

Становясь частичным работником, индивид лишается возможности всестороннего развития в связи с преобразуемой им природой, относительная возможность саморазвития человека сохраняется лишь в форме игры. При этом игры частичных индивидов нередко также приобретают «частичные» формы: привыкший обеспечивать свою жизнь посредством нажатия пары кнопок машины, работник реализует свое «игровое бытие», нажимая пару клавиш игрового автомата. Вместе с тем, обладая универсальной, родовой и индивидуальной сущностью, человек все же стремится ее реализовать, и если этого невозможно сделать непосредственно в труде, то он начинает делать это в процессе игры. В обществе тотального отчуждения человека от производства игры оказываются куда более многообразны, а потому привлекательны, чем труд.

На определенном историческом этапе дифференциация труда приводит к его наиболее радикальному разделению – на непосредственно материальный и умственный. Относительное обособление умственного труда создает новые возможности для развития игры. Для незначительного числа представителей общества она становится профессиональным занятием. Появляются, например, профессиональные театр и спорт. Обывателю, изуродованному частичным трудом, в такой ситуации остается лишь активно созерцать игру профессионалов и в лучшем случае – подражать ей (появляются любительские театр и спорт). Однако подражание профессиональной игре позволяет человеку в своем развитии выйти за рамки частичной производственной жизни, стать сложнее, чем он есть в труде, пусть и не меняя природных обстоятельств своего существования.

Противоположным саморазвитию человека моментом труда является преобразование природы, которое при относительном обособлении от труда превращается в *симуляцию*. *Симуляция* представляет собой процесс изменения природы, относительно обособленный от саморазвития человека и труда как процесса усложнения человека и природы в их единстве. Если изменение предметов сохраняет их объективные форму и содержание, и предполагает объективное отношение человека к ним, то изменения человека все больше уходят в область *субъективного* (мыслимого). Симулируя производственную деятельность, человек не развивается ни практически

(объективно, материально), ни духовно, он лишь *представляет*, что развивается в обоих этих планах. Поскольку при симуляции не происходит развития человека, может показаться, что индивид занимается лишь простым воспроизводством своей рабочей силы (своих способностей и навыков). Однако, воспроизводство диалектически связано с производством, является его моментом [13, с. 528 – 540]. Не развивая себя, человек не может себя воспроизводить. Стало быть, симуляция оказывается ничем иным, как формой *деградации* индивида, упрощения его способностей. Поскольку преобразование природы является необходимой стороной производства человеком себя, а сам человек, симулируя деятельность, деградирует, то деградации подвергаются и средства производства: человек не только не выявляет новых свойств вещей и не использует их, он устраняет из практики уже обнаруженные и освоенные силы природы. Он даже не манипулирует «готовыми» вещами, как это моментами происходит в игре, он их «упрощает», используя не весь набор их функций, а лишь ту их часть, которая позволяет ему продолжать быть пусть и в условиях его распадающейся личности.

Ж. Бодрийяр понимал под симулякрот образ, оторванный от оригинала, форму, лишенную содержания, а под симуляцией – деятельность, создающую эти бессодержательные формы. Но важно подчеркнуть, что в симуляции человек лишается, прежде всего, собственного (производственного) содержания, презентуя себе и обществу лишь собственную форму, которая маскирует не столько его «пустоту» (человек полностью пустым никогда не становится), сколько «падение» в нее, собственную деградацию. *Симуляция* есть деятельность, теряющая свое производственное (преобразующее, развивающее человека и природу) содержание. При этом и сама форма, надо полагать, не остается неизменной: диалектически связанная с содержанием, она по мере утраты его, оказывается «теряющей» свои связи структурой, более примитивной «копией» той совокупностей связей, какой она была, будучи соответствующей некогда развитию человека. Подобное упрощение формы, по-своему зафиксировал Ж. Бодрийяр, различая симулякры разных порядков, «копии копий», симулякры, отсылающие не какому-либо содержанию («референту»), а к другим симулякрам [6, с. 111–166].

Как относительно обособленная сторона труда симуляция ему тождественна: в превращенном виде она содержит все присущие труду моменты – личный и вещный, которые изменяются по мере превращения труда в симуляцию. В труде – процессе производства собственной жизни – индивид использует средства производства, в мышлении, сопровождающем этот процесс – знаки (особого рода материальные предметы), при симуляции же

все опосредующие ее вещи превращаются в *средства симуляции*. Средствами симуляции могут выступать любые материальные объекты, созданные человеком, необходимые для его развития в труде или игре, в познании или игровом мышлении. Внешне, в вещном своем выражении, таким образом, симуляция, на первый взгляд, может показаться неотличимой от производственного процесса. Но отличие все же есть – средства симуляции маскируют, а в конечном счете, выражают и закрепляют деградацию работника.

Симуляция может, к примеру, начаться с использования меньшего числа функций машины, по сравнению с тем их количеством, которое работник задействовал ранее, что станет свидетельством упрощения навыков самого производителя. Она может проявиться в упрощении самой машины – изъятия «лишних» ее деталей, заменой материалов, из которых детали сделаны. Если подобные манипуляции с машиной ведут к потере времени ее эксплуатации, сбоям в действии ее механизмов, частым поломкам и т. п., то это будет ярким примером симуляции деятельности проектировщика, инженера и пользователя как в отдельности, так и вместе их взятых. Оправдание подобных манипуляций большей практичностью измененной машины, легкостью ее эксплуатации, ее дешевизной станет лишь очередной «маской», скрывающей деградацию деятельности. Другой «маской» может стать ребрендинг, в результате которого машине не будет добавлено ничего нового, кроме названия, и деятельность пользователя в лучшем случае до поры останется прежней. Возможны и другие манипуляции – расстановка машин по фэн-шуй, смена цвета или формы их корпуса и т. п. При этом симулирующий индивид будет убеждать и себя, и окружающих в полезности подобных манипуляций, поскольку они якобы будут способствовать росту производительности труда и прибыльности производства. Логичным итогом роста симуляции может стать и «научно», «философски» обоснованное убеждение, что именно симулирование является ведущей, единственно возможной в современных реалиях, или вовсе прогрессивной формой деятельности.

Труд всесторонне развивает человека, симуляция же способствует всесторонней его деградации. Симуляция мышления проявляется в манипуляции знаками в ущерб их смыслу, создания новояза, который не столько маскирует архаические абстракции, сколько их упрощает. Она проявляется в акцентировании частных смыслов в ущерб формированию интегрирующих их общих, в чрезмерном внимании к явлениям в ущерб прояснению их сущности, в нарочитой замене строгих понятий и определений метафорами и т. д. Симуляция общения проявляется в «коммуницировании», при котором

взаимное развитие индивидов подменяется простым присутствием людей вместе, в конечном итоге, отрывающем индивидов от производства их собственной жизни и обеспечивающем их взаимное упрощение. Симуляция лишает всякую деятельность производственного содержания: превращает практическую деятельность, труд в «активности», мышление – в обесмысливание, общение – в «коммуницирование».

Поскольку симуляция является формой деградации человека, существенной проблемой становится выяснение ее причин и условий. Будучи обособленным от труда его моментом, симуляция имеет причины своего возникновения не в себе, а в труде. Возможность симуляции появляется с высвобождением рабочего времени, которое происходит в силу роста производительности труда, его усложнения. Однако свободное время является общим условием как для дальнейшего развития труда, так и игры, и симуляции. Необходимой, неизбежной формой деятельности симуляция становится по мере роста исторической ограниченности старых форм производства.

Капитализм, например, существует за счет предельной специализации производства – частичного труда, поскольку только частичный труд создает отчуждение рабочей силы от себя (усредняет труд и отделяет его общее содержание – абстрактный труд в виде товарных стоимостей) и средств производства, делает необходимым частное присвоение результатов труда в форме прибавочной стоимости, шире – капитала [13]. Развитие общества, основанного на частичном труде, обеспечивается за счет сложной кооперации и применения технических новинок, в конечном счете, за счет роста наукоемкости производства. Кооперация и изобретения позволяют повысить производительность частичного труда, сократить занятость и, тем самым, увеличить производство относительной прибавочной стоимости. Прибыль создают частичные производители, но вот ее рост обеспечивают уже работники иного типа – ученые, изобретатели, инженеры, труд которых частичным не является. Труд изобретателя, к примеру, – всеобщий, сложный материальный и умственный одновременно, в высокой степени обобществленный и индивидуализированный [14, с. 207 – 211; 15; 16; 17, с. 150 – 205]. Обеспечивая развитие капиталистического общества, всеобщий труд, одновременно подрывает его основы (вымещает из непосредственного производства некоторую долю частичных работников, а жизнь оставшихся в производстве ставит в зависимость от успехов реализации всеобщего труда). Более того, становясь все более массовым явлением, всеобщий труд устраняет объективные основы отчуждения, в т. ч. отчуждения товарных стоимостей, частного присвоения и эксплуатации. Всеобщий труд неотчуждаем [16].

Современный предприниматель оказывается в сложной ситуации: с одной стороны, он может существовать лишь в обществе, основанном на частичном труде, с другой – его выживание напрямую зависит от успехов всеобщего труда и применения его результатов в капиталистическом производстве. По данной причине современный буржуа «инстинктивно» стремится максимально ограничить рост науки и изобретательства и одновременно максимально же сохранить долю частичных работников. Однако поскольку прибыльность капиталистического предприятия всецело зависит от сокращения числа занятых при сохранении роста производительности труда, капиталист стремится сохранить частичного работника, но уже вне сферы непосредственного материального производства.

Частичный работник может быть оставлен на предприятии, но доля его непосредственной вовлеченности в производственный процесс будет уменьшаться, что может проявиться в сокращении рабочего дня или выделении части рабочего времени на непроизводственные формы деятельности (бессмысленные корпоративные мероприятия, бесконечные производственные совещания, заполнение никому не нужной (кроме самих симулянтов) отчетной документации и т.п.). Однако частичный работник может быть и полностью вытеснен из производства и пополнить ряды клерков, коучей, секретарей, охранников и просто сопровождающих лиц (своего рода «свиты») начальников разных мастей и т. п. Освободившийся частичный работник в такой ситуации может делать все, но только не развиваться (переставать быть частичным).

Свободное время дает возможность человеку развивать свои навыки, получать, например, образование, но негласная установка на запрет всякого развития распространяется и на образовательную систему: фундаментальное образование уступает место узкоспециальному и прикладному, лихорадочное обновление учебных программ не затрагивает их содержания, навязывается бесконечная профессиональная переподготовка, сокращается аудиторная нагрузка, теория подменяется идеологией, внеучебные формы деятельности начинают довлеть над непосредственным обучением и т.п.

Поскольку капиталистическое общество строится на частичном труде, оно стремится его воспроизвести даже вне сферы непосредственного производства. Современному капитализму выгоднее, чтобы человек не развивался в процессе труда, а, например, играл. Но игра тоже способствует развитию человека, пусть и не затрагивая природных основ его существования. Капитализм, по данной причине, превращает игры частичного работника в частичные, сложные формы игры предлагаются производителю лишь в качестве зрелища. Поскольку игры в определенной степени несут

угрозу существованию современного капитализма, лучшим для него вариантом становится вытеснение частичного работника в сферу симуляции. Из этой среды постепенно формируются группы лиц, которые превращают симуляцию в род своей деятельности, тем самым раскручивая спираль симуляции в обществе: симулянты начинают плодить симулянтов. Но парадокс ситуации заключается в том, что симулирующий работник, в конечном счете, не сохраняет свои частичные навыки, а теряет их, оставляя капитализму все меньше исторического пространства.

Симуляция – столь очевидное явление современности, свойственна, можно полагать, всем историческим эпохам, способам производства человеческой жизни на пределе их развития. Она раскрывается во всех сферах жизни, и ее доля становится тем больше, чем стремительнее разрушаются старые порядки. Деградирующее старое общество оказывается способным продлить свое существование лишь в виде «симулякра».

Как субстанциальное свойство человека, труд является «общим родом» как для себя, так и для всех прочих форм деятельности, в т. ч. игры и симуляции. Он является их объективным основанием, создает материальные условия для их эмансипации и смены содержания, а при определенных исторических обстоятельствах позволяет достигать колоссальных масштабов, сопоставимых с масштабами реализации самого непосредственного материального производства.

## Список литературы

1. *Надолинская Т.В.* Игра в контексте истории философии, культуры и педагогики // Образование и наука. 2013. № 7 (106). С. 138 – 152.
2. *Хейзинга Й.* Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха. 2011. – 416 с.
3. *Кайуа Р.* Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры. М.: ОГИ, 2007. – 304 с.
4. *Платон.* Софист // Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. М.: «Мысль», 1993. Т. 2. С. 275 – 345.
5. *Делез Ж.* Симулякр и античная философия // Делез Ж. Логика смысла. М. – Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. С. 329 – 365.
6. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: «Добросвет», «Изд-во КДУ», 2011. – 392 с.
7. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. М.: Изд. дом «Постум», 2015. – 240 с.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3.
9. *Корякин В.В.* Труд и единый закономерный исторический процесс. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2008. Ч. 2. – 340 с.
10. *Корякин В.В.* К вопросу о субстанциальности человека и диалектике производства его индивидуальной, родовой и универсальной сущности // Новые идеи в философии. 2014. Вып. 1 (22). Т. 1. С. 38 – 46.
11. *Орлов В.В.* Материя, развитие, человек. Пермь: изд-во Пермского ун-та, 1974. – 395 с.

12. Орлов В.В. Человек, мир, мировоззрение. М.: «Молодая гвардия», 1985. – 220 с.
13. Маркс К. Капитал. Т. 1// Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. в 9-и томах. М.: Политиздат, 1987. Т. 7. – 811 с.
14. Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики. Пермь: изд-во Пермского ун-та, 2005. – 265 с.
15. Корякин В.В., Орлов В.В. Труд, стоимость и собственность в современном обществе// Вестник Вятского гос. гум. ун-та. 2009. Т. 4. № 4. С. 46 – 55.
16. Корякин В.В. Современный мир и философия// Новые идеи в философии. 2013. Вып. 21. С. 11 – 30.
17. Гриценко В.С. Труд в постиндустриальном обществе. Пермь: изд-во Пермского ун-та, 2013. – 210 с.

## LABOR, PLAY AND SIMULATION. TO THE QUESTION OF THEIR OBJECTIVE ATTITUDE

***Vyacheslav V. Koryakin***

Perm State National Research University  
614990, Perm, st. Bukireva, 15

Work is a substantial property of a person. It is a "common genus" of all forms of human activity, including games and simulations. As a process of man's production of his own life through the transformation of nature, it contains two main points – the development of man and the development of nature. Under certain objective circumstances created in the process of labor itself, these two moments acquire the character of relatively independent forms of activity, emancipate. Man's production of himself in isolation from the transformation of nature turns into a game, changing nature in isolation from human self-development becomes a simulation.

Keywords: labor, game, simulation, human essence, material production, simulacrum



## СИМУЛЯЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК РЕАКЦИЯ НА УСЛОЖНЕНИЕ ТРУДА

***К.В. Кадочников***

Аспирант направления «Онтология и теория познания»

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Kadochikov@yandex.ru

Статья посвящена актуальной для позднекапиталистического общества проблеме превращения человеческой деятельности в симуляцию. Это социальное явление рассматривается с позиций марксизма и неомарксизма. Выдвигается гипотеза о связи симулякров и симуляций с усложнением современного труда. Предлагается определение симуляции как фиктивно-демонстрационной, вырожденной, квазипроизводительной формы деятельности, отражающей нарастающие противоречия между усложняющимися производительными силами и архаичными производственными отношениями. Также выдвигается и обосновывается тезис о симуляции деятельности как кризисном явлении — утрате человеком собственной сущности.

Ключевые слова: симулякр, симуляция, капитализм, всеобщий труд, сущность человека, неомарксизм

Сегодня в связи с обострением внутренних противоречий капитализма на позднем этапе его развития (в научной литературе встречаются разные термины для обозначения данной стадии: семиокапитализм [1], постиндустриальное общество [2], менеджериальный капитализм [3] и др.) мы можем наблюдать усиление тенденций превращения человеческой деятельности в фиктивно-демонстрационную симуляцию.

Симуляция деятельности становится одной из актуальных проблем современности. Американский социальный антрополог Д. Гребер приводит статистические данные, свидетельствующие о том, что рабочее время, используемое американскими офисными сотрудниками на выполнение основных обязанностей, сократилось с 46% до 39% [3, с. 54]. Большую часть их рабочего дня занимают: просмотр электронной почты, различные совещания и выполнение побочных задач, которые сотрудники открыто называют «идиотскими». Исследователь отмечает, что схожие тенденции можно

наблюдать и в иных отраслях деятельности: так преподаватели вузов «тратят все больше времени на заполнение административных бумаг», а медсестры жалуются, что работа с документацией и различные встречи занимают около 80% рабочего времени [3, с. 54].

Процессы симуляции деятельности можно описать как фиктивно-демонстрационную деятельность, где процесс превалирует над результатом, а операции с материальными предметами замещаются манипуляциями с идеальными знаками и образами. Подобные явления весьма подробно описаны в современных гуманитарных исследованиях: неклассической философии, социологии и социальной антропологии. Однако сущность и основания этого феномена, на наш взгляд, в достаточной мере не раскрыты.

Одним из первых к проблеме симулированной деятельности обратился французский мыслитель Ж. Бодрийяр во второй половине XX века. Именно он ввел в философский дискурс понятия «симулякр» (как «чистый» знак неотсылающий к какому-либо референту) и «симуляция». Современный мир, согласно Ж. Бодрийяру, – это «мир обмана, где вся культура усиленно трудится над своей подделкой» [4, с. 39], а форма превалирует над содержанием. Военная промышленность производит не только оружие, но и ложные цели – «обманки», фармацевтическая промышленность – не только лекарства, но и плацебо (препараты, не обладающие лечебными свойствами и имитирующие внешний вид лекарственных средств). В университетах «симулякр научной деятельности» обменивается на «симулякр диплома» [5, с. 205]. Даже камеры видеонаблюдения в супермаркетах не используются по прямому назначению («полное наблюдение за всеми точками потребовало бы более сложного и технически совершенного оборудования, чем сам магазин»), а лишь создают видимость контроля, «являются частью антуража симулякров» [5, с. 104].

Эти явления философ связывает с развитием материального производства, автоматизацией труда, и в конечном счете, с утратой значения данного производства в силу его избыточности. Нарастивая объемы выпуска абсолютно идентичных друг другу объектов-копий, заменяя все большую долю живого труда машинным и автоматизированным, промышленность выходит к пределам своего развития – «концу производства».

В результате категории классической политэкономии утрачивают свое содержание. На первый план выходят не утилитарные свойства товара (благодаря массовому производству недостатка в товарах нет, следовательно, они не являются ценностью сами по себе), а его символическое значение, способное выразить и продемонстрировать социальный статус владельца. Товар превращается в знак, бренд, а мир — в знаковую систему, в текст,

нуждающийся в перманентном декодировании: «социальные иерархии, статусные различия, кастовые и культурные привилегии, поддерживаемые знаками, подсчитываются в качестве прибыли, в качестве личного удовлетворения и ощущаются как потребности» [6, с. 197]

Труд же, перетекающий в расширяющуюся сферу услуг, больше не связан с непосредственным производством и становится символом, выражающим включенность человека в господствующий знаковый «код». «Предоставление услуги — это отдача своего тела, времени, пространства, серого вещества. Производится ли при этом что-нибудь или нет — не имеет значения» [7, с. 67]. Человек, как отмечает Ж. Бодрийяр, больше не трудится, а лишь «обозначает труд» [7, с. 69].

На наш взгляд, французский мыслитель адекватно описал актуальные общественные тенденции, однако с предлагаемыми им теоретическими объяснениями сложно согласиться. Особенно дискуссионным нам представляется тезис об утрате значения труда и материального производства в современном мире. Представляется, что Ж. Бодрийяр в своих текстах трактует труд упрощенно, рассматривает его исключительно как средство для создания материальных благ, общественного богатства. Однако труд не сводится только к этому моменту, а является сущностным свойством человека, его способом существования и саморазвития. В труде человек творит и преобразует не только окружающий мир, но и самого себя. Следовательно, труд может исчезнуть либо утратить свое значение только вместе с человечеством.

По нашему мнению, для более глубокого исследования симуляции как социального явления — установления ее сущностных свойств, предпосылок и оснований весьма продуктивным может оказаться обращение к гуманистическому марксизму и соответствующей ему материалистической методологии, так как эта социально-философская традиция уделяет особое внимание труду как сущностному, универсальному свойству человека. Люди, согласно К. Марксу, таковы, каким образом они производят свою жизнь и какое место занимают в системе общественного производства. Следовательно, мы можем определить сущность и основания симуляции деятельности путем анализа современной конкретно-исторической формы труда. Мы полагаем, что симуляция деятельности связана не с утратой значения материального производства, а с его качественным усложнением, наглядно проявившимся во второй половине XX века.

Конечно, сложный, интеллектуально насыщенный, но при этом материальный труд в различных исторических формах существовал на протяжении значительной части истории человечества. К. Маркс называл такой труд

«всеобщим» и определял его как «всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение» [8, с. 116]. Всеобщий труд снимает в себе противоречие между материальной и духовной деятельностью, опирается на совокупный предшествующий опыт человечества, накопленный на том или ином этапе исторического развития, и следовательно, «производит человека как целостное, тождественное себе, человеческому роду и объективному миру социальное, материальное существо в единстве всех сторон и атрибутов его жизни» [9, с. 21].

Как мы уже отмечали, всеобщий труд имеет свои исторические формы. Так, К. Маркс в Экономических рукописях 1857–1859 годов писал о «всеобщем общественном знании», воплощенном в системе машин и превращенном в «непосредственную производительную силу» — «General intellect» [10, с. 128]. В капиталистической социально-экономической формации всеобщий труд создает и совершенствует средства производства, однако не является преобладающей формой труда. Основой капиталистического способа производства являются абстрактный («труд вообще») и частичный, узкоспециализированный труд. Первый представляет собой «расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле» [11, с. 55] и является источником стоимости. Второй заключается в исполнении сотрудником одних и тех же повторяющихся операций на отдельном этапе производства. Таким образом большинство индивидов в капиталистической формации подвержены «профессиональному кретинизму» — развиваются лишь частично, односторонне, превращаясь в «профессионально ограниченные «винтики» [12, с. 140]. Однако производительность и богатство общества в целом возрастают за счет усиления специализации деятельности его отдельных членов.

Во второй половине XX века, в связи с автоматизацией труда (отдельные, простые операции теперь выполняются машинами, а не людьми) в странах с наиболее развитыми капиталистическими отношениями возрастает доля сложного, наукоемкого труда. На этот процесс обратили внимание представители итальянского неомарксизма — «постопераизма»: Ф. Берарди и П. Вирно. Исследователи в своих текстах зафиксировали возникновение в 60-х годах нового социального явления — «массовой интеллектуальности»: сближения материального и интеллектуального труда и, как следствие, повышение требований к интеллектуальным и коммуникативным способностям сотрудников, занятых на современном производстве.

Для объяснения особенностей современного труда П. Вирно обращается к сформулированному К. Марксом термину «General intellect» и переинтерпретирует его. По мнению итальянского философа, «General intellect»

сегодня включает в себя не только (и не столько) специализированные научные знания, воплощенные в системе машин, но и самих людей, использующих в своей производственной деятельности общечеловеческие интеллектуальные и коммуникативные способности (язык, память, абстрактное мышление, способность к саморефлексии и т. д.).

Современный труд во многом является публичной деятельностью (подобно деятельности музыканта, актера, учителя или партийного организатора), где «болтовня» из избыточной, дополнительной человеческой деятельности трансформируется в значимую часть производственного процесса: «общий интеллект представляет единое целое с кооперацией, с коллективным действием живого труда, с коммуникативной компетенцией индивидов» [13, с. 75].

Одним из внешних проявлений процесса «интеллектуализации» труда, согласно Ф. Берарди, стали совместные протесты рабочих и студентов в США, Франции и Италии в 1968 – 1969 годах. Как отмечает философ, современные ему интеллектуалы «уже не класс, независимый от производства» и «не группа свободных индивидов, которые добровольно берут на себя реализацию чисто этического и намеренно познавательного выбора», а «массовый социальный субъект, который стремится стать составной частью общего процесса производства» [1, с. 32]. Таких наемных работников Ф. Берарди называет «когнитариатом», противопоставляя их традиционному промышленному пролетариату [1, с. 34]. Когнитивный труд не поддается измерению рабочим временем, так как «характеризуется неравномерностью трудозатрат в течение рабочего дня (с точки зрения объема выработанной стоимости) [1, с. 92]». Кроме того, границы между рабочим временем и досугом оказываются размытыми.

С развитием информационных технологий и Интернета когнитивный труд, согласно Ф. Берарди, становится массовым. Он становится все более унифицированным по форме, но специализированным по содержанию. «Адвокат и архитектор, работник IT и служащий супермаркета сидят у одинаковых мониторов и нажимают на одни и те же клавиши, но при этом ни один из них никогда не сможет занять место другого, ведь содержание их труда, направленного на выработку знаков, в каждом случае, совершенно иное, а один тип работы невозможно свести к другому» [1, с. 94]. Тем не менее, на наш взгляд, не стоит ставить знак равенства между «когнитивным» и «всеобщим трудом». Субъект когнитивного труда в качестве пользователя персонального компьютера может выполнять одни и те же узкоспециализированные действия (и развиваться лишь односторонне) также как индустриальный частичный рабочий пару веков назад.

Всеобщий, по-настоящему творческий труд, направленный на создание принципиально новых объектов и сочетающий в себе сложные формы материальной и духовной деятельности (создание новых средств производства, высокотехнологичная медицина, прикладная наука), составляет значительную часть «когнитивного труда», но полностью с ним не совпадает. Доля всеобщего труда в современном производстве не столь значительна, чтобы говорить о принципиально новом типе общества, отличном от капиталистического, но, по нашему мнению, уже достаточна для проявления противоречий между формирующимися новыми производительными силами и сдерживающими их развитие актуальными производственными отношениями.

Наращение противоречий между развитием всеобщего труда и неадекватными ему формами организации (как труда абстрактного и частичного) было предугадано еще К. Марксом: «С одной стороны, капитал вызывает к жизни все силы науки и природы, точно так же как и силы общественной комбинации и социального общения, — для того чтобы созидание богатства сделать независимым (относительно) от затраченного на это созидание рабочего времени. С другой стороны, капитал хочет эти созданные таким путем колоссальные общественные силы измерять рабочим временем и втиснуть их в пределы, необходимые для того, чтобы уже созданную стоимость сохранить в качестве стоимости» [10, с. 128].

Современные исследователи фиксируют это противоречие уже как наличный факт. Так, теоретики постиндустриального общества Э. и Х. Тоффлеры отмечают, что на высокотехнологичных предприятиях продолжают использоваться «традиционные способы повышения производительности, применявшиеся на текстильных фабриках или конвейерах автозаводов в прошлом веке» [14, с. 73]. Сложный современный труд и его оценка сводятся к простым количественным показателям — числу ударов по клавиатуре компьютера или звонков в час, которые соответствуют столь же относительно простым формам организации человеческой деятельности.

О том же пишут П. Вирно: «Наука, информация, знание в целом, кооперация представляются опорой производства. Именно они, а не время труда. Однако это время продолжает иметь значение параметра развития и меры социального богатства. <...> Время труда это действующая, но уже не истинная единица времени» [13, с. 129]» и Ф. Берарди: ««На определенной стадии развития внедренного в производство умственного труда капиталистическая модель начинает функционировать как парадигматическая ловушка: интеллект и деятельность оказываются в плену у заработной платы, дисциплины и зависимости»» [1, с. 76]».

На наш взгляд, причины появления различных форм симуляции деятельности стоит искать именно в обостряющемся противоречии между усложняющимся трудом и уже не соответствующими ему формами организации. Автоматизация производства во второй половине XX века высвободила значительную часть рабочих из индустриального производства и стимулировала появление новых рабочих мест в сфере услуг, интеллектуального и всеобщего научного труда. Однако места в сфере услуг и интеллектуального труда в основном сохраняют частичный и узкоспециализированный характер. А представители всеобщего труда сталкиваются с тем, что не могут в полной мере реализовать свой потенциал, так как актуальная организация производства соответствует абстрактному, частичному, разделенному, специализированному труду и частнособственническим (опять же частичным) формам присвоения. К примеру, всеобщий труд опирается на совокупные знания человечества, а институт авторского права ограничивает их распространение и свободный обмен информацией.

Кроме того, в сохранении частичного и абстрактного труда как основы капитализма и источника стоимости заинтересованы собственники средств производства (предприниматели). В развитии же всеобщего труда они заинтересованы ограниченно. Так как, с одной стороны, продукты всеобщего труда сокращают общественно-необходимое рабочее время и увеличивают прибавочную стоимость, что соответствует интересам предпринимателя. С другой — всеобщий труд непосредственно не создает прибавочной стоимости и, более того, содержит в себе возможность для упразднения основ капиталистического способа производства — разделения труда и частной собственности. Соответственно, можно предположить, что собственники средств производства будут стремиться ограничить развитие всеобщего труда, искусственно разделяя его на отдельные, частичные операции.

Организация всеобщего труда как частичного и абстрактного, а также углубляющаяся специализация самого частичного труда (в наиболее гротескных формах «должностные обязанности» сотрудника могут сводиться к «профессиональному» заполнению конфетниц в офисе или сортировке электронной почты руководства [3, с. 62 – 66]) порождают вырожденные, квазипроизводительные формы симуляции труда (и человеческой деятельности в целом). Такая деятельность сохраняет внешние, формальные признаки труда, маскирующие отсутствие действительного содержания. Подобная деятельность является фиктивно-демонстрационной, она замкнута сама на себе и не имеет иной цели, кроме самопрезентации, не является производительной и/или общественно значимой. Абсолютным здесь является процесс, а не результат. Субъекты, симулирующие деятельность,

оказываются оторванными и от продуктивного частичного и от всеобщего труда, следовательно, они как люди утрачивают свою родовую сущность, заключающуюся в производстве окружающего мира и самих себя.

Пугающие следствия этого «расчеловечивания» убедительно продемонстрированы Д. Гребером на основе исследовательских интервью со множеством респондентов, занятых квазипроизводительной, «бредовой работой». Антрополог подчеркивает, что среди таких сотрудников чрезвычайно распространены утрата творческих способностей, потеря смысла жизни, депрессия и различные психосоматические расстройства. «Подобно тому как узник в одиночной камере начинает страдать от поражения мозга, рабочий, лишенный всякого ощущения цели, часто испытывает умственное и физическое истощение» [3, с. 167]. Не случайно такие рабочие места, согласно Д. Греберу, концентрируются в корпоративном и финансовом секторах, которые оторваны от непосредственного производства и занимаются отчуждением и перераспределением ресурсов. Разрастание этих секторов и превалирование их в экономике развитых стран стало возможным в результате уже упоминавшихся роста автоматизации и производительности промышленности, достигнутых за счет внедрения и совершенствования продуктов всеобщего труда во второй половине XX века. Полученная прибыль стимулировала инвестиции в спекулятивный финансовый рынок. Эти вложения были более «безопасными» для сохранения капитализма, чем финансирование дальнейшего развития всеобщего труда. А высвободившиеся индустриальные рабочие пополнили ряды так называемого «офисного планктона». В результате к началу XXI века продукты труда «когнитариата» и его производительная мощь оказались «экспроприированы меньшинством невежественных спекулянтов, которые хорошо себя проявляют только при обработке юридических и финансовых аспектов производственного процесса» [15].

Вслед за базисом меняется и политическая надстройка. Если экономика отрывается от своей сущности — материального производства, то политика также утрачивает свое сущностное свойство — управление. Здесь начинают превалировать внешние формальные стороны деятельности: политические партии теряют свою социальную базу и превращаются из представителей чьих-либо интересов в пустые «бренды», а выборы становятся специфическим реалити-шоу, где конкуренция политических программ уступает борьбе «имиджей».

В результате мы наблюдаем масштабный кризис представительной демократии, заключающийся в разделении публичной политики и непосредственного управления: «в ходе выборов больше не происходит скольконибудь существенная смена чиновников-экспертов, осуществляющих



рутинную работу по управлению в «коридорах власти» [16, с. 104]. Формируется альтернативная демократической — технократическая модель управления, где массы отчуждены от принятия политических решений, отданных на откуп неподконтрольным обществу «профессиональным управленцам».

Симуляцию деятельности, по нашему мнению, стоит рассматривать как кризисное явление, отражающее переходный характер современной эпохи и нарастающие противоречия между усложняющимися производительными силами и архаизирующимися производственными отношениями. А утрату человеком собственной сущности, творческих способностей — как одну из глобальных проблем современности, требующей особого внимания. Человечество столкнулось с пугающей перспективой превращения в «цивилизацию пустоты» [1, с. 208] и разрешение стоящих перед ним проблем, вероятно, связано с перспективами развития всеобщего труда и выстраивания адекватных ему производственных отношений.

### Список литературы

1. *Берарди Ф.* Душа за работой: от отчуждения к автономии / пер. с ит. К. Чекалова. М.: Издательство Грюндриссе, 2019. — 320 с.
2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество / пер. с англ. под редакцией В.Л. Иноземцева (включен в реестр иноагентов Минюстом РФ). М.: Академия 1999. — 788 с.
3. *Гребер Д.* Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда / пер. с англ. А. Арамяна и К. Митрошенкова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. — 368 с.
4. *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в заливе не было / пер. с фр. А. Качалова. М.: РИПОЛ классик, 2016 — 224 с.
5. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2016. — 240 с.
6. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака / пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: РИПОЛ классик, 2020. — 352 с.
7. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Зенкина. М.: «Добросвет», «Издательство “КДУ”», 2015. — 392 с.
8. *Маркс К.* Капитал Т.3 // Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 25. Ч 1. — 545 с.
9. *Корякин В. В.* Современный мир и философия // Новые идеи в философии. 2013. Вып. 21. Т. 1. С. 11–30.
10. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф., Соч.: в 50 т. 2-е изд. М., 1968. Т. 46, ч. II. — 244 с.
11. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. I // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва: Политиздат. 1960 — 907 с.
12. *Ильенков Э.В.* Об идолах и идеалах. К.: «Час-Крок», 2006 — 312 с.
13. *Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / пер. с ит. А. Петровой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. — 176 с.
14. *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь / пер. с англ. М. Султановой и Н.Циркун. М.: АСТ, 2008, — 570 с.
15. *Берарди Ф.* Что значит автономия сегодня? URL: [https://antijob.net/class\\_war/id609/?\\_\\_cf\\_chl\\_rt\\_tk=X0Z0jACYSub4egwL5r7FxFxMyrPkxy\\_orgVxRNOjMYHgM-1717868711-0.0.1.1-3924](https://antijob.net/class_war/id609/?__cf_chl_rt_tk=X0Z0jACYSub4egwL5r7FxFxMyrPkxy_orgVxRNOjMYHgM-1717868711-0.0.1.1-3924)
16. *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. Версия 2.0. Спб.: Петербургское Востоковедение, 2002. — 224 с.

## **SIMULATION OF ACTIVITY AS A RESPONSE OF INCREASING COMPLEXITY OF LABOR**

***Konstantin K. Kadochnikov***

Perm State University

15, Bukireva St., Perm, 614068, Russia

The article is devoted to the problem of human activity becoming a simulation of itself in late capitalist society. The social phenomenon is considered from the standpoint of Marxism and neo-Marxism. The author proposes a hypothesis on the connection between simulacra and simulations with the increasing complexity of modern labor. A direct relationship between the simulation of activity and the contradiction between actual productive forces and archaic relations of production is discovered. In addition, the author examines the simulation of activity as a sign of crisis and the loss of the human's own essence.

Keywords: simulacrum, simulation, capitalism, universal labor, the essence of man, neo-Marxism

## **НОВЫЙ КЛЮЧ К ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЕ: ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО МАТЕРИАЛЬНОГО ОТРАЖЕНИЯ**

***В.С. Буйневич***

Студент 2 курса магистратуры, направление «Философия»

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: [buynevich.95@mail.ru](mailto:buynevich.95@mail.ru)

Психофизиологическая проблема до сих пор остается сложной для решения из-за противоречия несоответствия субстрата и его атрибутов, которое заложено в самой её постановке. Это противоречие возникает вследствие признания прямой связи между психикой и мозгом. Однако психика (включая сознание) принадлежит не мозгу, а человеку как социальному существу, способному создавать самого себя и материальную жизнь в процессе труда. Психические и физиологические процессы взаимосвязаны не напрямую друг с другом, а через труд, который является их общей основой. Именно труд воздействует на биологию человека через изменение окружающей среды, к которой человек вынужден адаптироваться, и формирует идеальное сознание, изменяя при этом и самого человека, и окружающую его природу.

Ключевые слова: психофизиологическая проблема, труд, социальная сущность, социальный субстрат, сознание, отражение, высшее и низшее, идеальное.

В центре внимания настоящей статьи лежит психофизиологическая проблема, как вопрос о соотношении психических и физиологических процессов [1]. Несмотря на то, что она является традиционной для философии, в настоящее время данная проблема не теряет своей актуальности. В свете последних достижений в области искусственного интеллекта, подготовки испытаний по вживлению нейрочипов в человеческий мозг особо остро встают вопросы о природе нашего сознания, о том может ли оно возникнуть у машин и что с ним может произойти при вживлении в мозг нейроимплантов.

Данная проблема является междисциплинарной, однако именно в философии она формулируется в наиболее фундаментальном ключе, как вопрос о соотношении двух реальностей объективной и субъективной, иде-

ального и материального в человеке, сознания и его физиологии. В настоящее время данная проблема не решена, что отмечают исследователи и классики аналитической философии, где проблема сознания является одной из центральных последние 50 лет [2].

Если рассматривать подходы к решению психофизиологической проблеме в классической философии, аналитической и современном диалектическом материализме, можно увидеть, что возможные решения ее зависят от понимания сущности, сущностных сил и субстрата человека. Классическая философия исходила из абстракции человека как природно-мыслящего существа. Однако, такое понимание содержало в себе парадокс несоответствия субстрата и атрибутов, так как простому биологическому объекту приписывалось сложное «надприродное» свойство – сознание, свойство оказывалось сложнее своего носителя. Из подобной ситуации возможными оказывались три основных выхода: 1) свести физиологию к сознанию и понять человека как сугубо духовное существо (идеализм), 2) редуцировать сознание к физиологии, лишив его своей специфики (вульгарный материализм), 3) признать сознание и материю двумя независимыми субстанциями, а человека двойственным существом (дуализм).

Аналитическая философия, несмотря на отрицание классики, по-видимому, не преодолевает классического понимания базовых абстракций человека, сознания и материи. В следствии чего, в формулировке психофизиологической проблемы, которая у них называется «трудной проблемой сознания», они пытаются отыскать, как мозг порождает сознание, то есть допускают наличие прямой связи между сознанием и физиологией, что свидетельствует о сохранении парадокса несоответствия субстрата и атрибута и отсутствии его решения, его содержании уже в самой формулировке проблемы.

Такую постановку вопроса предложил австралийский философ Д. Чалмерс, который в 1994 году разделил проблемы сознания на «лёгкие» и «трудную» [3 с, 130]. Легкие проблемы можно решать стандартными методами частных наук и исследовать с позиции 3-го лица (например, сюда относятся механизмы памяти и обучения), однако так нельзя поступить с «трудной» проблемой, ведь методы частных наук не могут быть применимы к нашей внутренней субъективной реальности: сознание как таковое нам всегда открывается от 1-го лица, и именно эта специфика нашей субъективной реальности лежит в основе трудной проблемы [4, с. 160]. Трудная проблема сознания имеет следующую формулировку: «как ментальные состояния, в их качественном аспекте, соотносятся с соответствующими им нейронными процессами и почему они вообще существуют в привязке к

этим процессам?» [4, с. 33]. Под термином «квалиа» понимается внутреннее переживание, которым сопровождаются ментальные состояния, некое феноменальное качество сознательного опыта, взгляд на сознание изнутри, одним словом, субъективность сознания [5, с. 45]. В данной проблеме обычно выделяется два аспекта. 1. Как объяснить связь явлений субъективной реальности с мозговыми процессами, если первым нельзя приписывать физические свойства (массу, энергию, пространственные характеристики), а вторые ими необходимо обладают? 2. Если явлениям субъективной реальности нельзя приписывать физические свойства, то как объяснить их способность причинного действия на телесные процессы [6, с. 92]? Это приводит к тому, что все многообразие концепций и направлений в рамках аналитической философии не выходит за рамки классического дуализма и вульгарного материализма, а все попытки решения заходят в тупик [4, с. 190].

Все многообразие подходов к решению проблемы сознания в рамках аналитической философии часто сводят к различным направлениям физикализма, которые пытаются лишить сознание его особого нефизического свойства, его субъективности, и теориям, которые пытаются отстоять субъективный характер сознания («квалиа») (такие теории называют «нефизикалистскими») [20. С. 36]. Подобное деление и непримиримый спор между направлениями обусловлен тем, что существование сознания, которое имеет нефизический характер, на первый взгляд, противоречит принципу каузальной замкнутости Вселенной (имеется в виду, что у каждого физического явления должны быть физические причины). А проблема состоит в том, что возникает противоречие между субъективным (нефизическим) характером сознания и тем, что наши мысли лежат в основе наших вполне физических действий. В такой ситуации приходится либо отстаивать принцип каузальной замкнутости мира и отказывать сознанию в его субъективности и нефизическом характере, либо защищать субъективность сознания и пытаться соотнести его с материей, что часто приводит к дуализму или идеализму в попытках решения в рамках аналитической философии проблемы сознания.

По нашему предположению, решение и понимание проблемы сознания зависит от того, как философы понимают сущность и субстрат человека. Аналитические философы, как наследники позитивизма, не занимаются проблемой сущности человека, но, чтобы стоять теории сознания, им все равно приходится подспудно исходить из какого-либо понимания человека. Мы предполагаем, что поскольку проблематика сущности человека специально не развивалась в рамках позитивизма и аналитической философии,

философы данного направления до сих пор понимают человека в духе философии Нового времени как природно-мыслящее существо. А субстрат человека мыслят, как сугубо биологический. Возможно, именно из-за такого концептуального фундамента практически все попытки решения проблемы сознания в рамках аналитической философии принципиально не выходят за рамки вульгарного материализма и дуализма. Таким образом, сама постановка проблемы содержит в себе парадокс несоответствия субстрата и атрибутов, из-за чего все попытки решения заходят в тупик.

Понимание сущности человека в диалектическом материализме не как существа мыслящего, а как существа трудящегося позволяет снять парадокс несоответствия субстрата и атрибутов, ведь теперь человек понимается не как существо природное, а как социальное, которое имеет социальные свойства. Однако, как показала дискуссия 60-х годов XX века вокруг психофизиологической проблемы между Э.В. Ильенковым и Д.И. Дубровским, данный парадокс преодолен не был. В 60–80-е годы в отечественном материализме стала утверждаться концепция человека как биосоциального существа, где его сущность была сведена к его основным атрибутам, труду и общению. А в функциональной концепции сущности человека, которой придерживался Э.В. Ильенков, сущность человека определялась теми отношениями, в которые он может вступать. При этом сам человеческий субстрат многие продолжали мыслить как сугубо биологический [7, с. 70–71]. Это приводило к тому, что в вопросе характера связи между сознанием и мозгом, данная связь либо вообще отрицалась, а само идеальное выносилось в сферу общественных отношений, как это было у Э.В. Ильенкова [8, с. 222]. Либо, сознание выводилось из устройства мозга, как это было у Дубровского, в последних вариантах теории которого идеальное отождествляется с информацией, что приводит к редукционизму и отождествлению сознания с нейронными кодами [9, с. 93]. Все это говорит о том, что авторы, понимая человеческий субстрат как биологический, не смогли преодолеть ограниченность традиционной формулировки проблемы сознания, которая признает наличие прямой связи сознания и мозга, сохраняя, тем самым, парадокс несоответствия субстрата и атрибутов.

Цель данной статьи – предложить новый подход к решению психофизиологической проблемы через установления ее связи с пониманием сущности человека и способа его существования, что позволило бы преодолеть трудности, связанные с традиционной постановкой проблемы. Мы будем исходить из концепции, предложенной В. В. Орловым, так как именно она, на наш взгляд, обладает наибольшим потенциалом для перспективной формулировки проблемы сознания и дальнейшего ее решения. Однако данная

концепция, содержащая попытку решения психофизиологической проблемы, имеет несколько слабых мест, которые необходимо прояснить.

Сознание – это способность человека к идеальной форме отражения. Идеальное есть «предмет, пересаженный в голову человека и преобразованный в ней» [15, с. 21], в более строгом виде – это предмет, лишенный своего непосредственного субстрата и существующий на основе другого, универсального материального субстрата – человека [16, с. 155]. Если труд – это сознательный процесс, и концентрированное выражение сущности человека, то каким образом идеальное человеческое сознание может привести в действие свое вполне материальное тело и заставить его совершать нужные мускульные усилия? Объясняя то, как сознание может управлять телом, В.В. Орлов исходит из концепции «физиологических основ психического». Основные ее положения можно сформулировать следующим образом: психическое и физиологическое выступают как два уровня деятельности мозга, относятся друг другу как высшее и низшее. В их отношении выделяется три момента (согласно общим закономерностям отношений высшего и включенного низшего). 1. Психическое возникает из физиологического и находится в зависимости от него. 2. Психическое подчинено своим собственным законам. 3. Психика оказывает обратное влияние на физиологию, играет ведущую роль в управлении поведением человека и животных. Каждое психическое явление имеет структурно ей соответствующий эквивалент на физиологическом уровне, в качестве своей основы («теневую» систему) [10, с.183 – 201]. И в то же время психические явления, благодаря структурному соответствию этой основе, могут управлять физиологическими процессами. Существуют две «картины» мозга: физическая, где он представлен как набор качественно однородных физиологических явлений, и психологическая, где присутствует система качественно разнородных психологических образов [11, с. 32 – 33].

В целом, данное объяснение необходимо, но недостаточно по нескольким причинам: 1) Эта теория объясняет связь психики с телом, а не сознания (идеального) с телом. На наш взгляд, недостаток концепции В.В. Орлова в том, что он подменяет проблему связи идеального и биологического в человека, проблемой участия психики в поведении человека и животных. Психика – это «форма активного отображения субъектом объективной реальности, возникающая в процессе взаимодействия высокоорганизованных живых существ с внешним миром и осуществляющая в их поведении (деятельности) регулятивную функцию» [11, с. 36]. В понимании соотношения психического и идеального мы будем следовать следующей формуле: «вся-

кое явление субъективной реальности должно быть интерпретировано в качестве психического явления. Но разумеется, не всякое психическое явление может быть интерпретировано в качестве идеального» [18, с. 53]. Вероятно, в психике есть не только идеальные, но и материальные компоненты.

2) Закономерности отношения между высшим и низшим, на основании которых строится данная схема объяснения, могут подходить только к чему-то такому, что имеет сложность. Ведь высшее потому и высшее, что оно сложнее низшего. Они относятся как сложное и простое. Уровни материальной организации человека как раз различаются по сложности. То есть, чтобы существовали горизонтальные отношения между высшим и включенным в него низшим, и низшее, и высшее должны быть материальны. В данной схеме объяснения, В. В. Орлов приписывает психике идеальные свойства, говоря, что психика представляет собой субъективные образы. Но идеальное не имеет «собственной» сложности, понятие сложности к сознанию не применимо непосредственно, его сложность будет зависеть от сложности материального носителя [12, с. 269 – 270]. Поэтому, чтобы быть последовательными, придется или признать данное объяснение недостаточным для понимания влияния идеального на тело, ведь идеальное не может быть понято как высшее в силу того, что идеальное собственной сложности не имеет, либо признать, что данная схема объяснения применима именно к отношению социального и физиологического в человеке, как двум уровням материи, которые интегрированы в человеке. Возникает вопрос, какую роль здесь играет сознание?

Человек обладает социальным материальным интегральным субстратом, в котором все уровни материальной организации (физический, химический, биологический, социальный) в пространственно-временном плане тождественны, но при этом соподчинены, иерархизированны [13; 14], в связи с чем они одновременно выступают в качестве моментов сложного – социального. «Каждая форма материи, каждый субстрат обладает определенной формой материальной активности (движения) ... Развитие субстрата осуществляется в связи с собой и другими субстратами одновременно. Объект не может изменяться без изменения его непосредственного предметного окружения, с которым он связан, с которым он, стало быть, находится во взаимодействии. В качестве стороны предметного взаимодействия, а значит и развития в целом выступает отражение – способность взаимодействующих субстратов в специфической форме, сообразно содержанию, свойствам и отношениям субстрата отражения воспроизводить характеристики другого субстрата» [7, с. 72]. «Специфика социального субстрата раскрывается в способности человека производить (развивать) себя



посредством преобразования любых материальных объектов (природных, искусственных (средств производства и знаков) и социальных – других людей), что воспроизводится в социальной форме отражения» [7, с. 72]. В процессе взаимодействия с другими людьми мы часто воспроизводим их свойства и трудовые навыки так, что это происходит, даже не отражаясь в сознании (например, бессознательное копирование поведения другого человека в процессе общения). Отражение других предметов, тоже имеет социальный характер. «На идеальный (социальный) характер форм чувственного сознания человека однозначно указывает тот факт, что индивид создает такие искусственные объекты, посредством которых он оказывается способен вызывать вполне определенные физиологические реакции своего организма. Эти реакции составляют биологическую основу человеческих ощущений, но сами ощущения к ним не сводятся. Животное реагирует на запах (определенный химический состав) предмета, человек создает предмет с определенным запахом, на который реагирует его биология. Намеренное производство предмета, вызывающего определенные ощущения, свидетельствует о том, что сами эти ощущения первоначально складываются в голове человека не как биологические, а как социальные идеальные образования» [19, с. 61]. Так как человек существует в мире, находясь в процессе взаимодействия с ним, он каждый момент отражает другие предметы, в том числе и самого себя, социальным образом. При чем такое отражение одновременно и идеально, и материально, так как человек является материальным существом.

Сознание является стороной социального материального отражения. Таким образом, оно не существует в отрыве от социального материального отражения. Любой сознательный акт возникает как момент социального материального отражения. То есть любой акт сознания (идеального отражения), одновременно имеет свою социально материальную сторону, сопровождается социальным материальным отражением. Сам этот акт социально материального отражения, как социально интегральный выступает высшим по отношению к физиологии, в том числе работе мозга. И тем самым он как высшее, имеющее основу в своем низшем, подчиняет его себе, то есть до определенной степени может управлять им. И тут уже действуют эти три закономерности отношения высшего и включенного низшего. Другими словами, не идеальное (сознание) напрямую управляет телом, а именно социально-материальное отражение, стороной которого сознание является, управляет телом как высшее низшим. Именно поэтому поиск отношения напрямую между сознанием и телом или мозгом обречен на неудачу. Ведь между ними нет прямого отношения! Социальное связано с

физиологическим телом, существует посредством его и именно между ними складываются отношения и связь. А сознание является лишь стороной социального.

Конечно, остается вопрос, как именно сознание связано с социально-материальным отражением, в чем конкретно состоит его роль, как происходит это взаимодействие и что, в сущности, представляет из себя социально-материальное отражение. Эти вопросы еще требуют своего разрешения. Но направление стратегии решения проблемы сознания должно стать совершенно иным. Вместо поиска отношения сознание/тело, нужно переключиться на поиск отношения сознание/труд/физиология.

Таким образом, наша гипотеза строится на понимании человека как социально интегрально материального существа, все уровни организации которого пространственно-временно неразделимы и находятся между собой в вертикальных отношениях высшего и включенного низшего. Способом существования человека является труд – как процесс производства самого себя посредством преобразования материи. Сам труд является концентрированным выражением сущности человека, его субстанциальным свойством, которое определяет все остальные сущностные силы человека. Так как труд производит все человеческое существование целиком, то он как производит сознание, так и подчиняет себе физиологию.

Человек как социально материальный субстрат в своем существовании взаимодействует с другими социально-материальными субстратами, стороной такого взаимодействия является отражение, которое выступает в двух формах: социально-материальной и социально-идеальной. При чем социально-идеальное отражение является стороной и моментом социально-материального отражения. Они находятся между собой в отношении первичного/вторичного, существуют одновременно. То есть каждое социально-идеальное отражение связано с социально-материальным как со своей основой. И поэтому каждому социально-идеальному отражению соответствует некоторое социально-материальное отражение, которое в свою очередь выступает в качестве высшего по отношению к физиологии как к своему включенному низшему, подчиняя его себе, делая своей функцией. Таким образом, связь сознания и физиологии опосредуется социально-материальным отражением, которое само по себе является стороной труда как способа существования человека. Это приводит нас к выводу, что прямой связи между сознанием и физиологией не существует, и данная связь опосредуется трудом.

Однако стоит оговориться, что мы не претендуем на окончательное решение психофизиологической проблемы. Это всего лишь гипотеза, при чем

сформулированная довольно абстрактно и имеющая под собой пока мало эмпирических подтверждений. Она может быть рассмотрена как вариант пути решения психофизиологической проблемы, который снимает некоторые трудности, свойственные традиционной постановке вопроса.

## Список литературы

1. Ярошевский М. Психофизическая проблема. // Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия. 1962. – 576 с.
2. Юлина Н. С. Тайна сознания: альтернативные стратегии исследования (Часть первая) // Вопросы философии. 2004. № 10. С. 125–135.
3. Батаева Л.А., Олейник О.А. «Трудные проблемы» аналитической философии сознания // Вопросы философии, 2011, №12. С.129 – 138. URL: [http://vphil.ru/index.php?option=com\\_content&task=view&id=443&Itemid=52](http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=443&Itemid=52) (дата обращения 28.11.2021)
4. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 270 с.
5. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 512 с.
6. Дубровский Д.И. Проблема «Сознание и мозг»: информационный подход // Знание. Понимание. Умение. 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-soznanie-i-mozg-informatsionnyu-podhod> (дата обращения: 11.05.2023).
7. Корякин В. В. Идеальное как свойство социального материального интегрального субстрата (человека) // Новые идеи в философии. 2022. № 10 (31). – С. 65–76.
8. Ильенков Э. В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма // Диалектика идеального. М.: Мир философии. 2015. – 336 с.
9. Дубровский Д.И. Проблема «Сознание и мозг»: информационный подход // Знание. Понимание. Умение. 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-soznanie-i-mozg-informatsionnyu-podhod> (дата обращения: 11.05.2023).
10. Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь: Перм. гос. ун-т, 1974. – 397 с.
11. Орлов В.В. Основы философии: учеб. Пособие в 2 ч. Ч.1. Пермь: изд-во Пермского ун-та, 2012. – 197 с.
12. Корякин В. В. Труд и единый закономерный исторический процесс. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2008. – 339 с.
13. Орлов В.В. К понятию человеческой природы // Философия пограничных проблем
14. науки. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1968. Вып. 2. С. 87–101.
15. Орлов В.В. К общей философской концепции человека // Философия пограничных
16. проблем науки. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1974. С. 72–93.
17. 15. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат,
18. 1960. Т. 23.
17. Орлов В.В. Психофизиологическая проблема. Философский очерк. Пермь: Изд-во
19. Перм. ун-та, 1966. – 438 с.
18. Психика // Большой психологический словарь. – М.: Прайм-ЕВРОЗНАК. Под ред. Б. Г. Мещерякова, акад. В. П. Зинченко. 2003.
19. Дубровский Д.И. Проблема идеального. – М.: Мысль, 1983. – 228 с.
20. Корякин В.В. Роль труда в отношениях психики и физиологии // Новые идеи в философии. – 2023. № 11(32). С. 43–64.
21. Барг О.А., Буйневич В.С. Аналитическая философия сознания и диалектический материализм // Новые идеи в философии. 2021. № 8 (29). С. 34–49.

## **A NEW KEY TO THE PSYCHOPHYSIOLOGICAL PROBLEM: THE PHENOMENON OF SOCIAL MATERIAL REFLECTION**

***Vyacheslav S. Buynevich***

Perm State University

614990, Russia Perm, Bukireva st., 15

The psychophysiological problem remains difficult to solve due to the contradiction between substrate and its attributes, which is inherent in its very formulation. This contradiction arises from the recognition of a direct connection between the psyche and the brain. However, the psyche (including consciousness) belongs not to the brain but to man as a social being capable of creating himself and material life through labor. Psychic and physiological processes are interconnected not directly with each other, but through labor, which serves as their common basis. It is labor that affects human biology by changing the environment to which humans must adapt, and forms ideal consciousness, thereby transforming both the individual and his or her surrounding nature.

Keywords: psychophysiological problem, labor, social essence, social substrate, consciousness, reflection, higher and lower, ideal.

*Научное издание*

**НОВЫЕ ИДЕИ В ФИЛОСОФИИ**

Научный журнал

Выпуск 14(35)

Подписано в печать 10.12.2024. Выход в свет 17.12.2024  
Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 8,60. Тираж 50 экз. Заказ № 149

Адрес учредителя и издателя:  
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15,  
Пермский государственный  
национальный исследовательский университет  
Тел. +7 (342)239-64-35

Адрес редакции  
«Новые идеи в философии»:  
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15,  
Пермский государственный  
национальный исследовательский университет  
Философско-социологический факультет,  
кафедра философии  
Тел. +7 (342)239-63-92  
E-mail: philosophy-psu@mail.ru

Управление издательской деятельности ПГНИУ  
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15  
Тел. +7 (342) 239-66-36 E-mail: unipress@psu.ru  
Отпечатано в типографии ПГНИУ  
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.  
Тел. +7 (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно

